

Арас Дж.

Терроризм вчера, сегодня и навеки

ПЛАН

· Блок 1. Терроризм в контексте истории

• Введение

• Древний мир

• Средние века

• Новое время

• Новейшее время

• Терроризм как феномен

• Насилие как абсолютное средство выбора и диапазон целей

• Цель оправдывает средства

- Символы сопротивления

- Без определения не будет восприятия

- Блок 2. Третья мировая война: формирование современных предпосылок

- Введение

- Эпизод первый: Хезболлах (религиозно мотивированный терроризм)

- Эпизод второй: Ирландская республиканская армия (этнически мотивированный терроризм; западный вариант)

- Эпизод третий: Курдская рабочая партия (этнически мотивированный терроризм; восточный вариант)

- Эпизод четвертый: Красные Бригады (идейно мотивированный терроризм; левый спектр)

- Эпизод пятый: Секретная вооруженная организация, и другие (идейно мотивированный терроризм; правый спектр)

- Эпизод шестой: UNITA (терроризм под прикрытием национально-освободительного движения)

- Завершение генезиса

- Блок 3. Пейзаж после битвы: многополюсный мир хаоса

- Введение

- Параметры хаоса

- Эпизод седьмой: Революционные вооруженные силы Колумбии (FARC)

- Эпизод восьмой: Армия освобождения Косово (UCK)

- Эпизод девятый: Тигры освобождения Тамил-Илама (LTTE)

- Негосударственные военизированные системы

· Блок 4. Четвертая мировая война: генезис и начало

• Введение

• Усама бен Ладен

• Сомали

• Нью-Йорк - 93

• Босния

• Чечня

• Африка - 98

• Кризис 1998 г.

• Кашмир - 99

• Дагестан - 99

- Афганистан

- Империя "Аль-Каиды"

- Империя наносит удар

- Блок 5. Первый эшелон современного терроризма

- Введение

- Асимметричная война

- Захват

- Угон

- Киднеппинг

- Убийство

- Взрыв
- Суицидальный терроризм
- Конвенциональное оружие
- Неконвенциональное оружие

· Блок 6. Второй эшелон и периферия современного терроризма

- Введение
- Политический, информационный, финансовый компоненты
- Периферийные формы терроризма
- Экстремизм
- Индивидуальный терроризм

- Организованная преступность
- Кибертерроризм
- Тоталитарные секты
- Объединения по интересам
- Частные военные организации
- Блок 7. Футурология
- Введение
- Четвертая мировая война
- Встречные обостряющие факторы
- Что это такое ?
- Как с этим бороться?
- Вместо заключения

Необходимое пояснение

Предыстория этой работы такова. В сентябре 2002 г. ко мне обратилось руководство DIXI-FILM - одной из самых профессиональных, на мой взгляд,

продюсерских компаний России, с предложением написать сценарий, и в последующем консультировать 7-серийный документальный фильм по проблеме терроризма, который должен был сниматься по заказу одного из ведущих российских телеканалов. В основу материала предполагалось заложить идеи, сформулированные в моей книге <Четвертая мировая война. Информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам>, которая была опубликована за пару месяцев до этого. Предложение показалось интересным, было принято, и <процесс пошел>. В результате затраченных усилий получился гибрид исторического очерка, оперативно-аналитической сводки и философского эссе. По истечении оговоренного срока работа была завершена, и осталось <глубоко удовлетвориться>. Но, исходя из практического принципа <мочить двух зайцев в одном сортире>, и по взаимной договоренности с заказчиком, который является обладателем прав на съемку сериала и может менять содержание сценария по своему усмотрению, я решил, во избежание последующих разночтений, издать уже написанный сценарий в виде печатной публикации. Все содержащиеся в ней сведения, факты, утверждения, предположения, слухи и фантазии основаны на открытых информационных источниках, отражают мою личную точку зрения на рассматриваемый предмет, и не имеют никакого отношения ни к моей профессиональной деятельности, ни к официальной позиции государственных структур какой-либо национальной принадлежности.

Книга была издана в январе 2003 г. в издательстве "SADA" (Азербайджан, г.Баку).

Блок 1. Терроризм в контексте истории

Насилие пронзает всю историю человечества. Оно заложено в самой природе биологического, и, следовательно, общественного развития. Ярчайшей иллюстрацией склонности к насилию является историческая хроника, которая бесстрастно свидетельствует: из последних 3.500 лет всего 270 были мирными; остальные прошли в войнах и вооруженных конфликтах. Среди многих, безграничных по форме проявлений озлобления и насилия, отчетливо выделяется особо зловещий феномен - терроризм. Введенный Аристотелем термин, происходящий от древнегреческого слова *Terros* (Ужас), первоначально обозначавший процесс негативной экзальтации среди театральных зрителей, прошел через века человеческой истории, трансформировавшись, в конечном счете, в одну из самых серьезных и масштабных угроз современности.

Древний мир

Отражение того, что сегодня назвали бы террористической практикой, можно без особого труда различить в многочисленных хрониках, в которых, с момента зарождения письменности, фиксировалась политическая и военная история современности. Ссылки на действия, попадающие под сегодняшнее юридическое понятие терроризма, есть и в Библии.

По мере развития древних цивилизаций, становившиеся все более устойчивыми сообщества и государства стали опираться на законы, регулировавшие общественные отношения, в том числе их силовые аспекты. Ведущим менеджером этих отношений выступала религия, с ее запретительными функциями. Где-то во II тысячелетии до Рождества Христова на Древнем Востоке начали формироваться также зачаточные, слабые ограничители на насилие, которое являлось неизбежным спутником непрерывных войн. Этот процесс принял более развитую и упорядоченную форму позднее, в период Древней Греции и Рима, в которых были приняты первичные, весьма примитивные правила ведения войны. Целью их внедрения являлось не столько воспрещение насилия как такового, сколько его направление в относительно контролируемое русло. Выражаясь современным языком, эти правила затрагивали такие аспекты, как защита гражданского населения и гражданской инфраструктуры в зоне боевых действий, обмен пленными и телами погибших, запрещение особо опасных способов и средств ведения войны (к которым в ту историческую эпоху было отнесено, например, отравленное оружие), система перемирий, и целый ряд других позиций. Введение этих правил мотивировалось, конечно, не гуманитарными импульсами, а скорее соображениями практической (политической и оперативной) необходимости и материальной выгоды, вытекающей из контекста введущихся войн. На практике эти правила выполнялось весьма редко, чему свидетелем хроника тех жестоких эпох.

История полна примеров того, как отдельные индивидуумы, или группы индивидуумов, ведомые своей, лишь им доступной мотивацией, с легкостью преступали все действовавшие правовые и религиозные запреты, достигая своих целей насилием. Убийство Гая Юлия Цезаря Брутом в 44 г. до н.э., может рассматриваться как один из первых, и в известном смысле, классических актов политического терроризма, если подходить к нему с юридических и нравственных позиций сегодняшнего дня. Римские императоры Калигула и Домициан также пали жертвой политических убийств. В 66 – 72 г. н.э. жизнь на территории современной Палестины была фактически парализована деятельностью сикариев (sicarii, от sica - короткий меч, скрываемый под полым плащом) – тайной секты религиозных фанатиков, в своей борьбе против владычества Рима без ограничений прибегавших к помощи кинжала и яда. Сикарии с полным правом

могут считаться самой первой зафиксированной в истории террористической организацией.

Средние века

Темный период Средневековья явился апофеозом всеохватывающего, многопрофильного насилия. Институтом, который отчасти пытался установить ограничительные лимиты на насилие, стала христианская церковь. Именно в ее недрах зародились и были достаточно развиты концепции "справедливой войны" и "законов ведения войны". Отражением этих концепций явился, в частности, рыцарский кодекс чести, обуславливавший гуманное отношение к противнику. Вряд ли стоит говорить о том, что такое отношение все еще было весьма избирательным, и практически не влияло на количество жертв и масштабы разрушений в опустошительных войнах средневекового периода

Тем временем феномен, понимаемый нами теперь как «терроризм», постепенно выходил из своего зачаточного состояния, уже начиная особо выделяться на сплошном фоне насилия того периода. Как правило, объединительным базисом для структурных групп, не признающих правовые и моральные основы правления власть предержащих, становилась религия, точнее ее особые, мистические переверсии. Рыцарский орден Тамплиеров, секта катаров – альбигойцев, и многие другие, действовавшие на грани, или за гранью формата государственно-политических систем средневековой Европы, однозначно использовали насилие как средство достижения поставленных ими целей.

Классическим примером террористической организации этого периода, ее тайной войны, диверсионной практики и насильственных средств достижения цели, является секта Ассасинов (Assasins). Где-то около 1090 года некто Хасан ибн ас-Саббах, захватил в горной долине к северу от Хамадана (современный Иран) крепость Аламут. В течение последующих полутора столетий сторонники и последователи Горного Старца, под именем которого вошел в историю основатель секты, опираясь на контролируемый район, который сегодня профессионалы ан-ти-террора назвали бы "серой зоной", лишили покоя правящие династии на обширном пространстве от Средиземного моря до Персидского залива. Движимые неясной до конца религиозной мотивацией, практически неуловимые, и от этого еще более устрашающие адепты секты (с позиций сегодняшнего дня - боевики), убили за период своей деятельности сотни халифов

и султанов, военачальников и представителей официального духовенства, посеяв ужас во дворцах правителей, существенно дестабилизировав политическую ситуацию на обширном геополитическом пространстве Востока, и затем внезапно исчезнув в середине XII века. Согласно легенде, перед направлением на запланированное убийство его будущие исполнители усиленно обрабатывались наркотическими веществами конопляной и опийной групп, в том числе гашишем. Отсюда происходит распространенное название секты – Hashishin, дошедшее до Европы в искаженном французском произношении Assasin, от которого, в свою очередь, и произошло английское слово Assassination, означающее "политическое убийство".

Новое время

Эпоха Возрождения и процесс дальнейшего развития человеческой цивилизации в ее идейно-философских, культурных, научных и технических аспектах, вне всякого сомнения, способствовал значительной "гуманизации" внутреннего и внешнего насилия, несмотря на кажущуюся парадоксальность такого утверждения.

Уроки Инквизиции, Реформации, нидерландской революции, многочисленных и жестоких военных конфликтов XVI – XVII веков, бесчинств наемных армий, буквально опустошивших Европу, не прошли для ее обитателей даром. Тридцатилетняя война, по своему пространственному размаху и составу участников, фактически являвшаяся первой континентальной (всеевропейской) войной, завершилась в 1648 г. Вестфальским миром. Этот рубеж, несомненно, вошел в историю человечества, не только положив начало эпохе национальных государств (которая в известном смысле продолжается и сегодня), но и сформировав основополагающие предпосылки для современного международного права ведения войны – в том числе аспектов регулирования поведения в отношении пленных, нон-комбатантов, собственности и материальных ценностей, масштабов, средств и способов боевых действий.

С появлением суверенных национальных государств война стала инструментом продолжения их политики другими средствами. Нарастание амплитуды и параметров вооруженных конфликтов (Войны за Испанское и Австрийское наследство, Семилетняя война) привнесли в жизнь еще более настоятельную необходимость появления и внедрения законов, регулирующих дисциплинарно-

административные аспекты действий армий на поле боя и вне его, своего рода поведенческой модели, основанной на гуманитарном отношении как к вооруженному противнику, так и гражданскому населению. И хотя говорить о соблюдении внедряемых норм не приходится, следует констатировать, что уровень прямого и побочного военного насилия в Новое время становится уже существенно ниже, чем в предыдущие исторические эпохи.

Оборотной стороной становления государств в качестве абсолютной рамочной надстройки наций и юридического закрепления за ними монополии на насилие, стало объективное торможение процесса развертывания того феноменального явления, которое мы сегодня обозначаем общим термином "терроризм". История рассматриваемого периода фактически не являет ярко выраженных и масштабных структур и индивидуумов, которые реализовали бы террористические средства достижения целей вне формата государства.

Примат государства – монополиста на насилие, наиболее отчетливо выявился в период Великой французской революции. Восстание низов, насильственное и формально незаконное по своей сути, которое лишь через десятилетия было признано правомерным при наличии целого ряда обстоятельств (право на восстание масс против режима – *Levee en Masse*), явилось государственным переворотом, который был узаконен его вдохновителями и лидерами в конституционном порядке. Свергнувшие государство стали им сами; насилие, кратковременно вышедшее за пределы формата, было быстро возвращено в организованное русло.

Примат государства – монополиста на насилие, наиболее отчетливо выявился в период Великой французской революции. Восстание низов, насильственное и формально незаконное по своей сути, которое лишь через десятилетия было признано правомерным при наличии целого ряда обстоятельств (право на восстание масс против режима – *Levee en Masse*), явилось государственным переворотом, который был узаконен его вдохновителями и лидерами в конституционном порядке. Свергнувшие государство стали им сами; насилие, кратковременно вышедшее за пределы формата, было быстро возвращено в организованное русло. Короткая история этого государства уложилась между двумя знаковыми событиями: казнью (фактически - судебным убийством) членов династии Бурбонов, и провозглашением 5 сентября 1793 г. Директорией террора в качестве официальной политики республиканской Франции, как тотального средства достижения абсолютной цели – Свободы, Равенства, Братства всех людей. Будучи утвержденной формально избранным законодательным органом – Конвентом, она может рассматриваться (почти за полтора столетия до Ленина, не говоря уже о Гитлере, Сталине и Пол-Поте), как первый исторический прецедент заявленной государственной политики внутреннего террора. За первый (и

последний) год якобинской "Власти террора" (Reign of Terror) его жертвами стали 500.000 французов (каждый пятидесятый гражданин Республики); в том числе 15.000 человек были приговорены к смерти, из них 12.000 исполнены, в основном при помощи гильотины, 210-ю годовщину изобретения которой мир "отметил" в 2002 г. "Революция пожирает своих детей" - поэтому неудивительно, что и Робеспьер, вдохновитель и организатор процесса, в конце концов, сам пал его же жертвой. Куда более знаковой представляется гибель идейного генератора концепции революционного террора – Марата, - от кинжала женщины-террористки. В этом эпизоде, как в капле воды отражаются тонкие различительные нюансы между государственным насилием, и встречным насилием со стороны индивидуумов и групп, не только структурно не ассоциированных с государством, но и противопоставленных ему.

Эпоха социальных революций середины XIX – начала XX века (от восстания лионских ткачей и европейских событий 1848 – 49 г.г. до Парижской коммуны и российского 1905 года), почти всегда кровавых, на первый оправдывает высказывание Мао Цзе-Дуна, который в 1927 г. произнес парафразу Ленина: "Революция – это восстание, акт насилия...". Однако, эти процессы, сочетавшие в себе как терроризм масс, так и встречный государственный террор, в соответствии с противоречивыми законами общественного развития и поступательной эволюцией человеческой цивилизации, в конечном итоге, объективно вели к распространению демократии, становлению правовых систем, политических и гражданских свобод, повышению роли личности, и как следствие – снижению уровня и сужению пространства внутреннего государственного насилия.

Данная тенденция, несомненно, нашла свое отражение и в системе внешнего (межгосударственного) насилия. Кровавая эпоха Наполеоновских войн завершилась в 1815 г. Венским конгрессом, которые сформулировал предпосылки для принятия цивилизованными государствами законов ведения войны. Закрепленные Брюссельской декларацией 1847 г., Женевскими конвенциями 1863 г. и 1906 г., Гаагскими конвенциями 1899 г. и 1907 г., они нашли свое отражение не только в межгосударственных договоренностях, но и действующих уставах армий того периода. В 1864 г. молодой швейцарец Анри Дюнан, потрясенный картиной страданий раненных, брошенных на поле сражения при Мадженте и Сольферино (французско-австрийская война, 1859 г.), создает организацию Красного Креста. Постепенно, защищающее действие законов ведения войны распространяется на периферийные группы – например, африканских рабов, или американских индейцев. Гражданская война 1861 – 65 г.г. между Севером и Югом способствовала формированию права также применительно к внутренним вооруженным конфликтам.

Феномен, понимаемый нами сегодня, как терроризм, в XIX веке стимулировался двумя особыми причинами, одна из которых проистекала от динамики промышленной революции, стремительной индустриализации государств, и расширения параллельного процесса просвещения. В его основе лежали предпосылки в виде социального расслоения и конфликта, а также деформация традиционных общественных моделей, мотивировавших, в свою очередь, идейный оправдательный контекст террористической практики, как радикального средства выхода на путь развития за счет силового устранения имевшихся препятствий, персонифицированных в отдельных личностях, или институтах. Социально-протестный подтекст присущ практически всем значимым террористическим организациям того периода - от народников и анархистов, до большевиков и эсеров.

Всего лишь за 40 месяцев (1878 – 81 г.г.) своего существования организация "Народная Воля", ограниченная по своему численному составу, но претендовавшая на выражение чаяний многомиллионных народных масс, осуществила кампанию терактов против представителей системы государственного управления Российской империи, кульминацией которой стал взрыв 1 марта 1881 г. в Санкт-Петербурге, унесший жизнь царя Александра II, и в значительной степени, с учетом вытекающих причинно-следственных связей, определивший дальнейшее развитие исторической судьбы России. Вторая волна террора в России, пришлось на начало XX века. В 1901 г. членом боевой организации партии эсеров был застрелен министр просвещения Боголепов, в 1902 г. – министр внутренних Сипягин, в 1904 г. – его преемник Плеве. Если в 1903 – 04 г.г. в России произошли 5 политических убийств, то в 1905 г. – уже 54, 1906 г. – 82, 1907 г. – 73. Апофеозом политического терроризма стало убийство в киевском оперном театре премьер-министра Столыпина, поставившее крест на попытках реформирования государственной и общественной системы Империи сверху. Но Россия не была в этом смысле каким-то особым исключением на политическом пространстве Европы и Северной Америки. Например, в 1894 г. террорист-анархист убил президента Франции Сади Карно. В 1897 г. представителями того же политического течения был убит премьер-министра Испании Антонио Кановас дель Кастильо и смертельно ранена королева Австро-Венгрии Елизавета. В 1900 г. был убит король Италии Умберто I, в 1901 г. – застрелен президент США Уильям Мак-Кинли.

Второй причиной возрастания значения фактора терроризма в функциональной системе мировой политики, явился рост национального самосознания, и его производной – радикального национализма. Европейское пространство и прилегающие территории, многие столетия объединенные и контролировавшиеся Римом, а затем производными от него империями, в XIX веке было населено почти что 500 различными этническими группами и подгруппами, что не могло ни вести к нарастанию противоречий, особенно на фоне консолидации сложившихся

национальных государств. Сплетение социальных и национально-этнических (конфессиональных) причин отслеживается, например, в феноменах ирландского и армянского терроризма. Их корни зародились тогда, в XIX веке, но вызванные ими проблемы актуальны и поныне. И вряд ли случайно, именно террористический эпизод с националистической исходной мотивацией – убийство 28 июня 1914 г. членом сербской подпольной организации "Млада Босна" Гаврилой Принципом наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда в Сараево, - послужило триггер-фактором начала Первой мировой войны – действительно первого глобального военного цикла, решающим образом повлиявшего на судьбы человечества.

Новейшее время

Острота рассматриваемого нами явления в период между двумя первыми мировыми войнами сошла на нет; не столько в силу его исчезновения, сколько ввиду заслоняющего глобального масштаба конкуренции между ведущими государствами. На этом фоне, в 20-х – 40-х годах прошлого века, феномен терроризма носил, второстепенный, локально-импульсный, избирательно-точечный характер.

Катастрофические (с точки зрения человеческой и религиозной морали) итоги Первой и Второй мировой войн сформировали у политических элит ведущих государств отчетливое стремление еще более уменьшить масштабы неизбежного военного насилия, окончательно определив его правовые параметры и защитив невиновных. В этом плане, создание Организации объединенных наций, подписание Женевской конвенции 1949 г. о правилах ведения войны, явились пусть не панацеей, но многообещающим началом. Впервые за пять с лишним тысяч лет военной истории человечества было наиболее четко определено – что можно и что нельзя на войне. И в этой системе однозначно не было места для терроризма. Таким образом, терроризм, по своей моральной сути – насилие против невиновных, окончательно оказался вне закона.

Более четырех десятилетий мир жил по законам, сформулированным за столом переговоров в Ялте и Потсдаме. Будущие историки, на фоне текущих и грядущих событий, возможно, посчитают, что это были не самые тревожные годы человеческой истории, хотя большинство современников с ними вряд ли согласится. Все-таки, с 1945 по 1990 год в мире произошло около 30.000 терактов;

в среднем по два убийства, взрыва, или угона транспортных средств каждые сутки. Однако, на рубеже 80-х - 90-х годов Двадцатого века, сложившаяся система относительного равновесия, повинуюсь глубинным, быть может, отчасти мистическим импульсам, начала неожиданно и стремительно разрушаться. Событиям тех лет, в которых во многом заложены основы сегодняшних потрясений, в том числе поступательной эволюции феномена терроризма, будут посвящены следующие серии этого документального цикла. Нас же сейчас интересует ответ на простой вопрос – что же такое терроризм?

Терроризм как феномен

На этот простой вопрос нельзя дать не только простой, но даже и сложный вопрос. А возможно – вообще никакой. Если ориентироваться в современной нам системе правовых и научных координат, то мы вынуждены будем констатировать, что сегодня в мире существует более ста (!) официальных определений феномена терроризма. Несомненно, что в композиции этих определений очень часто присутствуют политико-прагматические подходы национально-государственного, и быть может даже, более заниженного, ведомственно-группового уровня. Наложение же через призму религиозной морали, философских воззрений, психологических аспектов, однозначно усугубляет понимание и без того сложного фона рассматриваемого явления. При этом, ранее сформировавшееся многоплановое смысловое содержание понятия «терроризм» в современный нам период, после событий 11 сентября, стремительно видоизменяется, и, следовательно, девальвируется. Поэтому, избегая универсальных формулировок, постараемся выделить те несомненные присущие признаки, которые ярко выделяют терроризм на фоне других социально-политических явлений.

Насилие как абсолютное средство выбора и диапазон целей

Сердцевиной терроризма являются организованное насилие, или угроза его применения, в импульсном, или продолжительном режиме, и их немедленные производные – страх, паника, атмосфера коллапса. Долгосрочный целевой диапазон структур, реализующих терроризм в качестве средства достижения

цели, включает: заявка на существование и влияние; выдвижение требований в широком контексте необходимости политических или социально-экономических трансформаций, реализации этнических, идеологических, или религиозных проектов; принуждение к их частичному или полному выполнению. В случае, когда таких требований нет, а факт терроризма налицо – это уже признак ведения войны, направленной на достижение тотальной цели – дестабилизацию и разрушение общественного и государственного строя, воспринимаемых в качестве противника.

Цель оправдывает средства

Несущим стержнем любой идеологической конструкции любой из структурных групп, или индивидуумов, реализующих террористическую практику, является моральное оправдание совершаемого насилия благородно-этическими целями, мотивами, стимулами, предложениями. Вот как сформулировал идею в конце 60-х годов Хуан Карлос Марихелья, лидер бразильской повстанческой группы Авангард народной борьбы, автор известного учебника "Краткое пособие по организации городской партизанской войны": "Террор – оружие, от которого революционер никогда не откажется". А генерал Амброджио Вивиани, шеф итальянской контрразведки периода 80-х г.г., автор не менее известного "Учебника контрразведки", считал: <>"Терроризм – это оружие тех, кто намерен бороться за свободу, но не имеет для этого армии". Практическим следствием такого «морального» подхода является преодоление любых моральных же и правовых ограничителей (за исключением моментов, связанных с прагматическими соображениями), и неизберательность в средствах достижения поставленной цели. Трагическим подтверждением этого стали: больница в Будденовске, роддом в Кизляре и московский театр, захваченные вместе с более чем 5.000 заложников чеченскими боевиками Басаева, Радуева, Бараева, в качестве "законных военных объектов".

Символы сопротивления

Характерным признаком терроризма можно считать претензии относительно ограниченных по составу элитных групп, или отдельных лиц, на репрезентацию широких категорий общества. Вряд ли должен удивлять тот факт, что лидеры, говорившие от имени угнетенных масс – от Робеспьера и Энгельса до Арафата и бен Ладена – сами происходили из слоев, которые принято считать средними, т.е. обеспеченными. Так, Робеспьер и Ленин были юристами, Че Гевара и Жорж Хабаш – врачами, Бакунин – мелким дворянином, Мао Цзе-Дун – библиотекарем, Усама бен Ладен – инженером-строителем. За этим внешним парадоксом, как правило, присутствует устойчивая попытка "оседлать тенденцию" за счет направления обоснованного недовольства в русло личных амбиций, реализация которых могла бы способствовать переходу его носителей из среднего непосредственно в высший класс общества. В этой связи, в интересах мобилизации масс, руководящему эшелону структур, реализующих теорию и практику терроризма, обоснованно присущ культ "символов сопротивления", персонифицирующихся с отдельными личностями. При этом одним, в зависимости от индивидуальных и групповых социо-культурных и психологических стереотипов, достаточно революционной философии Реже Дебре, фактически романтизирующего терроризм в лице команданте Че Гевары; другим же необходим пантеон мучеников, ассоциирующийся с портретами безымянных шахидов, развешанных на узких пыльных улочках палестинских городов.

Без определения не будет воспрещения

Итак, перед нами очевидные составные элементы; однако, собрать окончательную конструкцию не удастся. Слишком многоликим, неоднородным, неоднозначным и динамичным феноменом является терроризм сегодня, в начале XXI века. Слишком мало консенсуса по данной глобальной проблеме, и перспектив его достижения не предвидится. Слишком много политизации, двусмысленности, субъективных интересов, отражающихся в частичных, конъюнктурных, или интуитивных и эмоциональных определениях. Поэтому, к сожалению, сегодня как никогда верна формула израильского исследователя проблемы Боза Гэнора: "Без определения не будет воспрещения" (No prohibition without definition). Но, быть может, к концу этого сериала мы все-таки будем немного ближе к окончательному ответу.

Блок 2. Третья мировая война: формирование современных предпосылок

Введение

Двадцатый век вошел в историю как период практически непрерывного военного насилия. Выход человечества к последним пределам среды обитания, и закрытие мирового пространства – ойкумены, обозначили начало продолжительного процесса ожесточенной борьбы за контроль над сферами влияния и ресурсами. Динамика отношений между государствами слишком часто стала принимать крайние формы, логическим результатом чего стали десятки войн и сотни вооруженных конфликтов. Подавляющее их большинство вошло в качестве составных компонентов в глобальные военные циклы – мировые войны.

Характерной особенностью Первой и Второй мировых войн было прямое вооруженное столкновение противоборствующих сторон с применением ими эксклюзивного инструмента государственного насилия – регулярных вооруженных сил. Однако, стремительное развитие средств вооруженной борьбы после 1945 г., обозначило фактический конец эпохи многомиллионных армий. Символическим апофеозом ее стали зловещие грибы ядерных взрывов над Хиросимой и Нагасаки.

В результате, уже на этапе генезиса Третьей мировой ("холодной") войны, начала формироваться новая универсальная тенденция. Запад и Восток – две глобальные системы, создавшие ракетно-ядерный потенциал многократного уничтожения человеческой цивилизации, в интересах собственного самосохранения перенесли эпицентр взаимного противостояния на мировую периферию.

Новая – Третья мировая война, следовательно, не носила характер прямого крупномасштабного столкновения, но была фрагментирована на многочисленные продолжительные военно-политические кризисы и ожесточенные вооруженные конфликты вдоль сложившихся разделительных линий. И именно тогда, уже на начальном этапе Третьей мировой, впервые выявилась, и очень скоро полноценно реализовалась качественно новая военно-политическая категория – самостоятельные военизированные структуры и системы, не имеющие определенной принадлежности к существующим государственным институтам. Эти структуры и системы, первоначально возникавшие в силу локальных условий, при поддержке противоборствующих мировых центров силы, ведомых логикой

"холодной войны" и парадигмами блокового мышления, немедленно вовлекались ими в орбиту глобального противостояния. Воюя формально за свои собственные цели, они повсеместно – в песках африканских пустынь и в южноамериканских джунглях, в азиатских горах и на улицах европейских городов, в очень многих случаях становились самым эффективным инструментом негативной стратегии и политики могущественных аутсайдеров. Этим инструментом пользовались все участники мирового конфликта – и СССР, кормивший мало-мальски значимые марксистские группы планеты за свой счет, и США, делившие «сукиных детей» на своих и чужих, и их младшие партнеры. Пример Ливии времен раннего Каддафи, когда ливийские доллары и оружие оборачивались выстрелами и взрывами на обширном пространстве от Ольстера до Филиппин, является весьма наглядным.

Общий тупик противостояния двух ядерных сверхдержав и их сателлитных систем, законсервировавший военно-политическую динамику второй половины XX века, борьба колоний за национальное освобождение и появление новых государств, послевоенный хаос, взрывоопасная комбинация невыполненных обещаний, несбывшихся надежд, неудовлетворенных амбиций, оказались самой благоприятной питательной средой для развертывания феномена терроризма. Именно промежуток 1945 – 90 г.г. можно назвать инкубационным периодом его зарождения и стремительного распространения в том самом многоликом и угрожающем виде, который сегодня предстает перед нами. Охватить все, даже основные аспекты этого процесса нереально; однако мы попытаемся отследить общие тенденции на отдельных примерах, характеризующих многолинейную схему развития терроризма в эпоху Третьей мировой войны.

Эпизод первый: Хезболлах (религиозно мотивированный терроризм)

Одним из основных узлов противостояния двух систем с 50-х г.г. XX века стал Ближний Восток. Стратегическое положение региона и наличие крупнейших энергетических ресурсов определили ожесточенность этого противостояния. Ключевой сюжет развивался вокруг арабо-израильского конфликта, и ее стержневой проблемы – оккупированной Израилем территории Палестины. Горечь поражений лишь усиливала нетерпимость и решимость уничтожить Израиль, и, по образному выражению Гамаль Абдель Насера, "сбросить в море евреев", рассматривавшихся не только в широких массах, но и большинством арабских интеллектуалов того периода, как чуждый элемент в регионе, внезапно появившийся после 18 веков скитаний. Вооруженная борьба палестинского движения сопротивления, развернувшаяся с 1968 г., и продолжавшаяся, со спадами и подъемами, до середины 80-х годов, по многим своим параметрам (массовый захват заложников, угон авиационных транспортных средств, применение взрывных устройств против гражданских объектов) может быть однозначно отнесена к террористической практике. Вместе с тем, следует особо

подчеркнуть, что лидеры палестинского движения того периода по своим убеждениям являлись светскими националистами, вдохновившимися под определенным воздействием марксистских концепций; следовательно, терроризм рассматривался ими, в определенной степени, как вынужденная и избирательная форма насилия. Однако, к началу 80-х, в тени происходивших у всех на виду событий, начала формироваться абсолютно новая, тогда мало кем понятая и учтенная, тенденция.

В 1973 г. некто Махмуд Гаффари, безвестный иранский богослов, сформулировал концепцию исламского государства, основанного на социальной справедливости, для реализации которой он создал "Партию Аллаха" (на арабском и персидском языках звучит Hezbollah). Партия являлась фактически кружком из нескольких человек, включая самого Гаффари, который вскоре умер в Тегеранской тюрьме. Однако, его концепция, нацеленная на создание государства, всецело организованного на принципах религии, нашла широкий отклик в низших слоях населения тех стран, которые входят в ареал распространения шиитского направления ислама. Этому способствовал набор особых внутренних характеристик выделившегося в самостоятельную конфессию в VIII веке шиизма: традиция мессианства (ожидание мессии – скрытого имама), исторически обостренное чувство угнетения и несправедливости, и вытекающие из этого традиции неповиновения и экзальтированный культ мученичества. Крах шахского режима в результате исламской революции 1979 г. привел к провозглашению Исламской республики Иран, в официальную доктрину которого вошли основные положения концепции Гаффари. Как закономерный результат, практически сразу начались проблемы в населенных шиитами регионах Саудовской Аравии, других государств Залива, в Ираке. В последнем случае конфликт очень быстро перерос в кровопролитную восьмилетнюю войну, стоившую жизни более чем миллиону человек. Однако, проблема освобождения Палестины от оккупации Израилем, возведенная идеологами исламской революции в качестве культовой, постоянно находилась в центре внимания Тегерана, невзирая ни на какие трудности войны с Ираком, и постоянное давление США. Ближайшим к Израилю государством, в котором имелась шиитская община, был Ливан.

Ливан, страна с устойчиво развивающейся экономикой, процветающим банковским и туристским сектором, именуемая "ближневосточной Швейцарией", и до сих пор в целом удачно избегавшая всех проблем, связанных с опасным соседством и непростой военно-политической обстановкой в регионе, в 1975 г. неожиданно рухнул в пропасть гражданской войны, анархии и хаоса. Ахиллесовой пятой стал исключительно сложный конфессиональный состав населения страны, осложненный присутствием многочисленных палестинских вооруженных формирований. Накопившиеся противоречия выплеснулись в вооруженный конфликт, в котором жестко сошлись христиане (католики и православные), мусульмане-сунниты, друзы, палестинцы и коммунисты.

Участие шиитской общины – второй по численности (по некоторым данным, до 30%), и самой социально угнетенной группы населения Ливана, на первом этапе гражданской войны было минимальным. Ее основная деятельность была по-прежнему сосредоточена в кружках по изучению ислама, созданных харизматическим имамом Мусой ас-Садром. Ас-Садр, первым сформулировавший программные требования по достижению политического и социально-экономического равноправия ливанских шиитов с остальными конфессиями, и пропавший в 1978 г. без вести (предположительно похищен и убит ливийскими спецслужбами), в духе мистических шиитских традиций стал знаменем сопротивления. Ситуация начала меняться в 1979 г., когда к власти в Тегеране пришли аятоллы. В последующие три года отслеживается организационное структурирование и наращивание силового потенциала радикальной части шиитской общины. Звездный час ее лидеров настал в 1982 г.

4 июня 1982 г. палестинские боевики из группы ФАТХ - Революционный Совет (ФАТАН-РС) тяжело ранили израильского посла в Лондоне Шломо Аргова. Через 48 часов Армия обороны Израиля вторглась на территорию Ливана, начав широкомасштабную операцию «Мир Галилее» (Peace to Galilea), направленную на уничтожение палестинского присутствия в стране. Ожесточенные бои израильской армии с палестинскими, ливанскими отрядами и сирийскими частями, двухмесячная осада Бейрута, тысячи жертв, огромные разрушения, резня в палестинских лагерях Сабра и Шатила, и, наконец, ввод иностранных воинских контингентов по поддержанию мира – таковы основные события драматического лета и ранней осени 82-го года. На этом фоне мало кто придал значение событию, происшедшему в небольшом городке Баальбек, расположенному в населенной в основном шиитами горной долине Бекаа на востоке Ливана. Группа радикальных лидеров шиитской общины во главе с Аббасом аль-Мусави, Хуссейном Мухаммедом Фадлалла и Субхи ат-Туфейли провозгласили создание ливанской Партии Аллаха – «Хезболлах». На съезде присутствовали представители спецслужб Ирана и Сирии. Практические последствия принятого организационного решения наступили очень скоро. Горечь поражения, понесенного несмотря на оказанное ожесточенное сопротивление, вид израильских танков в южных пригородах Бейрута, созерцание американских, британских, французских, итальянских солдат в бейрутских барах и казино, а самое главное, неспособность местных политиков договориться хотя бы на йоту с целью начать процесс стабилизации и восстановления страны, объективно спровоцировали новый виток военно-политического кризиса в Ливане. На этот раз основной удар пришелся по «Большому Шайтану» - именно так именовалась Америка в проповедях шиитских имамов.

США не без основания рассматривались в арабском мире как стратегический союзник и основной спонсор Израиля, и в первую очередь его военного потенциала. В Ливане периода 80-х, несмотря на его внешне прозападный облик, неприязнь к Америке быстро переросла в ненависть. Уже в конце 1982 г. начались вооруженные нападения на одиночных военнослужащих и обстрелы американских постов. Количество инцидентов росло. А 18 апреля 1983 г. взлетело в воздух крыло компаунда посольства США в Бейруте. Ответственность за взрыв заминированной автомашины, унесший жизни 63 человек, в том числе 17 граждан США, взяла на себя никому ранее неизвестная группировка «Исламский Джихад». Уже гораздо позднее станет известно, что это название – один из многочисленных оперативных псевдонимов Партии Аллаха.

К осени 1983 г. в бейрутских пригородах развернулась настоящая партизанская война против американского контингента, элементами которой стали засады, минометные налеты, снайперский огонь из строений. Наряду с боевиками другой шиитской группировки АМАЛЬ (AMAL), формированиями друзов, и перешедших на их сторону военнослужащих 6-й и 7-й бригад правительственной армии, в этих действиях самое активное участие приняли и боевые группы Партии Аллаха. 23 октября желтый грузовой автофургон, нагруженный тонной взрывчатого вещества, и управляемый водителем-смертником, несмотря на шквальный огонь охраны, протаранил ворота казарменного помещения батальона морской пехоты США. Последовавший мощный взрыв похоронил под обломками здания 241 американского военнослужащего. Минутами спустя второй грузовик, также управляемый камикадзе, взорвался в расположении французского контингента, убив 58 парашютистов иностранного легиона. Теракт, спланированный и проведенный оперативным отделом «Хезболлах», вошел в историю терроризма сразу по двум параметрам. Во-первых, в XX веке всего 14 террористических актов унесли жизни более чем 100 человек одновременно; во-вторых (и это важнее), данная акция была одной из первых в современной истории операций с применением смертников (но, к сожалению, далеко не последней).

Реакция США была эффектной, но малоэффективной. Ракетно-бомбовые удары с воздуха по горным склонам в окрестностях Бейрута и огонь 16-дюймовых орудий линкора New Jersey, оставлявших снарядные воронки глубиной в несколько метров, не нанесли какого-либо существенного ущерба быстро рассредоточившимся формированиям боевиков (в отличие от гражданского населения). Октябрьские теракты и последующая эскалация ситуации, в конечном счете, убедили администрацию Рейгана в наличии непреодолимого тупика в ливанской проблеме с перспективами ее «вьетнамизации», и вытекающей необходимости вывода войск во избежание дальнейших потерь. В феврале 1984 г. подразделения американской морской пехоты под минометным огнем эвакуировались с бейрутских пляжей на корабли, поставив точку в полуторалетней эпопее, ознаменовавшей весьма серьезное поражение Запада в

один из периодов самого жесткого блокового противостояния «холодной войны». Поражение тем более неожиданное, что оно было нанесено военной машине ядерной сверхдержавы несколькими сотнями легко вооруженных фанатиков, периодически возникавших как бы ниоткуда. Этот фактор «растворения в обстановке», среди гражданского населения, неоднократно проявится затем в большинстве последующих вооруженных конфликтах, начиная с 90-х годов.

Вторая половина 80-х ознаменовалась наращиванием темпов и масштабов антиамериканской кампании, проводимой руководством «Хезболлах». Еще один взрыв близ посольства США в Бейруте осенью 1984 г. (24 убитых, 90 раненных). Захват пассажирского самолета компании TWA из Афин летом 1985 г.; среди заложников находился известный эстрадный исполнитель Демис Руссос, который пел для угонщиков; под аккомпанемент его песен был расстрелян пассажир – американец. Вакханалия захвата заложников в Бейруте (каждый раз под прикрытием наименований фантомных организаций), когда за три с небольшим года были похищены более 30 дипломатов и других граждан западных государств, в том числе региональный резидент ЦРУ. Взрывы в Париже, захват и угон кувейтского авиалайнера в Иран, и многие другие теракты, организованные Партией Аллаха.

Процесс национального примирения в Ливане, начавшийся в 1990 г., и сопровождавшийся разоружением противоборствующих сторон, не затронул военный потенциал «Хезболлах», который продолжал наращиваться. С начала 90-х ее усилия сосредоточились на трех направлениях: организационная и материально-техническая поддержка исламистских террористических группировок HAMAS и Исламский Джихад, действующих на территории оккупированной Палестины и в Израиле; боевые действия против израильской армии в так называемой «зоне безопасности» на юге Ливана; теракты против израильских объектов за пределами географического региона Ближнего Востока. В марте 1992 г. и июле 1994 г. агентурно-боевой сетью Партии Аллаха были произведены взрывы заминированных автомобилей у зданий посольства Израиля и Израильско-аргентинской ассоциации взаимопомощи в Буэнос-Айресе; в результате двух терактов погибли в общей сложности 115 и были свыше 500 человек.

Развернутые в середине 90-х годов военные операции «Хезболлах» против израильской армии, оккупировавшей «зону безопасности» (полосу шириной 15 км вдоль ливано-израильской границы), сразу превратились в серьезную военно-политическую проблему для руководства Израиля. Практически каждую ночь шиитские боевики, одетые в неопреновые спортивные костюмы, чтобы избежать обнаружения инфракрасными датчиками противника, проникали в контролируемую израильтянами зону и наносили скоротечные минометные и

ракетные удары по постам, подрывали фугасы на маршрутах продвижения воинских колонн, организовывали засады против патрулей, рассредотачиваясь затем в течение считанных минут в окрестных деревнях среди гражданского населения. Традиционная чувствительность израильского общества к потерям в армии еще более осложнялась фактором постоянной угрозы ракетного обстрела населенных пунктов в самом Израиле. В апреле 1996 г. на киббуцы Галилеи из Южного Ливана за 17 суток обрушилось 746 реактивных снарядов. Ответная реакция Армии обороны Израиля, проявившаяся в операции «Гроздь Гнева» (Grapes of Wrath) - массированных авиационных и артиллерийских ударов по горам, где предположительно находились огневые позиции боевиков «Хезболлах», практически ничего не дала с военной точки зрения. Наличие постоянной угрозы, рост потерь и давления со стороны общества вынудили израильского премьера Барака в мае 2000 г. вывести войска из зоны безопасности, бесславно завершив 15-летнюю эпопею, которая обошлась Израилю в 250 убитых военнослужащих и сотни миллионов долларов. Выход израильских войсковых колонн из Ливана, транслируемый в прямом эфире крупнейшими телекомпаниями мира, в очередной раз подтвердил тот факт, что подавляющее организационное и огневое превосходство современной армии над иррегулярными партизанскими формированиями отнюдь не является непременным условием военной победы, и вознес авторитет Партии Аллаха в арабских низах до заоблачных высот.

К сегодняшнему дню «Хезболлах», пройдя трансформацию длиной в два десятилетия, превратилось из кружка численностью несколько десятков единомышленников, фактически в государство в государстве, единолично контролирующее значительные участки территории Ливана. Ее вооруженные формирования включают шестнадцать батальонов, имеющих на вооружении противотанковые ракетные комплексы, артиллерию, реактивные системы залпового огня, бронетехнику, переносные зенитно-ракетные комплексы. Пять самостоятельных специальных служб Партии Аллаха осуществляют тайные операции на пяти континентах Земли, от Канады и Австралии до Сьерра-Леоне и Сингапура. «Хезболлах» имеет влиятельных региональных союзников (Иран, Сирия), получая сотни миллионов долларов спонсорской помощи от них, а также состоятельных частных лиц – граждан арабских государств Залива, дополняя свой бюджет также прибылью от контролируемых банков, заемных учреждений, бейрутских таксопарков, строительных организаций, кустарных промышленных предприятий, поступлениями от рэкета предпринимателей, контрабанды золота, африканских бриллиантов, незаконного оборота южноамериканского кокаина и афганского героина. Империя Партии Аллаха включает собственные средства массовой информации (телерадиовещательная компания, радиостанция, газеты, журналы), организации благотворительного, социального, культурно-просветительного профиля, студенческий союз, партийную фракцию в парламенте Ливана. Но самым главным источником силы и влияния этой

организации, рожденной в эпоху «холодной войны», и пережившей ее, остается поддержка обездоленных народных масс.

Эпизод второй: Ирландская республиканская армия (этнически мотивированный терроризм; западный вариант)

Проблема Северной Ирландии – Ольстера являет собой уникальный пример 8-вековой истории повстанческого движения и терроризма, мотивированного неудовлетворенными национальными амбициями. В 1154 г. Папа Римский Адриан IV, - единственный за всю историю папства понтифик английского происхождения, - своей буллой даровал остров королю Генри II Английскому. Последний не преминул воспользоваться санкцией Святого престола, и высадился в 1171 г. в Ирландии, положив начало продолжительному и кровопролитному покорению «Зеленого острова». Только во второй половине XVI века (в период Реформации) в Ирландии произошло три мощных восстания населения, придерживавшегося католического обряда. В первой половине XVI века, в попытке изменить демографический и конфессиональный состав, британская корона начала заселение острова шотландцами - протестантами, предоставив в их распоряжение лучшие земли и различные привилегии. Встречное «десятилетнее восстание» 1641 г. было огнем и мечом подавлено Оливером Кромвелем, войска которого убили более 600.000 ирландцев. Тем не менее, социально-экономическое ущемление, усугубляемое этно-конфессиональными противоречиями, продолжало конвертироваться во вспышки народного гнева в форме кровопролитных восстаний – в 1798, 1803, 1848, 1867 годах. Состояние перманентной войны, вкуче с «Великим голодом» 1845 – 52 г.г., во время которого погиб 1 млн. человек, не только положили начало исходу населения с острова и знаменитой ирландской диаспоре, но фактически придали стимул для создания первого в Европе массового политического движения с национально ориентированной программой.

В ноябре 1913 г. в Дублине была создана группа Oglaiġh-na-Eireann (Ирландские добровольцы), практически сразу переименованная в Ирландскую республиканскую армию – боевую организацию, прикрытием которой стала партия Sinn Fein (Мы Вместе). Основным инструментом достижения цели ИРА стал террор против государственных служащих британской короны и тех, кто рассматривался в качестве ее местных коллаборационистов. Апогеем деятельности ИРА на первом этапе ее истории стало знаменитое и кровавое «Пасхальное восстание» 1916 г., побочным результатом которого явилось крупнейшее в мировой истории Ютландское морское сражение между британским Гранд-флотом и кайзеровским Флотом открытого моря, который предположительно вышел с баз для поддержки восставших.

По итогам Первой мировой войны корона даровала Ирландии независимость, оставив тем не менее за собой 6 северных графств со значительным процентом протестантского населения (известных под общим наименованием Ольстер). Этот факт, превращенный идеологами ирландского национализма в идефикс «неполной победы», способствовал консервации проблемы, сохранению перманентной напряженности и насилия низкого уровня. К концу 60-х г.г. сформулированные ими требования равноправного участия католической общины в политических и социально-экономических процессах, были выведены в практическую плоскость. Массовые акции протеста, усугубленные радикальными лозунгами, столкновениями с силами охраны порядка и провокациями боевиков, обозначили начало вялотекущей гражданской войны. В августе 1969 г. пролилась первая кровь, что способствовало стремительному росту вооруженного насилия.

К этому времени Ирландская республиканская армия, расколовшаяся из-за политических разногласий на два компонента – «Официальную ИРА» и «Временную ИРА», практически полноценно перешла на идеологические позиции марксизма. Не удивительно, что боевики радикального крыла – «Временная ИРА» (Provisional IRA), известные как Provos, прибегли к реализации тактики революционного насилия. Выстрелы из-за угла, гранатометание, подрывы самодельных взрывных устройств, пожары, уже к весне 1974 г. унесли жизни более чем 1.000 человек, ранили, покалечили еще 14.000, и нанесли материальный ущерб на сумму не менее 200 млн. долл.

Меры упреждения и пресечения со стороны британского правительства были весьма жесткими. В короткие сроки группировка войск в Ольстере была доведена до 20.000 военнослужащих, переброшенных с территории метрополии, и даже из состава Британской Рейнской армии, входившей в систему военного сдерживания Организации Варшавского договора. Были расширены полномочия полиции и спецслужб, введена временная практика ограничения гражданских прав, задержания без суда на продолжительные сроки, и даже эксклюзивное применение внесудебных убийств в отношении выявленных боевиков, представляющих явную опасность (именно так бойцы британских сил специальных операций SAS уничтожили 3 боевиков ИРА в Гибралтаре).

Предпринятыми мерами к середине 70-х удалось практически целиком обезвредить руководящий эшелон ИРА. Однако это не только не разрядило, а наоборот, усложнило ситуацию. Организация перешла к тактике действий в составе изолированных конспиративных звеньев численностью не более 4 – 5 человек. 15 – 16-летние сироты, пополнившие боевой состав, способствовали еще большей радикализации Provos, росту решимости и жестокости в

оперативной практике. В 1972 г. появились признаки переноса активности ИРА за пределы острова, когда был взорван офицерский клуб в Олдершоте (7 человек убито, 9 ранено). 17 июня 1974 г. 10-килограммовый заряд тротила был подорван у здания парламента в Лондоне, вписав яркую страницу в непростую 900-летнюю историю почтенного учреждения. В 1979 г. боевиком ИРА был застрелен прославленный флотоводец Второй мировой войны лорд сэр Луис Маунтбэттен. В октябре 1984 г. взрыв на съезде правящей консервативной партии убил 5 человек; присутствовавшая «железная леди» Маргарет Тэтчер не пострадала только по счастливой случайности. 7 февраля 1991 г. боевики ИРА нанесли сенсационный минометный удар по резиденции премьер-министра Мэйджора на Даунинг-стрит, 10. Всего за период с 1980 по 1993 год группировкой были осуществлены 120 терактов и операций на территории Британии, и еще 53 – в других регионах мира – от США до Заира.

В самом Ольстере ИРА комбинировала активную политическую и информационно-пропагандистскую работу (hearts & minds policy – «война за сердца и умы») с партизанскими операциями низкой интенсивности. Впрочем, отдельные боевые эпизоды характеризовались особым драматизмом, например, когда в засаде в графстве Даун в августе 1979 г. были убиты 18 британских солдат. Особо напряженной оставалась ситуация в южном графстве Амарах, неформально именовавшейся в британских военных кругах «бандитской страной». Потенциал ИРА, первоначально состоявший из пистолетов, обрезов и незначительного количества автоматов Калашникова, был существенно усилен контрабандными поставками, организованными по личным указаниям ливийского руководителя Муаммара Каддафи и палестинского лидера Я. Арафата (все та же знакомая логика «холодной войны»). В начале 80-х в распоряжении боевиков появились снайперские винтовки Драгунова, крупнокалиберные пулеметы ДШК, переносные зенитно-ракетные комплексы «Стрела-2», взрывчатка чешского производства C4 Semtex (более известная под названием пластид). В кустарных условиях техниками ИРА (ряд из которых являлся бывшими военнослужащими британской армии), из обрезков труб были изготовлены крупнокалиберные минометы, стреляющие минами на основе газовых баллонов, снаряженных пластидом.

Насилие, реализуемое ИРА, практически сразу спровоцировало встречную активность со стороны радикальной части протестантской общины. Уже в начале 70-х началось дрожжевое почкование различных протестантских военизированных группировок самообороны, крупнейшими из которых явились Ассоциация обороны Ольстера и Добровольческие силы Ольстера. Замкнутый цикл террора и контртеррора, и растущий список жертв, поставили Лондон перед ситуацией, в которой требовалась комбинация переговорного процесса, внешнего посредничества, взаимных политических уступок и компромиссов. Такие благоприятные условия сложились только после завершения «холодной войны»,

которое существенно изменило контекст Ольстерской проблемы, и существенно сместило причинно-следственные связи и стимуляцию вовлеченных сторон конфликта.

31 августа 1994 г. ИРА заявила об одностороннем прекращении огня. Это решение было продублировано аналогичными встречными действиями со стороны протестантских группировок и закреплено соглашением «Доброй Пятницы» (Good Friday Agreement) от 10 апреля 1998 г., формально поставившим точку в 400-летней ирландской войне.

К сожалению, спираль Истории вскоре совершила свой очередной виток. Практическая реализация соглашения об урегулировании забуксовала, как во многих других случаях, в основном из-за политических амбиций лидеров. Тем временем, наиболее непримиримые боевики распущенной структуры ИРА перешли на нелегальное положение, заявив о создании новых групп – «Настоящей ИРА», «ИРА Продолжения» и других. Многим еще нет и 40 лет, они полны сил, боевого опыта и ненависти. Взрыв 15 августа 1998 г. в супермаркете городка Омах, убивший 25 человек, показал, насколько непрочен мир в Ольстере и как далека перспектива окончательного разрешения проблемы.

Эпизод третий: Курдская рабочая партия (этнически мотивированный терроризм; восточный вариант)

Поздним вечером 24 ноября 1978 года в одном из домов в предместье Анкары собралась группа молодых людей, - в основном студентов. Мероприятие было сугубо конспиративным, и не только потому, что собравшиеся были марксистами, но и в силу того, что они говорили на курдском языке, нарушая тем самым сразу два положения турецкого законодательства. Звучали пламенные и проникновенные речи о судьбе многомиллионного курдского, народа, имеющего многовековую историю, но не имеющего своей собственной страны, разделенного границами пяти государств, угнетаемого правителями и титульными нациями, нищего и не образованного. Присутствующие пришли к консенсусу: выход – вооруженная борьба за свои права; оружие – автомат системы товарища Калашникова; знамя – национал-марксизм. Для координации всех усилий необходима (в соответствии с учением классиков) организация, которая и был создана тем вечером – Курдская рабочая партия. На сходке особо выделялся своими повадками лидера молодой мужчина харизматической внешности с густыми усами, которого избрали председателем новорожденной организации. Его звали Абдулла Оджалан, партийный псевдоним «Апо».

Тотальный и эффективный контроль турецких властей над политической ситуацией в стране весьма скоро вынудил единомышленников искать безопасное убежище за ее пределами. Такое убежище было предоставлено Сирией, управляемой левым националистическим режимом, и не упустившим представившуюся возможность приобрести рычаг давления на Турцию – бывшую метрополию, исторического соперника арабов, и к тому же члена НАТО и союзника Израиля. Очень скоро в ливанской долине Бекаа, всецело контролируемой сирийским экспедиционным корпусом и военной разведкой, появилась сеть учебных объектов, на которых готовились курдские боевики – граждане Турции. Один из таких объектов даже получил наименование «Военной академии имени Максуда Горхмаза». Программа подготовки была стандартной для планируемой партизанской войны – рейды, налеты, засады, минирование коммуникаций, ведение работы с населением.

15 августа 1984 г. отряд боевиков КРП, просочившийся с сирийской стороны, внезапно занял пограничный городок Эрух на территории Турции. План Оджалана, руководившего налетом, был простой, но не лишенный смысла: создать прецедент, который будет неизбежно раздут политизированными турецкими средствами массовой информации; вызвать волнения курдского населения в наиболее депрессивных в социально-экономических вилайетах Юго-восточной Анатолии; вывести процесс на уровень восстания (под лозунгом национально-освободительного движения); отторгнуть населенный курдами регион и провозгласить независимое государство Курдистан.

Но повторить историю Фиделя Кастро и его бойцов с «Гранмы» Оджалану не удалось. В силу целого ряда причин сработала только первая часть плана, которая обеспечила КРП политическое паблисити и приток новых добровольцев. Однако, основная масса крестьянского курдского населения Юго-востока, разительно отличающегося от остальной части Турции отсутствием каких-либо производительных ресурсов, промышленного и туристского секторов, осталась индифферентной к призывам эмигрантской организации. Основной базис политической и финансовой поддержки КРП составили (как впрочем, всегда) городские националисты-интеллектуалы и представители средних слоев, - носители неудовлетворенных политических и экономических амбиций. Впрочем, в горы с оружием в руках уходили все же не они, а распропагандированные крестьяне и пастухи.

К началу 90-х численность формирований КРП достигла 11.000 человек, вооруженных традиционным арсеналом современных партизанских армий: легким стрелковым оружием, пулеметами, гранатометами, малокалиберными минометами, безоткатными орудиями, ПЗРК, противотанковыми и противопехотными минами. Рост численности и оснащенности позволил

Оджалану осуществлять уже постоянное военное присутствие на территории Турции за счет шестимесячной ротации отрядов, действовавших вахтовым методом. Во всех сопредельных странах, находящихся в самых непростых отношениях с Турцией – Сирии, Греции, Иране, на Кипре, а затем и в Армении, была создана обширная инфраструктура боевой поддержки. В результате боевых действий, которые велись с 1984 г., на юго-востоке Турции по состоянию на текущий момент погибли более 50.000 человек – боевиков, солдат, жандармов, но больше всего - мирных, в основном тех же курдов, ради «освобождения» которых и велась борьба.

28 февраля 1986 г. на улице Стокгольма был застрелен премьер-министр Швеции Улоф Пальме, вышедший с женой из кинотеатра и шедший без охраны. Покушение организовала боевая группа КРП, в качестве акта мщения за политику кабинета Пальме по ограничению въезда обширного потока курдских мигрантов в страну; в состав группы входила бывшая жена Оджалана Кайсере. Это был шокирующий, но все же одиночный теракт со стороны КРП. Однако, уже к 1993 г. организация, помимо однозначного наличия параметров повстанческого движения, начала приобретать также отчетливые признаки террористической организации. Весенне-летний туристский сезон ознаменовался кампанией взрывов в крупных городах, причем в местах, активно посещаемых иностранными туристами. В ход были пущены самодельные взрывные устройства, ручные гранаты, «коктейли Молотова», пистолеты. Явная тенденция на подрыв наиболее рентабельной отрасли турецкой экономики была усилена захватом в заложники нескольких иностранцев.

Военно-террористические усилия КРП обеспечивались обширным потоком финансовых поступлений из различных источников – рэкет соотечественников из европейской и российской диаспоры (под видом добровольных пожертвований), отчисления за организацию незаконной миграции в Европу, по форме напоминающие морские десантные операции на итальянское побережье, и наконец, наркотрафик афганского героина все в ту же Европу. Только курдские преступные кланы Ганновера и Гамбурга, контролирующие ежегодный оборот наркотиков объемом до 130 млн. долларов, исправно отчисляли (и продолжают отстегивать) весьма значительные суммы в фонды КРП. Политическое и информационно-пропагандистское обеспечение группировки оказывают различные структуры, подчеркивающие претензии на курдскую государственность – парламент в изгнании в Гааге, национальное курдское телевидение MED-TV в Брюсселе, другие организации, а также лоббистские группы в парламентах различных стран и Европейском парламенте в Страсбурге.

Реакция Турции на развертывание вооруженной составляющей курдского сепаратизма явилась комбинированной. Реализуя меры по ускорения социально-

экономического развития депрессивного Юго-восточного региона, прежде всего за счет завершения крупнейшего гидротехнического проекта – плотины Ататюрка, пуск которого позволит обеспечить электроэнергией, поливным земледелием и рабочими местами местное население, Анкара никогда не упускала из вида инструмент силового воздействия. В 1995 г. турецкий Генштаб провел крупнейшую операцию под кодовым наименованием «Сталь» по уничтожению баз КРП в Северном Ираке, которая сопровождалась вводом воинского контингента в глубь иракской территории на расстояние более чем в 200 км. В последующем такие операции стали рутинными. Одновременно ликвидировались (в том числе и с применением авиации) базовые районы КРП на территории собственно Турции, особенно на склонах горы Арарат и в районе турецко-армянской границы. Эффективные силовые мероприятия принесли результаты: коэффициент эффективности боевых операций КРП в конце 90-х г.г. упал в 10 раз относительно к уровню пикового 1993 г. В политическом плане результатом такого положения явилось снижение порога требований КРП: вместо полной независимости – широкую автономию в составе единого турецкого государства.

Ослабление потенциала курдского сепаратизма было с максимальной отдачей использовано турецким военно-политическим руководством. В октябре 1998 г. начальник ГШ ВС Турции потребовал от сирийского руководства принять безоговорочные меры по прекращению деятельности всех структур КРП и экстрадиции Оджалана, пообещав в случае отказа скорые и тяжкие последствия. Заявление было подкреплено развертыванием сил 2-й турецкой армии, которые заняли боевые позиции вдоль сирийской границы. Убедившись в серьезности намерений Анкары и сравнив потенциалы собственных и турецких вооруженных сил (боевые действия которых вполне могли быть дополнены внезапным израильским ударом по сирийской столице), Дамаск принял единственное правильное в сложившихся условиях решения. 20 октября курдский лидер вылетел из Сирии на Кипр. Далее началась многодневный марафон: Афины, подмосковное Одинцово, Рим, и опять Афины, и, наконец, Найроби. Именно здесь, в столице Кении, сотрудники турецкой разведки MIT и бойцы специального отряда командос жандармерии, получившие наводящую информацию от израильских спецслужб, 15 февраля 1999 г. и взяли «Апо».

В последующие трое суток десятки тысяч курдов вышли на улицы европейских городов с насильственными акциями протеста. Разъяренные демонстранты, умело управляемые лидерами общин, атаковали дипломатические представительства Турции, Греции, Израиля, Кении и ООН в Лондоне, Париже, Берлине, Брюсселе, Риме, Берне, Торонто, Сиднее, и многих других городах. В ряде случаев им удалось ворваться в помещения и временно захватить их; в Берлине, где дело дошло до стрельбы, охранник израильского посольства застрелил трех демонстрантов. Только на территории ФРГ в массовых акциях принимали участие свыше 15.000 человек; было зафиксировано 26 нападений на

турецкие объекты, и по 14 нападений на дипломатические и германские объекты соответственно; ранения получили 44 полицейских. Европа, шокированная репортажами со сценами бурного протеста и самосожжения, транслируемыми в прямом эфире, быть может впервые, воочию убедилась в присутствии на ее территории если не пятой колонны, то, по крайней мере, некой иной силы, управляемой так до конца не понятной внутренней логикой, и подчиняющейся своим собственным законам.

Для самой КРП арест, последующий суд и приговор к пожизненному заключению ее лидера обозначил этап дальнейшего кризиса. Уже к концу 1999 г. количество боевиков снизилось с уровня 11.000 до 4.000 человек. Подтверждением деградации группировки стали раскол в остаточном ядре руководства, еще более запутанная политическая программа, и неоднократная смена оболочек. Только за последние три года политическое и военное крылья КРП неоднократно меняли названия: Демократический народный союз, Народная партия свободы, Конгресс свободы и демократии Курдистана, Национально-освободительная армия Курдистана, Национально-освободительная армия Анатолии, Месопотамская армия. Тем не менее, досье Курдской рабочей партии закрывать пока еще явно преждевременно, тем более что пока объективно существует как конкретная курдская проблема, так и общая тенденция роста национально-этнического самосознания, являющая собой триггер-фактор сегодняшних кровавых конфликтов.

Эпизод четвертый: Красные Бригады (идейно мотивированный терроризм; левый спектр)

Политический терроризм эпохи холодной войны, который в 60-х – 80-х годах стал весьма важным самостоятельным фактором, по меньшей мере для ключевых стран Западной Европы (и с которым у многих из нас до 11 сентября во многом ассоциировался терроризм сам как таковой), во всех отношениях может считаться наследником терроризма XIX века, ставшего инструментом выбора слабых и несогласных. Идейный кризис значительной части первого и второго послевоенных поколений, разочарование отдельных групп интеллектуальной элиты индустриальных государств в шаблонных ценностях формирующихся потребительских обществ, объективно вели к конвертации недовольства в ненависть, а затем и месть. Хронологическим рубежом стал май 1968 г. в Париже. Тайфун студенческих выступлений, потрясший европейские столицы, кровь и трупы на асфальте, дым от сгоревших магазинов и перевернутых автомашин, психологически приемлемый для сообщений из Вьетнама или Конго, но не цивилизованной Европы, нанесли глубокую психологическую травму целому поколению.

К сожалению, выводы некоторых современников Парижа-68 были сколь просты, столь и радикальны: насилие, террор, саботаж, партизанская война – это единственный оставшийся набор средств ведения эффективной борьбы против доминантного общества. Понятно, что такие люди, и созданные ими организации, не могли в эпоху «холодной войны» остаться вне сферы внимания той стороны, которая хотела бы иметь эффективный рычаг внутреннего воздействия на вероятного противника. И КГБ СССР, и венгры, и болгары, и чехи, и в особенности, пресловутый 22-й отдел разведки ГДР Stazi, наверняка имели оперативные контакты с европейскими левацкими террористическими группировками, оказывая им скрытые формы организационно-технической и финансовой поддержки. История каждой из этих группировок представляет особый интерес – и западногерманской «Фракции Красной Армии», и французской «Аксон Директ», бельгийских «Боевых коммунистических ячеек», испанской «Группы антифашистского сопротивления 1 октября». Но мы остановим свой выбор на итальянских «Красных Бригадах».

Феномен Brigati Rossi (BR) – Красных Бригад, наверное, мог реализоваться только в Италии, в ее во многом уникальном историко-психологическом и социально-политическом контексте. Первичное ядро группировки сложилось в 1969 г. на базе студенческого кружка университета города Тренто, руководимого Ренато Курчо. Молодые люди, разочарованные в капиталистическом пути развития, и начитавшиеся Маркса с Энгельсом, пришли к единогласному выводу, что террор является наилучшим детонатором давно ожидаемой общественной революции. Впрочем, политические программные установки группировки формулировались весьма расплывчато, хотя весьма эмоционально. Как писал Антонио Негри, один из идеологов «Бригад»: «Всякий раз, когда я одеваю пасамонтану (маску с прорезью для глаз), я ощущаю жар пролетарского сообщества... Результат меня не волнует: всякий акт разрушения и саботажа отзывается во мне как голос классовой общности... я ощущаю лихорадочное возбуждение, как перед встречей с любовницей».

Первый теракт BR состоялся 28 ноября 1970 г. на заводе компании Pirelli - «удар по собственности эксплуататоров пролетариата». В течение последующих двух лет идейные террористы наращивали организационные и оперативно-боевые возможности, периодически совершая разовые покушения и похищения государственных функционеров среднего регионального уровня. Характерно, что наиболее сильные структуры BR, в соответствии с формальной классовой логикой, были созданы не на отсталом в социально-экономическом отношении Юге, а в крупных городах урбанизированного и более благополучного Севера – Милане, Турине, Генуе, Венеции. К 1976 году, понеся первые потери в результате полицейских мероприятий, группировка эвакуировала органы руководства в

Цюрих и Париж (что никак не сказалось на эффективности оперативного управления), и перешла к массовому террору, действуя в составе автономных конспиративных ячеек, распределенных в пяти назначенных секторах ответственности, на которые была разбита вся территория Италии. За последующий трехлетний период 1.500 – 2.000 боевиков «Красных Бригад», фактически трансформировавшихся в партизанскую организацию городского типа, совершили свыше 8.700 террористических актов – в том числе, убийств, покушений на убийство и похищений крупных предпринимателей, государственных функционеров, политиков, сотрудников правоохранительных и судебных органов, профсоюзных деятелей, представителей СМИ. При этом численность BR никогда не превышала более чем 500 человек одновременно.

Апофеозом террористической кампании «Бригад» стало похищение одного из наиболее авторитетных и популярных политиков Альдо Моро. 16 марта 1978 г. лидер Христианско-демократической партии и бывший премьер Италии выехал из дома на заседание парламента. По дороге его машина была протаранена белым «фиатом» с дипломатическими (естественно, поддельными) номерами; два выскочивших из нее террориста за 23 секунды выпустили 95 пуль из пистолетов-пулеметов Beretta, убив всех пятерых сотрудников охраны; Моро был силой пересажен в другую машину и увезен в заранее подготовленное укрытие. Всего в операции участвовало до 60 боевиков BR, в том числе в группах прикрытия, обеспечения, наблюдения и радиоперехвата. Последовавшая вслед эпопея с выдвижением ультиматумов, угроз, заявлений руководства «Бригад», регулярно передаваемых в прессу и на телевидение, завершилась через 55 дней, когда, потеряв надежду на удовлетворение своих требований, боевики застрелили Моро в багажнике автомашины.

Хладнокровное убийство известного политика стало шоком для итальянского общества, усмотревшего в нем покушение на основы. Именно после него и наступил перелом общественных настроений, когда большинство стало склоняться к применению гораздо более жестких мер к левакам, которым ранее многие скрытно симпатизировали. Сочетанием силовых мероприятий, в которых главная роль была отведена карабинерам генерала Делла Кьезы, и разумного применения закона о сотрудничестве с полицией, благодаря которому многие террористы сдались под гарантию амнистии, оперативная активность «Бригад» была вначале блокирована, а затем в целом нейтрализована. С конца 70-х - начала 80-х г.г. группировка, резко уменьшившись в численности, начала вырождаться в криминальную структуру, практикующую киднеппинг с целью самофинансирования. Хотя и в этот период продолжались выборочные теракты политического характера, в ходе которых были убиты американские генералы Джеймс Дозьер, Лемон Хант, и итальянский генерал Джорджиери.

Кризис и последующий распад Восточного блока, вне всякого сомнения, способствовал деградации «Бригад». В течение почти семи лет о группировке практически ничего не было слышно. Но вот 10 января 1994 года у здания Военного колледжа НАТО в Риме прогремел взрыв. На месте происшествия полицейские обнаружили нарисованную мелом пятиконечную звезду и знакомую аббревиатуру – BR. Затем были убиты два советника правительства, во время операции НАТО против Югославии в 1999 г. произведен взрыв в районе авиабазы Авиано, ряд подрывов заминированных сотовых телефонов в Риме и других городах. И каждый раз поступали звонки об ответственности за теракт – то «Новых Красных Бригад», то «Красных бригад по созданию сражающейся коммунистической партии», или «Боевых коммунистических ячеек Красных Бригад». Однако, сегодня наибольшее опасение итальянских властей вызывают не столько сам факт возобновления терактов, сколько возможность конвергенции остаточного оперативно-боевого ядра BR с растущим и ширящемся антиглобалистским движением, которое радикализуется все более быстрыми темпами, о чем свидетельствует погром в Генуе во время встречи «Большой Восьмерки» в июле 2001 года. И вновь продолжается бой...

Эпизод пятый: Секретная вооруженная организация, и другие (идейно мотивированный терроризм; правый спектр)

Политический терроризм правого спектра в эпоху «холодной войны» развивался под отчетливым воздействием коллективного восприятия «красной угрозы с Востока» и воинствующего антикоммунизма. Уроки Второй мировой войны и совместная борьба против гитлеровской Германии, были забыты на Западе очень быстро. Новый противник – СССР и социалистические страны – воспринимались как абсолютное зло, тотальная угроза первой категории. Поэтому, не удивительно, что уже в начале 50-х годов на прилавках книжных магазинов европейских городов снова появился в продаже Mein Kampf, а реанимированные национальные неонацистские ячейки в середине 50-х были объединены в организацию «Новый Порядок» (New Order, Neue Ordnung, Nuovo Ordine), - международную структуру с элементами тайного ордера, которую возглавил бельгиец Леон Дегрель, бывший комбриг бригады СС «Валлония».

Особую роль в судьбе правозэкстремистских организаций Европы сыграли спецслужбы. Милитаристский психоз, постоянное ожидание войны, вторжения советских танковых дивизий, рвущихся к Ла-Маншу, естественным образом отразились на их оперативных планах. Предполагалось, что в случае оккупации Советами европейских государств, на их территории будет развернуто повстанческое движение (по модели француско-итальянско-югославской модели, оправдавшей себя в предыдущей войне). Для обеспечения первичных подпольных структур этого движения во всех европейских странах НАТО, и даже в

нейтральной Швейцарии, при прямой поддержке специальных служб (в том числе ЦРУ США), начали формироваться конспиративные боевые звенья. Специально отобранные, прошедшие тщательную проверку на благонадежность люди (как правило, ветераны Второй мировой и колониальных войн) проходили огневую, тактическую и минно-взрывную переподготовку в учебных центрах, расположенных в удаленных труднодоступных регионах. Там же складировались оружие, боеприпасы, средства связи, консервированные продукты питания, медикаменты. Если бы существовала карта, на которой была бы обозначена инфраструктура вновь сформированной организации, то из нее следовало бы, что эта инфраструктура охватывает все страны Европы. Но такой карты не было; проект, получивший кодовое наименование Gladio (лат. Меч) был настолько секретным, что до сих пор, уже в другую историческую эпоху, его основные детали остаются недоступными. Не в последнюю очередь, быть может, потому, что его основной задачей являлось не развертывание партизанского движения против мифической советской оккупации, а силовое противодействие приходу коммунистических и левых партий к власти через демократический электоральный процесс. Боевики и организационные структуры, имеющие отношение к проекту Gladio, «засветились» во многих драматических событиях 50-х – 80-х годов.

Наверное, одним из самых ярких примеров европейского правого экстремизма / терроризма эпохи холодной войны представляет собой французская Organisation l'Armee Secrete – Секретная вооруженная организация. Болезненные затруднения послевоенного восстановления и развития, хаос в умах, усугубленный поражением в колониальной войне в Индокитае, и уже видимым еще более тяжелым поражением в Алжире, явились побудительным стимулом для группы военных и гражданских лиц создать организацию, призванную сместить «правительство национального предательства» де Голля и силой решить алжирскую и все другие проблемы. В февраля 1961 г. на конспиративной встрече в Мадриде была учреждена OAS.

Костяк руководства и боевого ядра организации (за несколько месяцев увеличившегося со 100 до 4.000 человек), составили ветераны Второй мировой, Индокитайской и Алжирской войн, а также действующие офицеры 10-й парашютно-десантной дивизии и полков Иностранного легиона, за которыми маячили тени высокопоставленных генералов из Генштаба. С февраля 1961 г. по осень 1963 г. заморский департамент Алжир и саму метрополию захлестнула волна террора. Его объектам стали в первую очередь лица, выступавшие за демонтаж колониальной империи, - государственные функционеры, политики, журналисты. Побочный удар в рамках стратегии устрашения наносился по всему французскому обществу. Такой эффект достигался неизбирательными взрывами в местах массового скопления людей (магазины, кафе, кинотеатры), стрельбой на улицах и площадях, поджогами собственности. В результате террористической кампании OAS менее чем за три года только на территории Франции были убиты

и ранены 9 сенаторов, 38 членов Национального собрания, сотни других людей. Счет жертв в Алжире шел уже на тысячи. Однако, основная цель террористов – генерал-президент Пятой республики Шарль де Голль, несмотря на 13 покушений на его жизнь, не только не пострадал, но и сумел добиться перелома сложившейся ситуации. Алжир стал независимым; ОАС была разгромлена профессиональными действиями спецслужб. К середине 60-х ее остаточные звенья, выродившись в небольшие экстремистские группки под громкими названиями вроде «Федерация национального и европейского действия», «Бригада Пайпера», «Группа Карла Мартелла», не могли организовать уже что-либо более существенное, чем поджог синагоги, или избиение одиночных арабов и африканцев на какой-нибудь ночной улице Парижа. А политические наследники идеологии ОАС остались в Национальном фронте Жан-Мари ле Пена, стремящегося реализовать свою программу через приход к власти законным путем.

Правый экстремизм в Италии в эпоху «холодной войны» приобрел отчетливый террористический оттенок во многом благодаря сложному внутривнутриполитическому контексту. Постоянная смена кабинета, масштабная коррупция, хронические социально-экономические кризисы, мощное левое движение (одним из аспектов которого стал террор «Красных Бригад») наводила часть общества, особенно консервативно мыслящий и чрезвычайно националистический офицерский корпус армии, карабинеров, полиции и спецслужб, на идею необходимости применения «сильной руки» для наведения порядка. За неимением такой возможности в условиях формальной демократии, терроризм стал средством выбора наиболее радикальных и непримиримых правых групп, таких, как «Национальный Авангард» и «Новый (Черный) Порядок». Только в период с апреля по декабрь 1969 г. в рамках провозглашенной «стратегии напряженности», призванной создать благоприятные политические условия для военного переворота, ультраправыми были совершены 53 теракта с применением самодельных взрывных устройств, в том числе взрыв 8 августа в сельскохозяйственном банке Милана, убивший 17 и ранивший свыше 100 человек. Еще один явный пик оперативной активности правоэкстремистских групп, связанных с итальянской военной разведкой и неизвестной масонской ложей P-2, готовивших переворот, пришелся на середину 70-х. Ночью 4 августа 1974 года железнодорожный экспресс *Italicus*, шедший из Рима в Мюнхен, был взорван на выходе из туннеля Бреннеро. Количество жертв (12 убитых, 48 раненных) было явно меньше, чем планировалось организаторами; план переворота был раскрыт и нейтрализован властями. С этой хронологической точки фиксируется кризис итальянского правого политического терроризма. Тем не менее, даже в 1978 г., на фазе отчетливого спада оперативной активности, в Италии продолжали действовать порядка тридцати восьми правоэкстремистских структурных единиц, многие из которых делали политико-пропагандистские заявки на реализацию откровенно террористических методов.

Правый экстремизм в ФРГ базировался в основном на идейной концепции реваншизма и ревизии итогов Второй мировой войны. Мощная система блокирования, предусмотренная германским законодательством, и плотная работа полиции и спецслужб, позволили в целом сдержать крайние (силовые) проявления, хотя рецидивы все же были. 26 сентября 1980 г. боевик военно-спортивной группы Карла-Хайнца Хоффмана, увлекавшийся изучением теоретического наследия фюрера и эсесовской символикой, взорвал заряд на общественном мероприятии в Мюнхене, убив 13, и ранив 215 человек.

К 80-м годам правый экстремизм и его террористические проявления в европейских государствах в целом пошли на убыль. Исключение быть может, составили Испания и Португалия, где ограниченный по масштабам правый (контрреволюционный) террор явился реакцией консервативных кругов (в первую очередь офицерского корпуса и спецслужб), на реформу политической системы в этих странах. Впрочем, политические убийства и отдельные диверсии, проводимые «Батальоном испанских басков», «Воинством Христовым», «Армией освобождения Португалии», и другими изолированными группами, не оказали какого-либо существенного влияния на политическую динамику. Отдельной строкой должен быть прописан правый терроризм «эскадронов смерти» в Латинской Америке периода 60-х – 80-х годов, ставший значимым негативным фактором развития внутренней ситуации в Чили, Аргентине, Сальвадора, Гватемалы, и других государств.

В целом, следует признать, что политический терроризм правого спектра был гораздо более фрагментированным, и характеризовался меньшим размахом, чем его левый «собрат», однако остался в истории самостоятельной и уникальной тенденцией. Крах Восточного блока и всемирный кризис коммунистической идеологии, сместили приоритеты в системе угроз для тех, кто и сегодня остается на крайне правых политических позициях. Новые вызовы времени, новые противники, а в качестве таковых воспринимаются мигранты из стран третьего мира, воинствующий ислам, и вообще ислам как таковой, а также либеральная демократия, и ее базовые ценности, породил новый (а если присмотреться, то очень даже старый) ответ – шовинизм, расизм, национальная ксенофобия. Правый экстремизм эпохи «холодной войны» трансформировался в обновленное неонацистское движение и движение скинхедов, имеющие совсем иное лицо.

В августе 1999 года швейцарские средства массовой информации раскрыли заговор тайной организации. Некая ячейка под названием Р-26, возглавляемая сотрудником военной разведки Главного штаба ВС Швейцарии Дино Беллази, накапливала оружие и боеприпасы. В ходе расследования выяснилось, что и сама ячейка, и пресловутое оружие, являлись осколками давно распавшейся и не функционировавшей структуры Gladio, о которой говорилось выше; однако

никакого заговора не было и в помине. Просто Беллази были нужны деньги на содержание некоей фотомодели, и он хотел продать пресловутые стволы в зону вооруженного конфликта на Балканах. Достойный пример, иллюстрирующий нисходящую траекторию эволюции правого экстремизма эпохи «холодной войны».

Эпизод шестой: UNITA (терроризм под прикрытием национально-освободительного движения)

Одним из самых значительных последствий Второй мировой войны стал распад колониальной системы. Время империй прошло; однако, прежде это стало необратимым фактом, пролилось много крови. Движение народов Азии и Африки за национальное освобождение, в силу целого комплекса причин, не могло не стать неизбежным носителем культуры терроризма. Последний, по определению являясь оружием слабых, стал наиболее предпочтительным средством борьбы с подавляющей военной мощью метрополий; при этом элементы и структуры, реализующие террористическую практику, никогда именовали себя не террористами, только - «борцами за свободу». Период борьбы за национальное освобождение бывших колоний, в целом завершившийся к середине 60-х годов прошлого века, отнюдь не закрыл эпоху насилия; просто оно перешло в иное, еще более острое качество. Вновь образованные, формально свободные и политически независимые, но непрочные государства, пораженные вирусами трибализма, слабой экономики, некомпетентности и коррупции, продолжали воевать: друг с другом, и сами с собой. Данная ситуация усугублялась негативным эффектом приложения усилий со стороны двух мировых систем, одержимых духом военно-политического соперничества. Результат был обеспечен: десятки локальных вооруженных конфликтов, изначально обусловленных местными причинами, выстраивались в систему глобальной конфронтации – Афганистан, Вьетнам, Камбоджа, Ангола, Мозамбик, Никарагуа, Сальвадор, далее по списку. В этих гибридных конфликтах, движимых смесью этнических и идеологических приводов, получивших весьма точное название гроху wars – марионеточные войны, каждая сторона имела своих «сукиных детей», - вассалов и заложников сверхдержав, сошедшихся в схватке Третьей мировой войны. Разница между ними в большинстве случаев состояла только в том, что одним доставались «калаши», а другим – М–шестнадцатые. Один из классических примеров – UNITA, или Национальный союз за полную независимость Анголы.

Ангола, составная часть последней в мире колониальной империи, с 1961 г. была охвачена партизанской войной за освобождение от португальского контроля. Ее основными участниками стали сформированные по этническому (или точнее, племенному признаку) три вооруженные группировки – MPLA, FNLA, и уже упомянутая UNITA. Вряд ли стоит говорить, что они опирались на всестороннюю помощь СССР (логично стремящегося создать проблемы для Португалии – члена

НАТО), а также Китая. Многолетний, непроходимый для всех вовлеченных сторон тупик войны, неожиданно разрешился в 1974 году, когда «революция гвоздик» и смена режима в Лиссабоне дала бывшим колониям долгожданную свободу. И тогда начался второй, основной акт ангольской драмы.

Власть в столичном городе Луанде была захвачена марксистской, просоветской группировкой MPLA, которая заявила претензии на единоличное правление страной после ожидаемого провозглашения независимости. Этого не могли допустить ни местные конкуренты, ни внешние силы, для которых советский контроль над Анголой – кладовой нефти, алмазов, редкоземельных металлов и древесины, означал бы серьезное поражение на Африканском фронте «холодной войны». Настал звездный час FNLA и UNITA. Получив оружие, финансы, политическую поддержку, португальских наемников, южноафриканских инструкторов и советников из Управления операций ЦРУ США, механизированные колонны обеих группировок форсированным маршем с северного и южного направления пошли на столицу, практически не встречая сопротивления. В ноябре 1975 г. казалось, что сложившаяся критическая ситуация завершится крахом марксистского режима Анголы. Все решил один звонок из Москвы в Гавану, после чего немедленно заработал воздушный мост Гавана – Луанда. Переброшенная в форс-мажорном темпе элитная кубинская 50-я дивизия переломила ход войны. Передовой эшелон FNLA, находившийся на расстоянии орудийного выстрела от северных пригородов Луанды, был остановлен кубинскими «Градами», а затем разгромлен в ходе начавшегося контрнаступления. Вслед за этим настала очередь формирований UNITA, отброшенных далеко на юг. Марксистский режим, сам выросший из недр повстанческого антиколониального движения, выжил под ударами бывших собратьев по оружию.

После 1975 г. группировка FNLA распалась, и ее лидер маоист Холден Роберто исчез из виду. Однако, совсем по иному сложилась судьба миллионера – многоженца Жонаса Савимби, лидера UNITA. Его группировка, сформированная чисто на этнической основе, опиралась на поддержку обширной племенной группы Овимбунду, населяющей центральный, восточный и южный регионы страны. Именно мощный этнический ресурс, в сочетании с различными формами поддержки заинтересованных внешних сил, обеспечил выживаемость группировки в условиях почти тридцатилетней тотальной гражданской войны. Однако, ключевым условием, пролонгировавшим ангольскую драму, стал контроль UNITA над районами залегания алмазов. Именно эта позиция, вместе с контрабандой ценной древесины, обеспечила группировке непрерывный поток финансовых средств (до 500 млн. долларов ежегодно). По некоторым данным, в середине 90-х годов не менее 20% алмазов, проходивших через Антверпенскую биржу, были «черными» (то есть, нелегальными); и половина из них поступила от дилеров, работавших с людьми Савимби. Не удивительно, что при таком финансировании,

его армия («Вооруженные силы освобождения Анголы») была организована на принципах регулярных формирований, и насчитывала к 1999 г. до 30.000 человек без учета резервов, имея современное для африканских условий тяжелое вооружение - танки Т-55 и Т-62, БМП-1/-2, БТР-70, крупнокалиберную артиллерию, реактивные системы залпового огня «Град», противотанковые средства, средства ПВО. В конце 90-х появилась даже собственная боевая авиация – 6 фронтовых истребителей МИГ-23 и 6 ударных вертолетов МИ-25; предпринимались попытки приобретения бомбардировщиков СУ-24 на Украине и в Беларуси. Окончание «холодной войны» и глобальная перегруппировка сил отразились на системе внешних связей UNITA. Места западных и южноафриканских инструкторов заняли «дикие гуси» из Восточной Европы и бывшего СССР. В частности, по неподтвержденным сведениям, авиацию группировки пилотировали украинские наемники; в штабах оперативного уровня и на командных должностях в частях находились бывшие кадровые офицеры Болгарской народной армии, трое из которых были расстреляны по приказу Савимби после неудачного исхода кампании 1999 г.

Гражданская война в Анголе носила импульсный характер, чередуя военно-политические кризисы с переговорными периодами и соглашениями о национальном примирении. Неизменным оставался только уровень насилия, чинимого в отношении гражданского населения на контролируемой территории. Убийства, грабежи, изнасилования, разрушения населенных пунктов, неизбирательное минирование местности, оставившее после себя тысячи калек – таковы стандартные параметры массового террора стандартной гражданской войны. Эту картину дополняют «традиционные» акты терроризма – транспортные самолеты ООН с гуманитарными грузами, сбитые на взлете, убийства и захват в заложники иностранных граждан - нефтяников, летчиков, туристов.

В марте 2002 г. в тупиковой ангольской ситуации забрезжил свет надежды. Савимби был убит при невыясненных до конца обстоятельствах; UNITA (как и Курдская рабочая партия после ареста Оджалана) вошла в стадию кризиса и дезинтеграции. Хочется надеяться, что ведущиеся переговоры о политическом урегулировании и реформах, начавшаяся демобилизация боевиков, если и не поставят точку, то, по крайней мере, создадут паузу в затянувшейся трагедии Анголы.

Завершение генезиса

Обобщая эти избирательные эпизоды, иллюстрирующие базовые тенденции развития феномена терроризма во второй половине XX века, следует еще раз

особо подчеркнуть – именно тогда, в эпоху Третьей мировой («холодной») войны, терроризм окончательно состоялся как самостоятельная идейно-политическая категория и уникальная оперативная практика, превратился из точечно-импульсного в массовый, и только тогда он впервые занял (и надолго) эпицентральный положение в сфере внимания государств и общественного мнения. И значительная доля прямой ответственности за сегодняшнюю глобализацию проблемы несут участники Третьей мировой, - как исчезнувшие, и сохранившиеся, по счетам которых платят другие поколения. Мины, заложенные в прошлом, взрываются в настоящем, и, к сожалению, в будущем.

Блок 3. Пейзаж после битвы: многополюсный мир хаоса

Введение

Распад СССР и социалистического блока, наступивший в 1989 – 91 г.г., без сомнения, стал не только ключевым событием второй половины XX века, но и исходным рубежом стремительного ускорения непредсказуемой глобальной динамики. В результате поражения одной из противоборствующих систем в Третьей мировой («холодной») войне, рухнула двухполюсная формула мирового устройства. Однако, провозглашенный, и столь ожидаемый мир, так и не наступил. Иллюзия «конца истории», оптимистично, но преждевременно сформулированная американским футурологом Фрэнсисом Фукуямой, просуществовала недолго. На смену ей пришло жестокое осознание того, что человечество напрямую столкнулось с новыми, доселе неведомыми угрозами и вызовами, вырвавшимися из раскрытого «ящика Пандоры».

Параметры хаоса

Тектонические геополитические сдвиги 90-х г.г. способствовали формированию нового "однополюсно-многополюсного" мира и децентрализации его военно-политического ландшафта. Единственная оставшаяся сверхдержава, несмотря на свою колоссальную военную, экономическую и финансовую мощь, полноценно контролировать мировые процессы оказалась не в состоянии по определению. В

том числе и ввиду сохранения ряда других, континентально-региональных центров силы (от объединенной Европы, России и Китая до Ирана и Северной Кореи), выступивших с собственными амбициями на участие в этих процессах и претензиями на контроль в локальных геополитических пространствах. Планетарная военная напряженность, вопреки прекращению блокового противостояния периода "холодной войны", не снижается, а во многих регионах даже нарастает. В 2000 г. из 309 официально признанных межгосударственных сухопутных границ являлись спорными 52, из 425 морских границ - 160. В том же году 39 различных стран оспаривали 33 архипелагов и островов. Во многих случаях спорные вопросы решались или оружием, или демонстрацией силы.

Стремительный научно-технический прогресс, неудержимое развитие информационных технологий, принявшие поистине революционные масштабы, отчетливое повышение роли различных международных институтов, организаций, и структур, формирующаяся взаимозависимая глобальная экономика с ее 24-часовым циклом новостей, стали движущими стимулами развертывания процесса, получившего название глобализация. Вытекающими же негативными последствиями этого процесса стали латентная эрозия национальных государств, понижение порога государственного суверенитета и фактора межгосударственных границ, фактическое разрушение и ликвидация монополии государств на насилие. Современный кризис этатизма, эволюция системы международного права, формировавшейся со времен Венского конгресса 1815 г., нарушение принципов мирового устройства, определенных по итогам Второй мировой войны в Ялте и Потсдаме, объективно не могут не воздействовать на общую ситуацию. Поэтому, не случайно, что текущий процесс глобализации практически сразу столкнулся со встречным процессом сопротивления со стороны самых разнородных и разновекторных сил.

Крах коммунистической идеи и образовавшийся идеологический вакуум, не могли не стимулировать и без того стремительно набравший силу процесс роста национального и религиозного самосознания и самоидентификации. Поиск новой, замещающей идентичности, принявший взрывной характер, и наложившийся на растущую напряженность на стыках цивилизационных платформ и вытекающие предпосылки для обострения конфликта цивилизаций, спровоцировал повсеместное обострение территориальных, этнических и конфессиональных конфликтов, кризисов и силовых коллизий, как межгосударственного, так и внутреннего характера. К примеру, только в 2002 г. из 53 государств, расположенных на Африканском континенте, 30 воевали между собой, или сами с собой. Всего же, количество действующих, или потенциальных очагов вооруженных конфликтов, обусловленных наблюдаемым нелинейным возрастанием насилия и тенденций агрессивного этнонационализма, ксенофобии, сепаратизма, религиозного экстремизма и фундаментализма, давно перевалило за полтысячи, намного превысив аналогичный уровень периода "холодной войны".

Фактор углубляющегося неравенства (социального, экономического, образовательного) переориентировал координаты глобального конфликта с идеологической оси Восток - Запад в цивилизационном направлении Север - Юг. Растущий разрыв в темпах и масштабах развития, ухудшающиеся жизненные условия, углубляющиеся бедность и голод, ширящийся демографический взрыв, перманентные войны, поразившие Третий мир, приобретают все более угрожающие масштабы. Президент ФРГ Йоханнес Рау 13.05.02 г. привел следующие данные о социальном неравенстве в мире: 30.000 детей ежедневно умирают от голода и болезней; 100.000.000 детей не имеют возможности посещать школу; 1.000.000.000 человек не имеет доступа к качественной питьевой воде; каждый четвертый человек живет ниже черты бедности; каждые 3 часа от голода в мире умирает больше людей, чем погибло во время терактов 11 сентября. Особую остроту ситуации придает растущее благосостояние населения стран "Золотого миллиарда": в 1999 г. состояние всего 475 человек, проживающих в этих странах, превысило доход половины населения планеты; 200 крупнейших международных концернов владеют более чем одной трети валового мирового продукта. Продолжающееся обнищание сотен миллионов людей и поиски лучшей доли способствуют глобальному процессу трансконтинентальной миграции ("второе великое переселение народов), в том числе ее нелегальным формам человеческого трафика ("новое рабовладение").

Складывающаяся на наших глазах современная система новых глобальных угроз дополняется и другими, не менее существенными факторами: деградация среды обитания человечества, квинтэссенцией которой стали пресловутые "озоновые дыры"; истощение ресурсов, составляющих основу жизнедеятельности человека (энергоносители, продовольствие, вода); диффузия критических технологий, способствующих созданию оружия массового поражения и средств их доставки, в результате которой в 2002 г. в мире насчитывалось уже около 20 "пороговых" государств и даже негосударственных субъектов, находящихся на расстоянии протянутой руки от обладания ядерной бомбой или штаммами смертельного вируса.

Заданные параметры Хаоса, которые будут определять развитие человечества последующие десятилетия, включают, естественно, и интересующий нас феномен терроризма. Всего за полтора десятилетия после окончания Третьей мировой войны рассматриваемый феномен приобрел качественно новое содержание, которое позволило многим аналитикам и исследователям проблемы заявить о появлении "терроризма новой волны". Вертикальная и горизонтальная эскалация явления, смена мотиваций, обновленный баланс иррационализма и прагматизма, расширение диапазона методов, приемов и применяемых средств, позволяют прийти к неутешительному для человечества выводу. Терроризм, выведя

уникальную восходящую траекторию, за ничтожный по продолжительности исторический период времени, несопоставимый даже с жизнью всего одного человеческого поколения, трансформировался из маргинальной политической практики в стратегию, став глобальной транснациональной угрозой.

Прежде, чем рассмотреть общие параметры и критерии развития международного терроризма, постараемся снова, как и в прошлой серии, подробно отследить внутреннюю динамику явления на конкретных примерах трансформации нескольких структур, которые с полным правом могут быть отнесены к классическим террористическим организациям нового типа.

Эпизод седьмой: Революционные вооруженные силы Колумбии (FARC)

Латинская Америка 60-х годов прошлого века буквально бредила левой революцией. Репрессивное правление военных режимов, специфическая политическая культура, американский диктат «большой дубинки», экономическая эксплуатация, социальный разрыв между верхами и низами, пример сопротивления, демонстрируемый Кубой, становились питательной средой для популяризации и широкого распространения идей марксизма-ленинизма, а также маоизма, троцкизма, анархизма, боливаризма, геваризма и других производных «измов». В результате, многие из молодых людей, еще до выпуска из университетов осознавших свою жизненную бесперспективность, обуреваемых комбинацией исторических традиций политического насилия и романтического «мачизма», сотнями и тысячами уходили в городское подполье, сьерру и сельву, объединяясь с рабочими и безграмотными нищими крестьянами – индейцами в попытке насильем изменить этот несправедливый мир.

Одним из тех, кто в 1964 г. ушел из опустылевшего и бесперспективного города в герилью, был и относительно молодой колумбиец Мануэль Маруланда Велес по прозвищу «Тирофихо» (Меткий Выстрел). Вместе со своими единомышленниками - собратьями по оружию, он создал вооруженную организацию Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, или FARC – Революционные вооруженные силы Колумбии. Два с половиной десятилетия Маруланда со товарищи вели вялотекущую партизанскую войну в джунглях, мало чем отличаясь от десятков аналогичных лево-марксистских повстанческих движений на континенте. Однако, на рубеже 80-х – 90-х годов, когда внимание США было приковано к драматическим коллизиям, происходящим в Евразии, FARC скрытно, и от этого еще более неожиданно, превратился в монстра, который с тех пор стал непреходящей головной болью для Вашингтона.

В эпицентре проблемы находилось неприметное и неприхотливое кустарниковое растение кока, транквилизирующий эффект которого был известен индейским племенам с глубокой древности. Получаемое в результате переработки листьев коки вещество под названием кокаин, изначально применявшееся в медицинских, прежде всего анестезирующих целях, во второй половине XX в. проявило себя с абсолютно другой стороны, - как сильнодействующий наркотик. Предмет вождения все большего количества миллионов наркозависимых людей, кокаин стал также центром деятельности преступных группировок, которые десятками появлялись в горных долинах Боливии, Перу, и особенно Колумбии, - там, где и произрастала кока. Постепенно ими были разработаны и практически претворены в жизнь не только технологический, но и оперативный циклы производства, переработки, транспортировки и распределения «товара» на емких и постоянно растущих потребительских рынках Северной Америки и Европы. Дело было за малым – требовалась военная сила, которая обеспечивала бы полноценную физическую защиту сформировавшейся схемы.

Именно такая потребность и придала второе дыхание FARC, в тот самый период, когда марксизм начал сходить с политических подмостков Истории. Цена решения проблемы составила 10% от стоимости урожая коки - именно столько Революционные вооруженные силы Колумбии, в соответствии с достигнутыми договоренностями, ежегодно получали за силовое прикрытие операций от Калийского, Медельинского картелей, картеля Северной долины, а затем и от многочисленных фрагментированных групп, образовавшихся на их основе. В урожайные годы представители FARC получали до 134 долларов отчислений с каждого собранного килограмма коки, что приносило в бюджет организации до 600 млн. долларов. Конвергенция группировки с колумбийскими «наркосиндикатами» максимально усилила ее финансовые, а следовательно военные, политические и информационно-пропагандистские возможности, сделав ее крупнейшим, и наиболее опасным, повстанческим движением Латинской Америки по состоянию на современный период.

Колумбийский конвейер смерти, обеспечиваемый силовым прикрытием со стороны боевиков FARC, работает неустанно. Тысячи курьеров, обеспечивающих децентрализованную поставку малых партий «товара» через распределительные узлы в Майами, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Амстердаме, Лондоне, Барселоне, Марселе, Неаполе и дилерскую сеть в других крупных городах. Сотни легкомоторных самолетов, перевозящих отраву с грунтовых аэродромов в зоне контроля FARC, и летящих на максимально малой высоте, чтобы обмануть американские радары слежения. Десятки обычных торговых судов, перевозящих обычный груз, в котором находятся тайники-закладки – например, бильярдные шары, или замороженная фруктовая паста, или металлические предметы, на которые под видом хлорированного покрытия напылен кокаин. Из 580 метрических тонн «кокса», произведенного в Колумбии методом химической

очистки, скажем, в 2000 г. (до 80% от объема мирового производства этого вида наркотических веществ), не менее 80%, в свою очередь, поступила в США. Каждую ночь на улицах американских городов идет война, главным стимулирующим элементом которой являются наркотики; человеческие потери и материальный ущерб на этой псевдвойне выглядят, впрочем, как на самой настоящей. По совокупности показателей криминального, медицинского, экономического характера, ежегодный ущерб, причиняемый США наркоманией, превышает 150 млрд. \$; одна из ведущих ролей в этом принадлежит колумбийскому кокаину.

Впрочем, прибыль от «крышевания» производства и транзита наркотических веществ составляют всего лишь 75% поступлений финансовой империи FARC. Другой доходной частью бюджета организации остаются рэкет и киднеппинг. Только за 1996 – 2001 г.г. боевиками группировки были захвачены в заложники 3.439 человека, в том числе 74 граждан иностранных государств. Полученный выкуп за освобождение части из них составил 110 млн. долларов. Большинство из тех, за кого не заплатили, назад не вернулись.

Мощная финансовая база организации стимулирует претензии на власть. Эти претензии подкрепляются хорошо обученной повстанческой армией, насчитывающей 17.000 боевиков, действующих в составе 27 фронтов, и имеющих на вооружении все виды легкого и крупнокалиберного стрелкового оружия, минометы, безоткатные орудия, переносные зенитно-ракетные комплексы, инженерные мины, и другие виды оружия и военного снаряжения. Реализуя классическую партизанскую тактику, осадив изолированные армейские и полицейские гарнизоны, осуществляя минно-засадную войну на коммуникациях и периодические рейдовые операции, сочетаемые с интенсивной политико-пропагандистской работой в крестьянской среде и городских низах, Революционные вооруженные силы фактически контролируют не менее четверти территории Колумбии, равной по площади трем Швейцариям. В их систему, помимо собственно боевого компонента, входят городские конспиративные структуры, народное ополчение «Боливарианская милиция», обширная обеспечивающая инфраструктура в виде учебных центров, лесных взлетно-посадочных полос, тыловых мастерских по производству вооружения и боеприпасов, органы информационно-пропагандистского обеспечения, в том числе радиостанции, газеты, информационные агентства, Internet-сайты, легально действующие политическая партия прикрытия и парламентская фракция, сеть опять-таки легальных зарубежных представительств. Впрочем, вечное революционное учение не забыто и в новых исторических условиях, и насилие, когда это необходимо, реализуется без проблем. За 20 последних лет в Колумбии был убит 181 журналист, из тех, кого не смогли купить; подавляющее их число пало жертвой FARC и сотрудничающих с ней нарко-картелей. К 1998 г. боевиками организации были убиты 20, захвачены в заложники 32, и подверглись угрозам

физического устранения 56 глав местных администраций. В случае надобности, в дело идут более весомые аргументы в виде взрывчатки. Например, организованный диверсантами-подрывниками FARC взрыв на массовом политическом мероприятии в городе Миту в ноябре 1998 г. убил 138 человек.

Развитие ситуации в Колумбии, генератором которой стали FARC и союзные нарко-картели, уже с первой половины 90-х г.г. рассматривалось Вашингтоном, как прямая угроза национальной безопасности США. В рамках предпринятых мер противодействия, впервые в американской военной истории, целое региональное командование ВС США – Южное командование (USSOUTHCOM), - было практически всецело ориентировано на борьбу не с вооруженными силами какого-либо государства, а с нетрадиционным противником – повстанческой армией и организованными преступными группировками. В соответствии с разработанным еще администрацией Клинтона «Планом Колумбия» стоимостью в 7,5 млрд. долларов, в страну пошли оружие и американские военные инструкторы. Одновременно с этим был инициирован переговорный процесс между колумбийским правительством и руководством FARC. И именно на этом направлении неожиданно случился прорыв; переговоры действительно начались, и забрезжил луч надежды, когда в феврале 2001 г. состоялась личная встреча президента Андреса Пастраны с «Тирофихо». Телекамеры показали миру все еще крепкого 70-летнего старика в полевой камуфлированной форме с подвязкой в цвета колумбийского национального флага. Его окружение составляли гораздо более молодые представители второго эшелона руководства FARC, практически вся жизнь которых прошла в сельве.

Скорее всего, именно радикализм этих лидеров, их стремление выйти в первый эшелон руководства группировки и заменить «Тирофихо», в сочетании с непрекращающимся встречным террором правозэкстремистских «сил самообороны», и отсутствием реальных подвижек в процессе политического урегулирования, сначала завели надежды на мир в тупик, а затем их похоронили. Ослабление давления на участников переговоров со стороны США, разрывающихся между многочисленными фронтами «глобальной войны с терроризмом», привело к возобновлению вооруженного конфликта. На его возвратной волне через президентские выборы к власти пришел политик «жесткой руки» А. Велес, пообещавший решить проблему FARC силовым путем. 17 августа 2002 г., во время президентской инаугурации, Революционные вооруженные силы Колумбии намеревались «отсалютовать» ему сосредоточенным огнем по месту проведения торжественной церемонии из примерно ста минометов, изготовленных из газовых баллонов на основе технологии, переданной «прикомандированными» инструкторами Ирландской республиканской армии. Лишь счастливое стечение обстоятельств предотвратило обстрел и неминуемые массовые жертвы. Однако, история эта не закончена, война продолжается, и многое, увы, еще впереди...

Эпизод восьмой: Армия освобождения Косово (УСК)

Страна Албания, неоднократно подвергавшаяся иноземным нашествиям и изменявшаяся в своих границах, во все времена была особым местом на политической карте Европы. Непростая история, сложные отношения с соседними народами, клановый строй, смешанный (исламско-христианский) конфессиональный контекст, изолированный и суровый быт, сформировали специфический, замкнутый менталитет горцев, населявших «Страну орлов», - так албанцы сами именовали свою страну. Более трех десятилетий после Второй мировой войны нация жила разделенной границами собственно Албании, которой правил диктатор Энвер Ходжа, и социалистической Югославией, которой руководил другой диктатор - Йосип Броз Тито. Все начало после смерти последнего в 1980 г. Отсутствие железной хватки маршала однозначно способствовало сначала латентному, а затем и откровенному росту национализма в Югославской федерации. Его носители - диссиденты-интеллектуалы, один за другим вышли из тюрем, и возобновили свою деятельность уже практически в легальных условиях. Через десять лет многонациональная Югославия развалилась в огне гражданской войны, принявшей форму кровавого этнического конфликта. Для албанцев это означало то, что теперь они жили уже в трех государствах – все той же Албании, Сербии, и Македонии.

В мае 1992 г. в одном из македонских городов в условиях строгой конспирации состоялся слет лидеров албанских группировок самой различной ориентации – от религиозно-политической (исламской) до монархической и коммунистической. Основой сотрудничества столь разнородных политических сил стал мощный объединительный фактор – албанский национализм. Проанализировав развитие военно-политической ситуации на Балканах, участники съезда пришли к единогласному выводу – текущий момент создает исключительно благоприятные стартовые предпосылки для объединения всех земель, населенных албанцами, в единое государственное-территориальное образование – «Великую Албанию». Первым шагом на этом пути должно стать отторжение края Косово, который, незадолго до этого, при наличии 80% албанского населения от общего числа, был лишен югославским лидером Слободаном Милошевичем автономии, в свое время предоставленной албанцам еще при режиме Тито. Для реализации конкретных военно-политических задач было решено создать боевую организацию. Она получила название «Армия освобождения Косово» (УСК).

В первой половине 90-х, пока Сербия, теряя силы и международный престиж, увязала в кровопролитных этнических войнах в Боснии и Герцеговине и Хорватии, албанская община Косово накапливала боевой потенциал. На его развитие были

брошены огромные финансовые средства, образовавшиеся в результате отмывания денег, полученных от нелегального транзита наркотиков. Наркотрафик с начала 80-х г.г. стал одним из основных источников доходов обширного организованного преступного сообщества, сложившегося в недрах албанской общины в странах Европы и Северной Америки, образовавшейся в результате десятилетий латентной миграции. Структурированное в 15 территориально-родовых братств (Fis), албанское ОПС к началу 90-х г.г. уже контролировало значительную часть потоков кокаина, героина, марихуаны, LSD, экстази и амфетамина, поступавших в Европу из Афганистана, Бирмы, Латинской Америки, или производимых местными умельцами в подпольных лабораториях прямо на континенте. Контролируя, в зависимости от страны пребывания, от 65 до 90% поступающих и реализуемых наркотиков, лидеры албанского преступного сообщества, по некоторым оценкам, могли аккумулировать ежегодно астрономическую сумму – до 2 миллиардов долларов. Наличие столь существенного финансового ресурса не могло не стимулировать грандиозные проекты расширения бизнеса – в первую очередь на исторической родине, поскольку населенные албанцами территории находились в ключевом, конечном сегменте афгано-турецко-балканского канала («Второго Великого шелкового пути»), по которому наркотики и закачивались в Европу. Для нормального, бесперебойного функционирования этого канала требовался неконтролируемый хаос. Лучшим средством создания хаоса является война.

22 апреля 1996 г. УСК воочию продемонстрировала появившиеся у нее боевые возможности, проведя первую операцию против югославской армии на территории края. Вряд ли случайно, что эта активизация совпала с завершением боевых действий в Боснии, и консервации военно-политической ситуации в ней за счет ввода международного войскового контингента, основу которого составили силы НАТО. Глобальные игроки – США и Европа (в первую очередь Германия), имели свои, особые интересы в южной, наиболее узкой части Балкан, так называемой зоне «8-го коридора», пространстве между побережьями Черного и Адриатического морей, в котором вполне могли бы разместиться нефте-/газо-/трубопроводы, по которым на Запад прокачивались каспийские и центральноазиатские энергоносители. Не исключено, что исходя именно из этих долгосрочных соображений, интересы мировых центров силы сфокусировались на Армии освобождения Косово, ранее известной только сотрудникам региональных резидентур западных спецслужб.

Спираль боевых операций УСК начала раскручиваться по нарастающей, а с февраля 1998 г. приняла вообще непрерывный характер. Далее события развивались по схеме «гуманитарной интервенции», наработанной США еще в начале 90-х г.г. на Балканах и в Африке. Операции югославской армии, и особенно полиции, носившие отчетливые признаки чрезмерного применения силы против гражданского албанского населения, - практически неизбежное зло в

условиях партизанской «мятежевойны», стали поводом для нарастающего давления Запада на Белград. Уже в октябре того же года инструментом этого давления стала угроза применения военной мощи Северо-Атлантического альянса. Навязанные Милошевичу переговоры с представителями УСК в парижском пригороде Рамбуйе лишь отсрочили запланированную развязку. В результате эффективных маневров и закулисных интриг, предпринятых шефом госдепа Мадлен Олбрайт, а также сенатором Бобом Доулом и олигархом-филантропом Джорджем Соросом, известными своими обширными контактами в албанской общине США, американцам удалось выбить из переговорного процесса умеренных лидеров УСК, возглавляемых Ибрагимом Руговой, - диссидентом с большим тюремным стажем за его сепаратистскую деятельность еще во времена Тито. Применение политических и дипломатических технологий, в сочетании с продолжающимся насилием над гражданским албанским населением в Косово, сформировали искомый формальный предлог для военной интервенции. И тогда наступило время боевиков УСК.

В течение считанных месяцев Армия освобождения Косово, представлявшая собой конгломерат полубандитских групп, действительно превратилась в армию. Одной из предпосылок такой трансформации, конечно, стал фактор ее лидеров, таких, как энергичный военно-политический руководитель УСК Хашим Тачи по кличке «Змей», начальник Генштаба, талантливый бригадный генерал Аким Цегу (специально переведенный в Косово из хорватской армии, где он служил ранее), жесткие полевые командиры Реми, Дрини, Сулейман Селими по кличке «Султан», и многие другие. Однако, немаловажную роль сыграли также советники и офицеры связи из ЦРУ и сил специальных операций ВС США, британских сил специальных операций SAS, спецназа бундесвера KSK. Именно их усилиями был сформирован полноценный Генеральный штаб УСК в составе восьми управлений и нескольких отдельных служб, разведка, военная академия и учебные центры, в которых проходили интенсивную военную подготовку местные жители и албанцы диаспоры, которые поздней осенью 1998 г. потоком двинулись на Балканы. Только добровольцев - граждан США и Канады насчитывалось свыше 400 человек, из которых был сформирован отдельный «Атлантический батальон». К ранней весне 1999 г. формирования Армии освобождения Косово насчитывали 21.000 боевиков, действовавших в составе двадцати бригад в семи оперативных зонах на всей территории края. В их распоряжение непрерывным потоком поступали поставки, профинансированные на средства Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, и возможно, «Аль-Каиды»: стрелковое оружие, легкие противотанковые средства, мины, ПЗРК. В спецификацию поставляемого вооружения и военного снаряжения входили, том числе, самые современные образцы – 12,7-мм снайперские винтовки Barrett, состоящие на вооружении сил специальных операций США, аппаратура спутниковой связи и навигации, средства лазерной подсветки цели для наведения авиации. Последние поставлялись неспроста, с учетом ожидаемого развития ситуации.

В ночь с 24 на 25 марта 1999 г. первые крылатые ракеты обрушились на Белград. В течение последующих 78 суток военный и экономический потенциал Югославии подвергался методичному разрушению с воздуха, при отсутствии практически никакой возможности адекватного военного ответа. Югославская армейская группировка на территории Косово оказалась между молотом и наковальней. Формирования УСК, по факту ставшие передовым эшелоном сил НАТО, готовившихся к вводу на территорию края, наводили на цели боевые самолеты НАТО, организовывали засады и нападения на войсковые колонны и гарнизоны. В один из июньских дней, перед самым концом войны, отряды 2-й оперативной зоны УСК окружили югославский батальон и выдавили его с занимаемых позиций на открытое плато, где он был практически в полном составе похоронен сериями 907-килограммовых авиабомб, сброшенных американскими бомбардировщиками В-52. Отработанная в те месяцы и дни, на первый взгляд неожиданная, первичная форма взаимодействия высокотехнологичной армии с иррегулярными партизанскими формированиями, была полноценно реализована двумя годами позднее, в ходе совместных операций ВС США и Северного Альянса против движения «Талибан» в Афганистане.

10 июня 1999 г., осознав неизбежную реальность, Югославия капитулировала. На территорию края из Македонии был введен войсковой контингент НАТО. Однако, одновременно с западными военнослужащими, на улицах косовских городов и поселков появились вооруженные до зубов боевики УСК. Месть «победителей» была беспощадной. В считанные недели состоялась повторная этническая чистка, в которой роль палача и жертвы поменялась местами. Десятки тысячи сербов, а также цыган и турок, бросив дома, скарб и сожженные церкви, бежали в Сербию. Международный контингент KFOR, сумевший частично ограничить масштабы насилия в отношении сербской общины, тем не менее, не смог, из-за неопределенного мандата, предотвратить саму чистку. Начатое разоружение Армии освобождения Косово, по сути, оказалось неэффективным; большая часть оружия и боеприпасов была припрятана до лучших времен. И они выстрелили – сначала в 2000 году в Юго-западной Сербии, где начала действовать «Армия освобождения Прешево, Медвежья и Буяноваца», а затем в 2001 г. в Северной Македонии, где активизировалась «Албанская национальная армия». Основу обеих группировок составили оставшиеся не у дел ветераны все той же УСК.

По состоянию на сегодняшний день Армии освобождения Косово официально не существует – она распущена, а ее остаточный состав интегрирован в созданные под опекой KFOR полицейский «Корпус охраны Косово» (ТМК). Но дело УСК живет и процветает. Ее военно-политические лидеры, создавшие собственные партии и фракции, продолжают получать то, ради чего, быть может и была затеяна вся эта история: отчисления от нелегального транзита афганской «наркоты», рэкета, контрабанды оружия, контроля проституции в Милане или Гамбурге, а также официальных 3% ежемесячных взносов албанской диаспоры в

контролируемый ими «Фонд Родины». Край де-факто выведен из-под сферы юрисдикции и суверенитета Югославии; местные сербы продолжают оставаться беженцами. Внешние же участники конфликта, на словах выражая свою озабоченность сложившемся ситуационным тупиком, на деле уже решили значительную часть поставленных задач: свергли режим Милошевича, заменив его на прозападного лидера; самого «Слобо» отправили в Гаагу под трибунал; а новая Югославия выспрашивает сегодня у своего вчерашнего противника кредиты на восстановление разрушенной им же экономики, и разрешения присоединиться к программе НАТО «Партнерство ради мира». И самое главное, группировка ВС США и НАТО плотно осела в Косово, на трассе «8 коридора». Прозвучавшая недавно информация о том, что представители армии США ведут переговоры с владельцем территории, на которой размещен крупнейший в мире полевой лагерь «Кэмп-Бонд Стил», о ее аренде на срок от 75 до 93 лет под строительство постоянной военной базы, только подтверждает сказанное. А следовательно, формальный повод для сохранения иностранного военного присутствия, в виде «Армии освобождения Косово» и ее производных фракций, останется востребованным на весьма длительную перспективу.

Эпизод девятый: Тигры освобождения Тамил-Илама (LTTE)

Всплеск национального и этнического самосознания, пришедшийся на 90-е г.г. прошлого века, при всех своих новых, весьма пугающих масштабах, стимулировался отнюдь не современными причинно-следственными мотивами. Согласно справедливому комментарию американского исследователя Т. Герра: «... антерпринеры, стоящие за этническими движениями, всегда черпали из резервуара недовольства материальным неравенством, политический отстраненности, правительственных злоупотреблений, и пускали эти эмоции по необходимым для себя каналам». В полной мере это касалось и той сложной этнической ситуации, которая с самого момента достижения независимости в 1947 г. исподволь формировалась в Шри-Ланке.

Большинством, занимавшим доминирующие политические и экономические позиции в этой бывшей британской колонии, расположенной на острове Цейлон в Индийском океане, была этническая группа сингалов – буддистов по вероисповеданию. Вторым по численности этносом являлась община тамилы, придерживавшихся индуизма, и проживавшая в наименее развитых северном и восточном регионах острова. Другие, менее значительные национальные общины и конфессии, были удачно интегрированы в политическую и социально-экономическую систему Шри-Ланки. Следовательно, только тамилы чувствовали себя ущемленными в рамках сложившегося статус-кво. Результатом, накапливавшимся годами, стала не только массовая тамильская эмиграция с острова в сытые и благополучные Европу с Америкой, но и внутренняя

консолидация, а затем растущая радикализация и агрессивность общины. Ситуация усугублялась внешними акселераторами: более 50 млн. тамилы проживали по другую сторону пролива, отделявшего Цейлон от Индии; а ее спецслужбы не имели ничего против того, чтобы приобрести эффективный рычаг влияния на политику островного соседа. Такой макиавеллистский подход вскоре бумерангом ударит по интересам самой Индии и обойдется ей очень дорого; но осознание придет слишком поздно. А пока, примерно в 1976 г., где-то в тропических лесах на севере Шри-Ланки, группа молодых единомышленников создает очередную, неизвестно какую по счету из повстанческих организаций, действующих по всему миру под жупелом национального освобождения – «Тигры освобождения Тамил-Илама» (Liberation Tigers of Tamil Eelam - LTTE). Тамил-Илам - так должно было именоваться независимое государство тамилы, создание которой за счет вооруженной борьбы и было целью новорожденного движения; тигр же являлся наиболее почитаемым у тамилы животным, боевые качества которого были достойны подражания всеми мужчинами-воинами. Единогласно избранный руководителем LTTE Велупиллаи Прабхакаран, принявший боевой псевдоним «Карикалан», имел все задатки харизматического лидера – внешность, ораторские данные, политическое предвидение, приспособляемость, изворотливость, и почти что звериное чутье. Именно эти качества позволили ему не только выжить в развернувшейся войне, но и превратить свою организацию в одну из самых необычных и смертоносных террористических группировок в мире.

С 1983 г. боевые группы LTTE развернули операции против правительственных сил Шри-Ланки, постепенно принимавшие все больший размах. К лету 1987 г. руководство движения перешло к реализации интегрированной стратегии, сочетавшей базовые элементы партизанской войны и параллельной тактики террора. Эскалация конфликта и рост количества жертв, стали поводом для вмешательства соседней Индии, претендовавшей на роль регионального военно-политического менеджера. В 1987 г. на территорию Шри-Ланки с согласия ее руководства были введены части пяти индийских дивизий – миротворческий контингент. И тогда индусы первый раз заплатили по счетам десятилетней давности. Бывшие подопечные, боевики LTTE, подготовленные в свое время в учебных центрах на территории Индии, навязали изнурительную партизанскую войну индийскому войсковому контингенту. К 1990 г., когда Дели принял, наконец, решение свернуть бессмысленную и дорогостоящую операцию, показатель потерь в индийских войсках превысил 1.140 человек только убитыми; тысячи военнослужащих были ранены и покалечены в этой странной войне без фронта и тыла. Но тамилы не забыли бывших спонсоров. 20 мая 1991 г. женщина-смертник, под одеждой которой скрывалось то, что сегодня называют «пояс шахида» - носимый взрывной комплект, привела его в действие на массовом общественно-политическом мероприятии правящей партии Индийский национальный конгресс. Среди десятков убитых был и премьер-министр Индии Раджив Ганди, ставший,

как и его мать Индира за 7 лет до того, жертвой этнополитического терроризма. Бумеранг вернулся вновь.

А война на тропическом острове тем временем вновь набрала обороты. Военный потенциал «Тигров» рос стремительными темпами. К концу 90-х г.г. в их формированиях насчитывалось 14.000 боевиков, из которых до 60% составляли подростки и юноши 15 – 18 лет, а также женщины. Интенсивный и жестокий круглосуточный цикл военной и специальной подготовки в учебных центрах вкупе с прямолинейной и шаблонной пропагандой делал из них фанатичных, беспрекословно повинующихся бойцов. Растущие военно-технические возможности группировки обеспечивались наемниками из Индии, ЮАР, Канады, Норвегии, Великобритании. Организационная структура формирований LTTE включала ударные пехотные части, подразделения коммандос, артиллерии, ПВО, связи, вспомогательные женские и детские отряды, службу разведки и контрразведки. На их вооружении состояло трофейное, или же контрабандное вооружение, нелегально закупленное в десятках стран, от Украины до Австралии – танки Т-55, тяжелая артиллерия калибра до 152мм включительно, противотанковые ракетные комплексы, ПЗРК Stinger, легкомоторная авиация и вертолеты. Но особую гордость тамиллов, являвшихся прирожденными мореходами, стал их флот, превосходящий по своим параметрам и боевым качествам регулярные ВМС многих государств. Помимо ударных отрядов смертников «Морские черные тигры» и группы боевых пловцов «Леопард», в состав этого необычного флота входили несколько сверхмалых подводных лодок, от 200 до 500 скоростных катеров с фибerglassовым корпусом, в том числе собственной разработки по технологии малой радиолокационной заметности Stealth (!), а также морские мины различных типов, самодвижущиеся подводные аппараты, человекоуправляемые торпеды, береговые радиолокационные станции, и полтора десятка грузовых судов, зарегистрированных под «удобными флагами» Либерии и Панама в различных портах по всему миру. Не удивительно, что тамильский флот сумел отправить на дно Индийского океана половину корабельного состава ВМС Шри-Ланки, и проводить немыслимо дерзкие операции, такие, когда его катера захватили в 1997 г. в открытом море торговое судно с грузом в 32.000 81мм минометных снарядов, предназначенных для правительственной армии. Впрочем, боеприпасы через пару недель все-таки попали к заказчику, но уже из ствола - разрываясь на его позициях.

Понятно, что столь весомый боевой потенциал полноценно использовался военно-политическим руководством LTTE для перехода к стратегии захвата и удержания территории, на которой и должно было состояться «государство Тамил-Илам». С 1995 г. по 2000 г. тамильское командование провело серию наступательных операций под кодовым наименованием «Нескончаемые волны», нанеся тяжелые поражения правительственным силам. Одним из наиболее драматических эпизодов стал штурм гарнизона Муллаитиву, расположенного на

северо-восточном побережье острова. Мощный удар с трех направлений, предпринятый в ночь 17 / 18 июля 1996 г., оказался абсолютно неожиданным для правительственных войск, прижатых к земле плотным минометным огнем. В самом начале боя выстрелом из гранатомета была уничтожена антенна радиостанции, и гарнизон остался без связи с Главным штабом армии в Коломбо. Накачанные наркотиками «тигрицы» и «тигрята» своими телами пробили проход в минных полях, а колючую проволоку снесли бронированные бульдозеры, после чего в прорыв пошли уже матерые боевики. Первый оборонительный периметр гарнизона был прорван сразу, второй – через несколько часов, третий, и последний, - к утру. Все командиры, пытавшиеся восстановить управление, погибли одни за другим; деморализованные солдаты стали сдаваться в плен, но их никто не брал; начались массовые расправы. Всего за несколько часов погибло 1.520 военнослужащих; из окружения через несколько суток вышли не более 40 человек, едва уцелевших под ударами своих же вертолетов. Гибель гарнизона, вызвавшая шок в обществе, и ставшая одной из наиболее впечатляющих военных катастроф современной военной истории, была не случайной. Хроническая военная бюрократия, некомпетентность и коррупция, политическое интриганство и тотальный окопный синдром привели к тому, что раздутая сверх всяких штатов до уровня свыше 100.000 человек шри-ланкийская армия, по количественным показателям в десять раз превосходящая своего противника, утратила контроль над 25% территории страны.

Однако, несмотря на храбрость и жестокость, проявляемые на поле боя, всемирно-зловещую славу «Тиграм» принесло совсем другое – не имеющее аналогов по масштабам применение смертников. Только в 1987 – 2000 г.г. LTTE осуществило 168 операций с использованием 292 «камикадзе». В результате ими были убиты двое глав государств (индийский премьер Раджив Ганди в 1991 г. и президент Шри-Ланки Премадаса в 1993 г.), один кандидат в президенты, 4 министра, 4 генерала и адмирала, множество государственных и политических функционеров. Мужчины и женщины с носимыми взрывными комплектами пешком, на велосипедах, мотоциклах и автомобилях прорывались к своим жертвам, подрывая их, себя, а также десятки и сотни других людей. Периодически в ход шли грузовики, заминированные самодельными взрывными устройствами большой мощности, как, например в деловом центре Коломбо в январе 1996 г., когда был убит 91 человек. А иногда ситуация походила на голливудский боевик, когда 8 смертников за пару часов разгромили базу ВВС Шри-Ланки, совмещенную со столичным международным аэропортом, уничтожив в общей сложности более десятка военных и гражданских летательных аппаратов.

Как и в двух других рассмотренных случаях с Революционными вооруженными силами Колумбии и Армией освобождения Косово, военные усилия LTTE обеспечивались обширной инфраструктурой поддержки, сочетающей как легальные, так и криминальные формы деятельности. Обширная тамильская

диаспора обеспечила «Тиграм» поистине глобальное присутствие, которое реализовывалось в различных формах, в зависимости от страны пребывания. Деятельность структур прикрытия в Лондоне, Париже, Осло, Сиднее, Нью-Йорке, Ванкувере, и любом другом из 38 городов мира, где находятся официальные представительства LTTE, ограничивается интенсивной информационной и политической работой, а также сбором взносов объемом 2 – 3 млн. долларов ежемесячно, что тоже немаловажно. Более активно функционируют обширные резидентуры группировки в Мьянме, Таиланде, Малайзии, Сингапуре, Индонезии, Бангладеш и ЮАР, обеспечивая контрабанду вооружения, боеприпасов, и что наиболее актуально, афганского и бирманского героина, перепродажа которого обеспечивает основной объем финансовых поступлений LTTE. Именно на эти средства не только закупается оружие, выплачивается денежное содержание семьям погибших боевиков, но и содержится вся зарубежная инфраструктура присутствия, контролируемые средства массовой информации, партии и организации прикрытия, ведется интенсивная лоббистская работа с 53 международными организациями, поддерживаются постоянные контакты с многочисленными родственными группировками мирового сепаратистского интернационала.

Сегодня на изумрудном острове, лежащем у самого экватора в Индийском океане, почти не стреляют. Переговорный процесс между сторонами конфликта и международными посредниками тянется уже около двух лет. Реального прорыва в разрешении тамильской проблемы не достигнуто, кроме, быть может, самого важного на данный момент результата: почти двадцатилетняя война пока что прекратилась.

Негосударственные военизированные системы

Итак, мы в общих чертах рассмотрели три конкретных эпизода из сотен других, занимающих свое место в современной системе международного терроризма. Наверное, нетрудно подметить нечто общее, что объединяет эти разнесенные по географической дистанции и событийному контексту эпизоды, - в центре каждого из них находится негосударственная военизированная система – субъект террористической деятельности в самых ее различных проявлениях. И есть прямой смысл более подробно остановиться на анализе этого понятия.

В состав максимально расширенного понятия негосударственных военизированных систем (подсистем, структур), как представляется, можно включить следующие функциональные категории: повстанческие вооруженные формирования и движения; террористические группировки; экстремистские

партии, организации, объединения и союзы политической, идеологической, кланово-этнической, религиозно-конфессиональной, социальной, природоохранной и иной направленности, имеющие структурный силовой компонент, или реализующие проекцию насилия; организованные преступные сообщества; тоталитарные религиозные секты и культы; хакерские группы – субъекты кибертерроризма и киберпреступности; другие корпоративные объединения по интересам; частные структуры по оказанию военной поддержки на коммерческой основе; структуры обеспечения и политического прикрытия, финансовой и информационной поддержки всех вышеперечисленных категорий. Что объединяет все эти, на первый взгляд, весьма различные категории? Что общего между группой фанатичных экологов - террористов численностью всего в несколько человек, и многотысячными партизанскими фронтами, контролирующими значительную часть территории некоторых государств?

Негосударственные военизированные системы характеризуются тремя базовыми признаками идентификации: 1. Они имеют национальную принадлежность, но при этом не имеют государственного статуса; 2. Они организованы по военной (военизированной) схеме; 3. Их оперативным параметром (*Modus Operandi*) является применение насилия, угроза, или готовность к его применению, для достижения реальных, или декларируемых, целей и задач. При этом определенная часть этих систем (структур) внешне может действовать в правовых рамках и с формально юридической точки зрения не рассматривается в качестве субъектов терроризма.

Негосударственные военизированные системы по состоянию на начало XXI века находятся в состоянии непрерывной динамики и многовекторной трансформации. Одним из многочисленных подтверждений этого факта стал закон о терроризме (*Terrorism Legislation Act*), принятый британским парламентом 19.02.01 г., который расширил категорию попадающих под определение действий от «классического террора» на основе политической, идейной, религиозной мотивации до деятельности организованной преступности и не всегда мотивированных акций экологических и хакерских групп.

Негосударственные военизированные системы, или, по меньшей мере, значительная их часть, по-прежнему продолжают осуществлять интенсивную проекцию насилия, комбинируя военные и террористические формы активности с радикальной идеологией и криминальными каналами финансирования. По уровню организации и боевой подготовки многие из них вышли на уровень регулярных армий. Они имеют относительно дешевое, но современное и смертоносное оружие самого широкого диапазона - от легкого стрелкового вооружения и противопехотных мин до истребителей-бомбардировщиков и оперативно-тактических ракетных комплексов включительно. Применяют боевые

отравляющие вещества; используют средства космической связи; активно действуют в киберпространстве. Демонстрируют отчетливое стремление обеспечить собственный доступ к расщепляющимся веществам, радиологическим, химическим и биологическим компонентам, критическим технологиям. Оружие массового поражения в распоряжении парамилитарных структур - это уже не фантастический сюжет из повести Ричарда Престона «The Cobra Event», а жесткая реальность в виде нервно-паралитического газа в Токийском метро и распыленного хлора с аммиаком на улицах Грозного зимой 1999 / 2000 г. Негосударственные военные системы полностью контролируют обширные «серые зоны» - существенные участки территории целого ряда стран, выведенные из-под фактического контроля центральных правительств, и трансформированные в операционные и транзитные узлы военизированных формирований и организованной преступности. Примеры тому - Афганистан, Колумбия, Мьянма, Сомали, Йемен, Чечня, Нагорный Карабах, Абхазия, Панкиси, Приднестровье, и другие страны и территории. Негосударственные военные системы интенсивно проникают в политическую и экономическую систему государств; располагают клонированными структурами прикрытия в виде партий и общественных организаций; имеют собственные парламентские фракции и контролируемые средства массовой информации – от листовок до Всемирной Сети. Осуществляют представительство в международных организациях. Участвуют в мировых экономических процессах. Формируют параллельные (теневые) транснациональные сообщества. Реализуют активное идейно-теоретическое обоснование насилия, продуцируют всемирные символы сопротивления (от Че Гевары и «субкоманданте» Маркоса до Усамы бен Ладена). И, наконец, являются основными субъектами международного терроризма и начавшейся Четвертой мировой войны. О ней – ниже.

Блок 4. Четвертая мировая война: генезис и начало

Введение

Распад СССР и социалистической системы совпал по срокам с другим процессом глобального значения – углубляющимся общим кризисом исламского мира. В этом плане рубеж конца 80-х г.г. прошлого века, без сомнения, может рассматриваться как один из наиболее драматических периодов в современной истории человечества. Совокупный эффект двух параллельных процессов вызвал последствия планетарного масштаба, воздействие которых будет ощущаться на обозримую историческую перспективу.

Кризис исламского мира, обострившийся в 80-х годах, имел самые многочисленные формы и проявления; однако в основе его заложены объективные фундаментальные предпосылки. Исламская цивилизационная ниша, вобравшая в себя особое религиозно-духовное и культурное измерение, основанное на собственной системе ценностей и ином понимании роли человеческой личности, вошла в стадию острейших внутренних противоречий. Бесконечные войны и вооруженные конфликты, оккупированная Палестина, социальная несправедливость и угнетение, увеличивающийся разрыв между правящей верхушкой, узурпировавшей национальные богатства, и нищающей основной массой населения, лишенной элементарных прав – такова изначальная природа конфликта, который разворачивается сейчас на обширных геополитических пространствах от Марокко до Индонезии.

Любой кризис приводит к жизни активизацию движений радикальных и фундаменталистских движений. Применительно к исламскому миру этот политический закон имел наиболее отчетливое воплощение. Ответом на вызовы Двадцатого века и обманутые надежды явился психологически понятный дрейф арабо-исламских интеллектуалов назад в историю, в «золотой век» ислама. Именно тогда, в период конца 70-х – начала 80-х г.г., была сформулирована и отчетливо заявлена новая идейно-политическая концепция, базирующаяся на возврате к базовым, фундаментальным ценностям раннего ислама, сформулированным в Коране и хадисах (сборниках рассказов о жизни пророка), как абсолютному и универсальному средству решения всех проблем. Политическим компонентом этой концепции стал исламский интегрзм – условный транснациональный проект создания единого государства всех мусульман – Халифата; инструментом ее реализации – постулат Джихада, священной войны, извлеченный из средневековья и модернизированный идеологами интегрзма применительно к современным условиям.

Практически неизбежными вытекающими последствиями явились политизация религии, мессианство, претензия на абсолютную истину, стремление со стороны новоявленных лидеров и организационных структур развернувшегося исламского

«возрожденчества» подчинить своим интересам надежды и чаяния миллионов простых людей. И особое значение в этом процессе приобрела идентификация противника, как основного виновника и источника всех проблем мусульманского мира (уммы). В качестве внешнего противника были обозначены «новые крестоносцы» - США, Израиль, Западная цивилизация в целом, и контролируемые ими «продажные» режимы. Внутренним противником как таковым рассматривались носители светских идей, сторонники секуляризации и освобождения общественного и индивидуального сознания от влияния религии. Такое видение противника, против которого и должен быть направлен удар, было единым для всех спектров ширящегося исламистского движения – и для «неоваххабитских» суннитских группировок, и для шиитских организаций и структур, инициированных исламской революцией 1979 года в Иране.

В практическом плане процесс «исламского ренессанса» способствовал появлению, структурированию и развертыванию качественно новых организационных единиц – военизированных религиозно-политических группировок. Будучи различными - как транснациональными, так и локальными по своему организационному построению, все они являлись явными носителями радикальной религиозной идеологии и вытекающих из нее силовых тенденций. Среди них – Движение братьев-мусульман, Исламская партия освобождения, Исламский Джихад, и многие другие. Большинство этих организаций практически сразу после их создания перешли к силовому пути реализации декларируемых целей и задач.

6 октября 1981 г. во время военного парада в Каире группа его участников - военнослужащих египетской армии, в упор расстреляла из автоматического оружия своего верховного главнокомандующего – президента Египта Анвара Садата. Он был убит за то, за что получил Нобелевскую премию мира двумя годами ранее – мирный договор с Израилем. Теракт был спланирован и осуществлен египетским отделением транснациональной организации Движение братьев-мусульман, и вошел в историю как исходный рубеж для развертывания террористических действий как апробированного средства реализации идейно-политических целей исламистского движения. Руководитель группы исполнителей лейтенант Халед аль-Исламбули также вошел в историю – его именем назывались отряды арабских боевиков, воевавших в Афганистане против советских войск, и позднее – против американцев.

Афганистан периода 80-х г.г. заслуживает особого упоминания. Десятки тысяч молодых людей со всех концов арабо-исламского мира, бегущие от беспросветности и нищеты у себя на родине, в течение целого десятилетия съезжались в Пакистан, чтобы затем горными перевалами перейти на соседнюю афганскую территорию, и принять участие в джихаде против советских войск и

армии марксистского режима. Тем более, что вся организационная и финансовая сторона джихада обеспечивалась усилиями американских, пакистанских и саудовских спецслужб. Первая афганская война стала прекрасной боевой школой для тех, кто выжил на ней. Не менее 20.000 уцелевших ветеранов, получивших позднее расхожее наименование «арабские афганцы», явились основным призывным контингентом для новых военизированных религиозно-политических организаций. Их кровавый след будет четко заметен в вооруженных конфликтах и терактах 90-х г.г. – на Балканах, в Кашмире, российском Северном Кавказе, Центральной Азии, и десятках других горячих точек. А главной целью боевиков «исламского легиона», по закону политической кармы, станут их бывшие спонсоры – Соединенные Штаты Америки.

Вывод советских войск из Афганистана в 1989 г. и падение режима Наджибуллы тремя годами позднее, происшедшее на гораздо более обширном фоне распада СССР и последующей глобальной геополитической реконфигурации, высвободили энергию колоссальной силы. Практическим ее результатом явилось появление феномена «Аль-Каиды».

«Аль-Каида» (al-Qa'ida) (Основа) - уникальное международное явление, не имеющее до сих пор прецедента в современной истории. Впервые на мировой арене в качестве самостоятельного полноценного фактора выявилась и реализовалась негосударственная транснациональная система со сложными интегрированными идейно-политическим, военным, разведывательным, организационно-техническим и финансовым структурными компонентами. Впервые в качестве конкурента и противника выступило не государство, или группа государств, с очерченными границами, территорией, столицей, армией, а теневая суперструктура качественно нового типа. История ее формирования, развертывания и наращивания неотделима от личности человека по имени Усама бен Ладен.

Усама бен Ладен

Усама бен Ладен родился 28 июня 1957 г. в Саудовской Аравии. 17-й по счету ребенок из 52 детей Мохаммеда бен Ладена – процветающего строительного магната йеменского происхождения, обладающего доверительными контактами с королевской династией и состоянием приблизительно в 5 млрд. долларов США, - получил образование в Университете имени короля Абдель-Азиза в Джидде, известного своим особым консерватизмом даже по меркам исламского мира. Этот фактор, а также влияние известного исламского идеолога шейха Абдаллы Аззама – фактически духовного отца, - привели молодого Усаму в начале 80-х годов на

пакистано-афганскую границу. Вопреки широко распространенным легендам, факт прямого участия бен Ладена в боевых действиях против советских войск достоверно доказанным считать нельзя. Однако, его реальная роль выходила далеко за функциональные рамки обычного полевого командира – в конечном счете куска «пущечного мяса». Инициативный саудовец принял самое активное участие в организации обширной системы подготовки кадров и тылового обеспечения афганского движения моджахедов, не только вложив в нее часть отцовских миллионов, но и замкнув на себя денежные потоки, перечисляемые исламскими правительственными и частными спонсорами. К концу 80-х г.г. – началу 90-х г.г., этапу стратегического перелома в афганской войне, Усама уже рассматривался в качестве одного из признанных лидеров растущего неформального движения исламского сопротивления. На этот же период приходится его разрыв с правящей королевской династией Саудовской Аравии и переход к открытому противостоянию с США, что было, без сомнения, было обусловлено радикальной эволюцией мировоззренческих взглядов бен Ладена под влиянием специфических обстоятельств афганской войны, а также происходивших в мире событий. Последовавший период эмиграции из Саудовской Аравии в Судан, и затем в Афганистан, развертывание организационной структуры, получившей наименование «Аль-Каида», ряд громких терактов против интересов США от ее имени, встречные американские военные, политические и пропагандистские меры противодействия, поступательно сделали бен Ладена знаменем сопротивления радикально настроенных кругов и маргинальных слоев исламского мира.

Сомали

Первый бой Америке организация бен Ладена дала в Сомали. Это мусульманское государство в Северо-восточной Африке, характеризующееся фрагментированным этно-клановым составом и распавшееся в 1991 г., немедленно стало ареной ожесточенной гражданской войны со всеми прилагающимися последствиями для основной части населения – кровавыми этническими чистками, массовым голодом. С целью прекращения войны, разоружения противоборствующих сторон и оказания помощи населению, а также пробной реализации доктрины гуманитарной интервенции, лоббируемой в тот период администрацией Клинтона, США инициировали миротворческую операцию ООН. Практически сразу после ввода международного контингента сил в Сомали его военнослужащие оказались мишенью для диверсионных действий со стороны вооруженных милиций, руководство большинства которых имело неформальные контакты с «Аль-Каидой» и опиралось на ее финансовую поддержку. На тот же период пришелся первый зафиксированный прямой теракт организации бен Ладена против американских целей. В декабре 1992 г. в результате взрыва близ одной из гостиниц в Адене (Йемен) были убиты 2 и ранены свыше 20 американцев, обеспечивающих сомалийскую операцию.

Кульминация событий прихлась на 3 октября 1993 г., когда военнослужащие сил специальных операций США предприняли попытку взять в плен сомалийского кланового лидера Айдида, рассматривавшегося в качестве наиболее опасного противника, в том числе ввиду его контактов с бен Ладеном. В результате бойцы американского подразделения по борьбе с терроризмом Delta попали в засаду на узких улочках Могадишо, потеряв от автоматного и гранатометного огня 18 человек только убитыми и 4 вертолета. Вид тел своих военнослужащих, привязанных за ноги к автомобилям, распространенный в считанные часы через телеэфир по всему миру, поверг Америку в шок, фактически предрешил неизбежный политический коллапс сомалийской операции, и дал жизнь очередному голливудскому блокбастеру «Black Hawk Down», снятому по следам событий десятилетней давности.

Нью-Йорк – 93

1993 г. явился свидетелем первой попытки «Аль-Каиды» перенести боевые действия непосредственно на территорию противника. 26 февраля около полудня мощный взрыв сотряс основы Всемирного торгового центра, расположенного на южной оконечности нью-йоркского делового района Манхэттен. Взрывное устройство мощностью свыше тонны в тротиловом эквиваленте сработало в подземном гараже ниже уровня обеих зданий - близнецов. Шесть человек погибли на месте, свыше 1.100 были ранены осколками бетона и стекла. Сами здания ВТЦ устояла благодаря недостаточной мощности заряда и особой прочности несущих конструкций. Расследование теракта вывело ФБР на группу Рамзи Ахмеда Юсефа – ветерана афганской войны, многонациональная боевая ячейка которого была ассоциирована со структурой «Аль-Каиды». Проверка по горизонтальным связям и последующие аресты позволили заблаговременно вскрыть и нейтрализовать разветвленный заговор на территории многих государств - от собственно США до Филиппин, масштабы которого поражали воображение. Составными частями этого заговора являлись: планируемые взрывы транспортных тоннелей под рекой Гудзон, небоскреба Empire State Building, статуи Свободы, подготавливаемые покушения на президента США Клинтона и Папу Римского Иоанна Павла II, угон и подрыв 12 пассажирских самолетов.

Руководство «Аль-Каиды» усвоит оперативные и технические уроки, извлеченные из неудачной операции февраля 1993 г. В сентябре 2001-го они помогут ему

добиться желанной цели – превратить Всемирный торговый центр в Ground Zero – зону тотального поражения.

Босния

В 1992 – 93 г.г. выявилась еще одна географическая точка приложения усилий «Аль-Каиды». Распад Югославии и начало гражданской войны в Боснии и Герцеговине привлекло пристальное внимание руководства военизированных религиозно-политических организаций и группировок к этой стране, мусульманская община которой до тех пор пребывала на забытой периферии исламского мира. Однако, разгоревшийся этно-конфессиональный конфликт на южном подбрюшье сытой Европы создал, по их мнению, уникальную возможность для начала реализации интегристского проекта на данном направлении, при одновременном нанесении ущерба насущным интересам США и Запада.

Вновь, как и в 80-е годы в Афганистан, на Балканы потянулись готовые на все, фанатичные, идейно мотивированные добровольцы. Парадоксальным фактом является то, что значительную их часть составляли мусульмане – граждане европейских государств, в том числе их уроженцы в первом и даже втором поколениях, готовые воевать до конца против самой системы ценностей своих стран. Сотни исламских добровольцев, объединенных в печально известные отряды «Черная Ласточка», «Черный Лебедь», «Черный Аист» и другие, вписали кровавую строку в историю гражданской войны в Боснии, в которой они не щадили никого – ни вооруженного противника, ни гражданское население.

Фактор «Аль-Каиды» и ее ассоциированных структурных звеньев в балканском конфликте отслеживается весьма четко. Опираясь на свои финансовые ресурсы, организация бен Ладена спонсировала практически все аспекты джихада на Балканах – от набора и переброски добровольцев до поставок вооружения и боеприпасов. К середине 90-х зона конфликта была опутана резидентурами «Аль-Каиды», действовавшими под прикрытием статуса неправительственных организаций, мечетей, гуманитарных и культурно-просветительских фондов.

Тем не менее, первая попытка развертывания джихада на Балканах, явилась неудачной в силу особенностей менталитета боснийского мусульманского населения, европейского по сути, и не подверженного в своей массе восприятию фундаменталистских идей, а также в условиях массированного развертывания военного присутствия США и НАТО в рамках Дейтонских соглашений по мирному урегулированию конфликта в Боснии и Герцеговине, существенно осложнивших

оперативный контекст деятельности «Аль-Каиды» в регионе. В этих условиях было принято решение о консервации имевшихся структурных ячеек и переносе активности в более перспективные регионы. В первую очередь – в Чечню, на российский Северный Кавказ.

Чечня

Сепаратистское движение Чечни консолидировалось в начале 90-х г.г. на основе сугубо националистического фактора и финансово-криминальных интересов местной элиты. Чеченский национализм явился движущей силой в боевых действиях периода 1994 – 96 г.г. По итогам первой войны, неудачным для федерального центра, было подписано Хасавюртовское соглашение, которое фактически вывело Чечню из-под какого-либо контроля Москвы и закрепило ее статус как неконтролируемой территории – очередной «серой зоны» на карте мира. Этот факт не мог пройти мимо внимания транснациональных структур радикального ислама, в первую очередь организации бен Ладена.

Война 1994 – 96 г.г. имело разрушительный эффект для Чечни, подрыв традиционные устои чеченского общества. Большие человеческие потери, подрыв экономической и социальной инфраструктуры, утрата жизненной перспективы и боевой посттравматический стресс у значительной части населения явились максимально благоприятной питательной средой для идейных концепций религиозного экстремизма, носителями которых выступили эмиссары исламских военизированных религиозно-политических организаций.

С осени 1996 г. на территорию Чечни хлынули денежные потоки объемом в сотни миллионов долларов. Доставляемые и распределяемые через сеть размножившихся, как грибы, различных исламских организаций, действовавших под прикрытием религиозной или культурно-просветительской функций, финансовые влияния, вкупе с не содержащими сложных истин проповедями импортных имамов, возымели самые негативные последствия. Уже к началу 1998 г. Чечня раскололась на адептов радикального «ваххабистского» течения ислама и выглядевших более умеренными по сравнению с ними сторонников Масхадова.

Силовой составляющей ваххабитов стали формирования полевого командира Шамиля Басаева, а также доселе никому неизвестные структуры – Исламский полк особого назначения Арби Бараева, Урус-Мартановский джамаат братьев Ахмадовых, Джамаат Абдул-Малика, и ряд других. Их основной контингент проходил боевую подготовку в многочисленных учебных центрах, покрывших всю

территорию Чечни от Ведено и Сержень-Юрта до Грозного и Урус-Мартана. На учебных объектах «Кавказ», «Джаафар», «Якуб», «Мутафадджират», и многих других курсанты из Чечни, Дагестана, других республик Северного Кавказа, Поволжья, Грузии, государств Центральной Азии, Сицзян-Уйгурского автономного района КНР, обучались тактике диверсионных действий, ведению разведки, минно-взрывном делу, приемам информационной войны. Куратором боевой подготовки являлся гражданин Иордании Самир бен Салех ас-Сувейлем, он же Ахмед Хаттаб, ветеран Афганистана, гражданской войны в Таджикистане, и первой чеченской войны. Идеологами ваххабитского движения выступили вице-президент Чечни-Ичкерии Зелимхан Яндарбиев и министр информации Мовлади Удугов и дагестанские лидеры Конгресса народов Ичкерии и Дагестана, имевшие тесные контакты с радикальными исламскими центрами арабских государств Залива, в свою очередь имевших неформальные связи с «Аль-Каидой» и Усамой бен Ладеном. Начиная с 1997 г., боевые формирования, подготовленные в Чечне, стали основным фактором дестабилизации в Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Дагестане. Динамика ситуации в последнем была наиболее неблагоприятна для федерального центра, постепенно уступающего контроль над республикой исламским радикалам.

Конечной целью исламского проекта второй половины 90-х г.г. для Северного Кавказа, с позиций сегодняшнего дня, может рассматриваться попытка выведения региона из под контроля Москвы; блокирование маршрутов транспортировки каспийской нефти (в интересах заинтересованных арабских государств-спонсоров); создание плацдарма для дальнейшей экспансии в направлении мусульманских регионов Поволжья, Урала, Казахстана (одновременно со встречным выдвижением по Центрально-азиатскому направлению с афганского плацдарма). Для решения этой сверхзадачи на Северном Кавказе началась реализация разработанная руководителями «Аль-Каиды» затратной многоходовой типовой схемы, включавшей этапы предварительного изучения, легализации, внедрения, развертывания, и активизации. Изучение. Информационно-аналитическое исследование зарубежными донорскими центрами общественно-политических, военных, социально-экономических, идейно-религиозных аспектов ситуации в интересующем регионе. Легализация. Заявка на деятельность в гуманитарно-просветительской сфере и оказание гуманитарной и другой помощи местному населению; регистрация в местных юридических органах. Внедрение. Создание исламских центров, общин, мечетей, школ (медресе), гуманитарных структур, контролируемых СМИ; отбор сторонников / сочувствующих / информаторов / агентов влияния (на основе комбинации идейных и материальных факторов). Развертывание. Массированная миссионерская деятельность по распространению идейно-политического влияния и расширению социальной базы поддержки среди населения (посредством проповедей, преподавательской деятельности, электронных и печатных СМИ, видеокассет, листовок); внедрение сторонников в органы местной власти и другие официальные структуры; вербовка и подготовка боевиков в спортивных

секциях при мечетях и общинах или в летних лагерях. Активизация. Создание общественно-политических структур и декларация собственных политических программ и требований; создание ВФ; активное включение в общественно-политические процессы в регионе, в том числе за счет использования силовой составляющей.

Следует признать, что в условиях пост-Хасавюртовского периода, общей нестабильной политической ситуации и финансово-экономического кризиса в России конца 90-х годов, этот амбициозный проект имел значительные шансы на успех. Его составителям и заказчикам не хватило всего нескольких месяцев, трезвого стратегического мышления в условиях быстро меняющейся ситуации и стечения ряда обстоятельств. В результате намеченный на осень 1999 г. исламский переворот в Дагестане, создание Чечено-Дагестанского эмирата и прорыв к Каспийскому морю не состоялись.

Африка - 98

Развертывание джихада в периферийных регионах исламского мира не могло заслонить задачу нанесения максимального ущерба основному противнику. В ноябре 1995 г. и июне 1996 г. арабийскими ячейками «Аль-Каиды» были осуществлены два крупных террористических акта, имевшими своей целью поставить под угрозу военное присутствие США на земле «Двух святынь ислама». В первом случае был взорван учебный центр национальной гвардии – оплота саудовской монархии; среди семи погибших были американские инструкторы. Вторая диверсия, похоронившая 18 американских военнослужащих под развалинами общежития в Дахране, вынудила США перевести эту стратегическую базу, контролировавшую воздушное пространство над Ираком и Заливом, в отдаленный пустынный регион Саудовской Аравии.

Зимой 1998 г., в разгар очередного американо-иракского кризиса, Усама бен Ладен фактически впервые обнародовал свои намерения в фетве (религиозном воззвании), в котором призвал мусульман всего мира нанести удары по интересам США, и объявил о создании Международного исламского фронта против иудеев и крестоносцев. В течение нескольких месяцев американцы напряженно ждали удар, - и все равно пропустили его.

7 августа 1998 г. практически одновременные взрывы заминированных автомашин в Дар-эс-Саламе и Найроби (столицах Танзании и Кении соответственно) унесли жизни 242 человек; еще около 5.000 были ранены. Объектами терактов стали

дипломатические представительства США. Последующее расследование вновь, как и в 1993 г. в эпизоде с Всемирным торговым центром, вскрыло наличие обширного, четко спланированного заговора с участием нескольких организационных структур, координируемых и финансируемых «Аль-Каидой». Однако, полученная информация, полученная от второстепенных исполнителей, представляла собой только внешний срез; глубинные основы организации, ее структура, кадровый состав и боевые и финансовые возможности были по-прежнему покрыты мраком.

Реакция США на африканские теракты была столь предсказуема, столь и малопродуктивна. 20 августа боевые корабли 5-го американского флота выпустили десятки крылатых ракет Tomahawk, стоимостью 1,4 млн. долларов каждая, по небольшой фармацевтической фабрике в суданской столице Хартум (считался объектом по производству боевых отравляющих веществ) и несколькими строениями в районе афганского города Хост, рассматриваемых в качестве учебного центра «Аль-Каиды». Чрезмерное применение силы, не без основания принятое в европейских и ближневосточных столицах как попытка администрации Клинтона нейтрализовать негативный внутривнутриполитический эффект «дела Моника Левински», в арабо-исламском мире однозначно подняло авторитет Усамы ибн Ладена до максимального предела.

Следует признать, что в условиях пост-Хасавюртовского периода, общей нестабильной политической ситуации и финансово-экономического кризиса в России конца 90-х годов, этот амбициозный проект имел значительные шансы на успех. Его составителям и заказчикам не хватило всего нескольких месяцев, трезвого стратегического мышления в условиях быстро меняющейся ситуации и стечения ряда обстоятельств. В результате намеченный на осень 1999 г. исламский переворот в Дагестане, создание Чечено-Дагестанского эмирата и прорыв к Каспийскому морю не состоялись.

Кризис 1998 г.

Теракты в африканских столицах летом 1998 г., затребовавшие затратных в финансовом и организационном отношении усилий, судя по всему, обострили концептуальные разногласия в руководстве «Аль-Каиды» относительно дальнейшей стратегии действий. Наиболее радикальное, так называемое «египетское» крыло организации, представленное лидером «Исламского Джихада» Айманом аз-Завахири, настаивало на продолжении нанесения чувствительных ударов по США в различных регионах мира за счет организации эффективных терактов. Лидеры региональных и локальных группировок –

кашмирских, уйгурских, узбекских, и других, требовали дополнительных финансовых вливаний для развертывания джихада на местах. Большинство же, как предполагается, выступало против распыления усилий, настаивая на реализации наиболее перспективного «северо-кавказского проекта».

Стартовым рубежом для рассеивания усилий «Аль-Каиды» стали Косовский кризис 1998 г. и развертывание боевых действий НАТО против Югославии в марте 1999 г. Неожиданное (для «Аль-Каиды») обострение косовской проблемы сформировало у ее руководства иллюзию возможности реанимации «балканского проекта», привело к временной консервации планов по вторжению чеченских боевиков в Дагестан, способствовало отвлечению ресурсов организации от запланированной точки приложения усилий, и в конечном счете, привело в действие «принцип домино», вызвавший спонтанные, не скоординированные выступления исламских военизированных религиозно-политических организаций в различных регионах мира. Второе явление «Аль-Каиды» на Балканах закончилось ничем по тем же самым причинам, что и более ранний эксперимент в Боснии. Тактический союз с Армией освобождения Косово, завершившийся с выходом последнего сербского подразделения из Приштины, и массированное западное военное присутствие в крае, не оставили для «Аль-Каиды» ни малейшего шанса на успех. Суть допущенной стратегической ошибки стала ясна ее руководителям в течение считанных месяцев, еще до завершения самих боевых действий. Но было поздно; момент упущен.

Действия «Аль-Каиды» в период косовского кризиса октября 1998 – июня 1999 г. продемонстрировали слабый уровень стратегического мышления ее руководства. За счет вовлечения в периферийный кризис и вытекающей из этого диффузии наличных ресурсов был нарушен сформулированный еще Карлом фон Клаузевицем основной принцип стратегии – концентрация («в необходимое время в необходимом месте с необходимыми силами»).

Кашмир - 99

Фактическая неудача проекта «Аль-Каиды» по развертыванию своей организационной структуры и последующего формирования плацдарма и зон влияния на Балканах, спровоцировала весьма неожиданные и быстрые логические последствия на другом конце Земли.

Повстанческое движение в индийской части Кашмира, разделенного в результате войны 1947 – 49 г.г. между Индией и Пакистаном, почти четыре десятилетия

носило в целом ограниченный характер. Однако, глобальные подвижки периода конца 80-х г.г., одним из существенных последствий которых явилось формирование транснациональной структуры радикальных военизированных религиозно-политических организаций, коренным образом изменили ситуацию. Националистический, но светский Фронт освобождения Джамму и Кашмира, претендовавший на выражение интересов кашмирского населения, был фактически вытеснен к началу 90-х конгломератом исламских фундаменталистских вооруженных группировок, быстро возникших как будто бы ниоткуда – Harkat-ul-Mujahedeen (Движение моджахедов), Hizb ul-Mujahedeen (Партия моджахедов), Lashkar-e-Tauba (Воинство чистых), Jaish ul-Muhammad (Армия Мухаммеда), и ряда других. Их основной состав включал ветеранов, вернувшихся после завершения первой войны в Афганистане, а также выпускников многочисленных пакистанских религиозных школ-медресе; организационно-техническое и финансовое обеспечение осуществлялось структурами, входящими в систему «Аль-Каиды». Партизанская война и кампания терактов, развернутая этими группировками в индийском секторе Кашмира, унесла в 90-е годы жизни более 30 тысяч человек, преимущественно гражданских лиц.

Развитие военно-политического кризиса на Балканах и боевых действий НАТО против Югославии весной 1999 г. стимулировали руководство «Аль-Каиды» нанести удар по глобальным политическим интересам и планам США за счет провоцирования внезапного обострения кашмирской проблемы. Этот проект был с энтузиазмом воспринят лидерами кашмирского блока группировок, вынашивавшими амбициозные планы по развертыванию масштабного повстанческого движения – джихада, в индийской части Кашмира. Фактически, данный проект отвечал также интересам части пакистанского генералитета, намеренного усилить давление на Индию в условиях новой стратегической ситуации, обусловленной появлением ядерного оружия у обеих сторон индо-пакистанского конфликта.

В марте – апреле 1999 г., без какого-либо уведомления политического руководства своей страны, начальник Генерального штаба вооруженных сил Пакистана генерал-лейтенант Мухаммед Азиз, другие члены высшего военного командования, а также представители пакистанской Межведомственной разведки ISI, совместно с идейно-политическими лидерами и полевыми командирами кашмирских военизированных группировок, в форсированном порядке отработали все вопросы, связанные с предстоящей военной операцией в индийском секторе Кашмира. При этом, финансовая сторона вопроса обеспечивалась ресурсами «Аль-Каиды». Запланированная операция получила наименование «Бадр», имевшее отчетливую ссылку на исламскую историческую традицию - по названию аравийской горы, вблизи которой пророк Мухаммед в VII веке разгромил войско многобожников.

С конца апреля началась скрытая инфильтрация боевиков организаций Harkat-ul-Mujahedeen, Hizb ul-Mujahedeen, Lashkar-e-Tayyba, усиленных откомандированными кадровыми военнослужащими легкой пехоты из состава пакистанской регулярной армии, через линию прекращения огня в Кашмире, именуемую в документах ООН «линией контроля». Проникновение происходило по заранее разведанным маршрутам через горные перевалы в секторе Каргил на фронте протяженностью 120 – 140 км. Всего в индийскую зону контроля перешло, по различным оценкам, до полутора тысяч моджахедов. Параллельно с этим в зоне операции осуществлялось накопление вооружения, боеприпасов; сооружались укрепления, минировались пути вероятного выдвижения противника. В результате тщательно спланированных и скрытых действий формирования боевиков сумели обеспечить себе оперативно-тактические преимущества еще до начала боевых действий, и добиться стратегической внезапности, фактически застав противника врасплох.

Все действия индийской стороны в предварительный период конфликта были охарактеризованы позднее назначенной правительственной комиссией по расследованию как «коллективная некомпетентность на всех уровнях». Обозначился фактический провал военного командования и разведывательного сообщества Индии, не сумевших до конца вскрыть масштабные приготовления и замысел противостоящей стороны, и игнорировавших поступавшую очевидную информацию – доклады командиров передовых подразделений об активном перемещении боевых групп вдоль линии прекращения огня, сообщения местных жителей о появлении большого количества незнакомых людей, сведения о закупке пакистанской стороной через европейских посредников 50.000 пар зимних горных ботинок и десятков тысяч комплектов утепленной униформы, и многое другое. Индийское командование не имело представления о проникновении и присутствии сотен вооруженных боевиков на контролируемой территории до 8 мая, когда одно из его подразделений неожиданно попало в засаду. Только после этого, в течение нескольких суток оно уяснило себе всю остроту сложившейся ситуации, и начало предпринимать меры пресечения.

Ожесточенные бои развернулись на высоте 4.500 – 5.000 метров над уровнем моря. Индийские войска, в основном спешно переброшенные подразделения из других секторов, и не успевшие пройти акклиматизацию, были вынуждены, преодолевая глубокий снежный покров, продвигаться вверх по крутым, иногда почти отвесным, склонам под плотным огнем крупнокалиберных пулеметов, гранатометов, минометов противника, оседлавшего все командные высоты. Потери от огня, горной болезни и низких температур были огромными; некоторые батальоны 8-й горнопехотной и 3-й пехотной дивизий были выбиты почти целиком. Поддержка авиации потеряла свое значение через 24 часа, когда огнем

переносных зенитно-ракетных комплексов были сбиты 2 боевых самолета и 1 вертолет, и командование было вынуждено отдать приказ о переходе к нанесению ракетно-бомбовых ударов со среднего эшелона высоты, что тотчас же отразилось на их точности. Восемнадцать артиллерийских полков – свыше 100 стволов, в т.ч. 155-мм шведские гаубицы Vofors и 130-мм советские дальнобойные пушки М46, - вели столь интенсивный огонь, что к исходу первой недели контрнаступления потребовалась замена стволов и создалась угроза нехватки боеприпасов. Тем не менее, боевики, укрепившиеся в сангарах – блиндажах из камня и иного подручного материала, ожесточенно бились за каждую высоту, неся при этом весьма ограниченные потери от огневого воздействия индийской стороны. С другой стороны линии контроля их поддерживала артиллерия армии Пакистана.

К концу мая эскалация боевых действий, спровоцированных вторжением боевиков, достигла своего пика, напрямую выведя двусторонние отношения между Индией и Пакистаном на предвоенный уровень. Индо-пакистанский кризис принял международное измерение. А в начале июня в ситуацию был привнесён ядерный аспект. Американские средства космической разведки зафиксировали признаки подготовительных мероприятий по приведению ядерных сил сторон в режим повышенной боевой готовности. В считанные часы название небольшого поселка Каргил, затерянного в отрогах Гималаев, вокруг которого и велись основные бои, зазвучало в ведущих мировых столицах. В этой драматической ситуации Вашингтон был вынужден в форс-мажорном порядке, несмотря на развертывание решающей стадии войны против Югославии, отвлечь самые существенные и затратные политические, финансовые и военные ресурсы от балканской проблемы с целью оперативного разрешения кризиса и блокирования угрозы ядерной войны на Индостане. Под американским прессингом пакистанские генералы отдали приказ на свертывание операции, лишив огневой поддержки и тылового обеспечения формирования кашмирских боевиков, которые к началу июля отошли за линию контроля из индийского сектора на территорию Пакистана. Тем не менее, запланированную комбинацию руководства «Аль-Каиды» по дестабилизации американских интересов и демонстрации намерений и решимости транснациональных структур радикального направления ислама, можно было считать решенной.

Одиннадцать недель жестокого противостояния на самом высокогорном поле боя в истории человечества дорого обошлись Индии, армия которой потеряла, только по официальным данным, 487 военнослужащих убитыми и свыше 1.100 ранеными, а финансовая система – сотни миллионов долларов. «Каргильский инцидент» (именно такое наименование получил в мировых средствах массовой информации индо-пакистанский кризис 1999 г.) со всей очевидностью продемонстрировал на первый взгляд парадоксальный, но от этого не менее реальный факт: легковооруженные иррегулярные формирования партизанского типа численностью в несколько сотен идейно мотивированных боевиков

оказались способными продолжительное время оказывать жесткое сопротивление превосходящему по всем параметрам противнику (нескольким десяткам тысяч военнослужащих третьей по численности армии мира, имеющей современное вооружение и военную технику), нанести политический и финансово-экономический ущерб крупному государству, а также спровоцировать кризис регионального, а затем и международного масштаба.

Однако, последовавшие вскоре вслед за Каргилом события, несмотря на различие в предпосылках, контексте и деталях, вновь фактически повторили этот парадокс – сначала в Дагестане в августе 1999 г., тогда же Кыргызстане и Узбекистане, и снова в Центральной Азии, но уже в августе 2000 г., и в Македонии весной – летом 2001 г.

Дагестан - 99

Наращение концептуальных разногласий по профилю дальнейшей стратегии стимулировали рост амбиций лидеров чечено-дагестанского блока радикальных военизированных организаций, интегрированных в структуру Конгресса народов Ичкерии и Дагестана (КНИД). С первой половины 1999 г. фиксируется растущая агрессивность их заявлений и действий, направленных на дестабилизацию общественно-политической ситуации в Дагестане. С конца весны чеченские вооруженные формирования предприняли серию операций на всем протяжении административной границы между Чечней и Дагестаном – от Каргалинской плотины на севере до Цумадинского района на юге, которые по своей сути являлись разведкой боем и попыткой отвлечь внимание от запланированного направления главного удара. Одновременно с этим, на территории собственно Дагестана активизировалась подрывная деятельность ваххабитских элементов, опиравшихся на неконтролируемую республиканскими властями зону в Кадарском регионе республики, еще в 1998 г. выведенную радикальными исламскими лидерами в самостоятельное подчинение, и провозглашенную в качестве Отдельной исламской территории дагестанских Джамаатов. К началу августа Дагестан находился на точке кипения: напряженная политическая обстановка, практически ежедневные теракты против военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов; партизанская война в юго-западном горном регионе.

В ночь с 7 на 8 августа 1999 г. боевые формирования КНИД общей численностью до 2.000 боевиков под командованием Шамиля Басаева начали операцию «Имам Гази-Магомет», выйдя через Снежный перевал с территории Чечни в Дагестан и оседлав господствующие высоты с несколькими населенными пунктами в

Ботлихском районе республики. При этом, не менее 20% вторгшихся боевиков составляли добровольцы исламских государств и регионов, командированные в Чечню на средства «Аль-Каиды». Последующие две недели в этих горах, у высот «Ослиное Ухо» и Тандо, развернулись ожесточенные бои. Ценой значительных усилий и потерь в личном составе и технике, федеральному командованию удалось блокировать прорыв, а затем, за счет массированного применения авиации, артиллерии и реактивных систем залпового огня, выбить противника с территории Дагестана. В ночь с 21 на 22 августа чеченские отряды отошли на исходные позиции.

В самой республике общественно-политическая ситуация претерпела резкий перелом, вызванный психологическим шоком населения Дагестана от неожиданного вторжения чеченцев. Развернувшееся добровольческое движение, в сочетании с активными мерами противодействия со стороны федерального центра, поставили крест на планах экспансии к побережью Каспия. В период с 29 августа по 12 сентября после ожесточенных боев был ликвидирован Кадарский укрепленный район в центральной части Дагестана, который еще за месяц до этого рассматривался исламскими радикалами в качестве плацдарма для последнего броска на Махачкалу. Ваххабитские формирования полевого командира Джаруллы Гаджимагомадова дрались до последнего человека за каждый дом, но, в конечном счете, были сломлены подавляющей огневой мощью федеральной армии и внутренних войск. Отвлекающий удар чеченских формирований 5 – 9 сентября с территории Чечни на Новолакско-Хасавюртовском направлении (операция «Путь Имама») вскоре также был блокирован и ликвидирован.

Развитие событий на российском Северном Кавказе имело прямую связь с одновременным обострением ситуации в Центральной Азии. В середине августа боевики Исламского движения Узбекистана, прошедшие подготовку в афганских учебных центрах, и руководимые бывшим сержантом воздушно-десантных войск Джумабаем Ходжиевым (он же Джума ан-Намангани), служившем в Советской Армии том же Афгане чуть более десяти лет ранее, проникли с сопредельной территории Таджикистана в Баткенский район Кыргызстана. В ходе нескольких оперативных эпизодов ими были взяты в заложники командующий внутренними войсками Кыргызстана, а также 4 японских геолога. Кыргызстан по сути являлся транзитной территорией; реальной же целью боевиков был прорыв в Ферганскую долину и провоцирование восстания обнищавшего населения этого депрессивного региона Узбекистана. Тем не менее, действия отряда Намангани, блокированного и отброшенного узбекскими войсками, не вышли за рамки обычного диверсионного рейда, и уж тем более не могли повлиять на динамику военно-политической ситуации на Северном Кавказе.

Чечено-дагестанский кризис принял качественно иное измерение после серии крупномасштабных терактов в ряде регионов России. В период с 4 по 15 сентября в результате 4 взрывов жилых домов в Москве, Волгодонске и Каспийске погибли свыше 300 человек, сотни получили ранения. В сложившихся условиях руководство России начало военную операцию по ликвидации сепаратистского образования на территории Чечни. В результате кампании 1999 – 2002 г.г. чеченская проблема до своего логического завершения доведена не была, в том числе во многом в силу сохранившегося канала влияния и поддержки со стороны транснациональных религиозно-политических структур. Однако, статус территории Чечни как «серой зоны», обеспечивающей проекцию силового экспорта радикальных идеологий на сопредельные регионы, на сегодняшний день можно считать исчерпанной темой.

Афганистан

С конца 1999 г. в деятельности «Аль-Каиды» отслеживается оперативная пауза. Говорить о полном сворачивании активности не приходится – угон индийского авиалайнера в Кандагар в декабре 1999 г., теракт против американского эсминца Cole осенью 2000 г., организация транзита боевиков и денег в воюющую Чечню, десятки локальных терактов и инцидентов не дают таких оснований. Однако, руководство «Аль-Каиды», критически осмыслив негативный опыт распыления усилий в предыдущие годы, замыкает свои основные усилия на территории Афганистана.

Летом 1994 г. на военно-политическом ландшафте Афганистана, вот уже 15 лет находившегося в состоянии перманентной войны, появилась новая, доселе неведомая сила – Исламское движение Талибан (ИДТ), или движение талибов (от арабского слова taleb - студент). Его основу составляли молодые выпускники, получившие образование в религиозных школах – медресе на сопредельной территории Пакистана. Заучивание сур Корана назвать образованием в общепринятом понятии было бы сложно; однако студенты получали отменную военную подготовку по той самой системе, которая затем будет внедряться повсеместно по всей кризисной дуге от Боснии до Филиппин. Осенью 1994 г. талибы, в этническом плане представленные в основном пуштунскими племенами, взяли город Кандагар – главный центр Южного Афганистана, создав тем самым первый контролируемый плацдарм на афганской территории. Затем, воспользовавшись хаосом, анархией и расколом противника, они захватили Кабул в сентябре 1996 г., Герат – в августе 1998 г., и к началу 2000 г. контролировали не менее 80% территории страны, выступив с претензиями на роль законного правительства Афганистана.

Генезис Талибана, который был охарактеризован французским исследователем Жилем Кипелем «такой же катастрофой для исламского движения, какой для коммунистического движения были Пол Пот или Энвекр Ходжа», на самом деле был бы невозможен без организационно-технической поддержки Пакистана, финансового спонсирования Саудовской Аравии, и молчаливого согласия со стороны США, преследовавших свои геополитические интересы, и инвестировавших в Талибан как в инструмент их реализации. Результатом установления режима талибов и их экспансии явилось пролонгирование и ужесточение внутриафганского конфликта, а также растущая поддержка альтернативного таджикско-узбекского Северного альянса со стороны других геополитических центров влияния – России, Индии, Ирана.

Утверждение режима ИДТ на большей части территории Афганистана не могло не повлиять на долгосрочные планы Усамы бен Ладена и других членов руководства «Аль-Каиды», чья боевая молодость прошла в джихаде против Советов в афганских горах. Совпадение идейно-религиозных концепций и установок привело к логически понятной конвергенции организационных структур бен Ладена и лидера талибов муллы Омара Мухаммеда. Уже в 1996 г., вскоре после взятия Кабула, Усама покинул становящуюся все менее безопасной территорию Судана, и вернулся в Афганистан.

Именно в этот период на части территории Афганистана, контролируемой ИДТ, начала создаваться обширная инфраструктура обеспечения процесса военной подготовки боевиков для военизированных религиозно-политических группировок, действующих в кризисных зонах по всему пространству исламского мира. К середине 2001 г. эта финансируемая и поддерживаемая «Аль-Каидой» инфраструктура включала не менее 50 различных объектов, в т.ч. крупнейшие учебные центры Ришхор, Мазари-Шариф, Бадр-1 /-2, Кандагар, Баграм, подземные фортификационные комплексы Тора-Бора и Завар-Кили. По различным данным, в упомянутых лагерях и центрах со второй половины 90-х г.г. до осени 2001 г. прошли военную подготовку от 15.000 до 25.000 боевиков, позднее принимавших участие в боевых действиях на Балканах, Кавказе, в Кашмире, Филиппинах, Бирме, и многих других точках.

Фактически, к 2001 г. Афганистан трансформировался в гарантированный плацдарм, обеспечивающий проекцию военно-политических усилий «Аль-Каиды» на Пакистан, Иран, Центральную Азию, Индию, КНР, и Россию, в том числе Кавказ, а также другие перспективные геополитические направления.

Империя «Аль-Каиды»

К рубежу нового тысячелетия, всего менее чем за десять лет с момента своего создания, организация «Аль-Каида» подошла в качественно другом виде.

В организационном плане (насколько это может быть ясным из до сих пор не самых полных и достоверных сведений) она представляла собой сложную, многоярусную, децентрализованную корпоративную структуру с формальной вертикальной составляющей и неформальной (реальной) горизонтальной компонентой. Последний аспект исключительно важен с точки зрения понимания механизма системного функционирования «Аль-Каиды» и причин ее устойчивости и выживаемости в условиях массированного и разнопланового противодействия, оказываемого США и другими государствами до, и особенно после сентября 2001 года.

Усама бен Ладен, скорее всего, может рассматриваться в качестве формального лидера организации и ее идейного символа. Реальные вопросы стратегии решались в рамках четырех структурных комитетов Высшего совета (Majlis ash-Shura) – по военным вопросам; религии и праву; финансам; информации и пропаганде. Тем самым реализовывался принцип коллективного руководства. В состав Высшего совета входили руководители 24 ведущих военизированных религиозно-политических группировок, ассоциированных с «Аль-Каидой», и представляющие все основные регионы распространения ислама – Ближний Восток, Залив, Северную и Северо-Восточную Африку, Южную, Центральную и Юго-Восточную Азию. В качестве структур политического представительства и прикрытия задействовались «Международный исламский фронт против иудеев и крестоносцев», «Всемирный фонд джихада» и десятки других легально и полулегально действовавших организаций во многих странах мира, которые в свою очередь опирались на мусульманские общины при мечетях и контролируемые электронные, печатные и сетевые средства массовой информации.

Боевой компонент «Аль-Каиды» на территории Афганистана включал формирования Бригады-055, насчитывающей до 3.000 боевиков с тяжелым вооружением и техникой, погибшей позднее, в ноябре 2001 г. в Кундузском котле под ударами войск Северного альянса и американской авиации. Бригада могла быть усилена инструкторско-преподавательским и курсантским составом учебных центров, готовивших боевиков для зарубежных военизированных религиозно-политических организаций.

Оперативно-боевые звенья за пределами территории Афганистана до сих пор, по прошествии более чем года после начала борьбы с группировкой во всемирном масштабе, являются наиболее закрытым, и тем самым вызывающим максимальную озабоченность спецслужб компонентом «Аль-Каиды». Организованные по классической конспиративной схеме, автономные ячейки, многие из которых действуют в режиме долгосрочной консервации, способные самостоятельно спланировать и осуществить масштабный теракт, сохраняются, по различным сведениям в 75 или 88 странах мира, остаются наиболее опасным оружием людей бен Ладена.

Финансовые возможности империи «Аль-Каиды», вопреки распространенному заблуждению, основаны не столько на семейных ресурсах клана бен Ладенов, сколько на существенных скрытых пожертвованиях (zakyat), поступавших от неформальных объединений и отдельных состоятельных лиц, разделяющих идеи исламского интегризма. Только в Саудовской Аравии проживает более 80.000 человек, размер состояний которых превысил миллионную отметку в долларовом эквиваленте. Многие из них считали (и до сих пор считают) своим религиозным долгом отчислять значительные суммы на финансирование джихада. Эти средства аккумулировались на счетах различных благотворительных фондов и гуманитарных организаций, многие из которых, таких как Benevolence International Fund, раскрытый агентами ФБР в апреле 2002 г., действовали непосредственно на территории противника (то есть в США и государствах Европы), и впоследствии распределялись на оперативные нужды по нисходящей схеме. Лица, связанные с руководством «Аль-Каиды», контролировали различные предприятия, компании, коммерческо-предпринимательские структуры и банки в десятках стран на пяти континентах Земли. Осторожные экспертные оценки совокупной финансовой мощи организации останавливаются на отметке «несколько миллиардов долларов».

Империя наносит удар

Качественный рост многопрофильных возможностей «Аль-Каиды» стимулировал и логически подводил ее руководство к нанесению внезапного, масштабного, шокирующего, парализующего удара по основному противнику – Соединенным Штатам. Убеденность в реальности и эффективности такого удара была основана на восприятии Америки как слабого общества, пораженного внутренними пороками, ограниченного в своих действиях законами, правовыми сдержками, демократическими ценностями, и неспособного к адекватному ответу на брошенный вызов. По своей сути, конечной целью планируемой операции должно было стать лишение американцев иллюзии неуязвимости США – классический перенос боевых действий на территорию противника.

По прошествии более чем года после известных событий следует признать, что «Аль-Каида» до конца выложила в свой удар. Была тщательно разработана многоходовая операция, кульминационной точкой которой явилось бы применение оружия, сопоставимого по своему эффекту с оружием массового поражения малой мощности, против органов государственного управления США (Белый дом, Пентагон) в Вашингтоне и объекта деловой активности (Всемирный торговый центр) в Нью-Йорке. В качестве оружия, и одновременного средства его доставки, были избраны пассажирские самолеты, которые предстояло захватить группам специально подготовленных боевиков - смертников. Как показали развернувшиеся события, это оружие оказалось абсолютным средством мега-террора.

Многие месяцы, если не годы, ушли на детальное ситуационное изучение, моделирование и планирование операции (в том числе с использованием современных компьютерных технологий и дизайна), отработку вариантов, заброску и усиление исполнителей, формирование обеспечивающих агентурных сетей. Решение этих задач было существенно облегчено поведением противника и наличием практически бездонных брешей в системе национальной безопасности. Сверхдержава, заявившая претензии на мировую гегемонию и рассматривавшая в качестве единственно реальной угрозы ракетный удар из космоса, элементарным образом не смогла отрегулировать проблему отсутствия координации и межведомственного соперничества между ФБР, ЦРУ, АНБ и другими бюрократическими структурами, отвечающими за безопасность нации. Состоялось то, что член комиссии палаты представителей американского Конгресса по разведке Сэм Чэмблис охарактеризовал точной формулировкой: «крупномасштабный крах разведывательных органов США».

Утром 11 сентября 2001 г. в 07.58 по Восточному стандартному времени самолет авиакомпании United Airlines, рейс 175 вылетел из Бостона в Лос-Анджелес с 56 пассажирами и 9 членами экипажа на борту. В 07.59 лайнер авиакомпании American Airlines, рейс 11, вылетел из Бостона в тот же пункт назначения с 81 пассажиром и 11 членами экипажа. В 08.01 оторвался от полосы рейс United Airlines, номер 93, маршрут Нью-Джерси – Сан-Франциско, 38 пассажиров, 6 членов экипажа. В 08.10 взлетел рейс American Airlines, номер 77, маршрут Вашингтон – Лос-Анджелес. Вскоре после взлета все четыре борта были захвачены в воздухе членами оперативно-боевой группы «Аль-Каиды» под руководством египтянина Мухаммеда Атты. В 08.45 один из самолетов врезался в северную башню Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Через 21 минуту второй «Боинг» таранил южную башню. В 09.40 третий самолет ударил в западное крыло Министерства обороны США в Вашингтоне. Четвертый самолет не долетел до цели – резиденции президента, рухнув по так до конца неясным

причинам в Пенсильвании. Но еще до этого президент США Джордж Буш услышал сказанные ему на ухо помощником роковые слова: «Мистер президент, Америка атакована!».

У каждой войны есть признанная дата ее начала. Первая мировая началась 1 августа 1914 г., Вторая мировая – 1 сентября 1939 г., Третья мировая («холодная») война – 5 марта 1946 г. (с речи Черчилля в Фултоне). Датой начала Четвертой мировой войны, без сомнения, можно считать 11 сентября 2001 года, когда самолеты, управляемые смертниками, поразили символы экономической и военной мощи США, убив свыше 3.000 человек. Именно в этот день человечество перешло очередной Рубикон своей непростой судьбы.

Блок 5. Первый эшелон современного терроризма

Введение

Итак, в заключительной части третьей серии мы уже определили фигурантов Четвертой мировой войны, и дали их схематичную классификацию, а в четвертой серии рассказали о предыстории и начале этой самой войны. Сейчас же мы более подробно рассмотрим различные аспекты, связанные с активностью первого, наиболее опасного, эшелона международного терроризма – собственно террористических группировок и негосударственных вооруженных формирований. Наш интерес в первую очередь будет привлечен к оперативным и техническим аспектам террористической деятельности, которые стремительно видоизменяются на наших глазах, адаптируясь под динамику международной ситуации, глобальный военно-политический контекст, и научно-технический прогресс.

Асимметричная война

Терракты 11 сентября на территории США («Пирл-Харбор XXI века»), о которых мы уже рассказали, по своим оперативным, техническим и идейным аспектам стали практической, эффективной и эффектной реализацией классической концепции асимметричных боевых действий, отражающей неравноценные военные, экономические, финансовые и технические возможности вступивших в конфликт постиндустриальных и традиционных обществ.

Развернутую характеристику такой войны дал полковник Тимоти Спайсер, бывший офицер британских сил специальных операций SAS, ветеран Фолклендского конфликта и операций на Балканах, действующий директор частной военной организации Sandline International: «... концепция асимметричной войны – коктейль терроризма, организованной преступности, обычного регионального конфликта, проблем с природными ресурсами, массовой миграцией, контрабандой людей, заболеваниями...». Пол Уилкинсон, директор Центра изучения проблем терроризма и политического насилия при Университете Сент-Эндрюс, выразился еще более кратко и емко: «Реализация силы слабого против слабости сильного».

Чтобы отчетливее понять суть асимметричных боевых действий, вникнем в детали отдельного эпизода Четвертой мировой войны. Раннее утро 12 октября 2000 г. Акватория морского порта Адена (Йемен). Эсминец ВМС США Cole (бортовой номер DDG-67) – современный многоцелевой военный корабль стоимостью более миллиарда долларов, с уникальными возможностями загоризонтного поражения целей ракетным вооружением, сложнейшими системами управления, средствами радиоэлектронной борьбы, гидроакустического слежения, космической связи, обеспечивающими контакт в реальном режиме времени с любой точкой планеты; с высококвалифицированным экипажем, обучение, подготовка и содержание каждого члена которого обходится в астрономическую сумму, - короче, интегрированная боевая единица огромного флота единственной оставшейся сверхдержавы. И, с другой стороны – маломерный рыбацкий катер с подвесным мотором в пару сотен лошадиных сил, заряд в несколько десятков килограммов взрывчатого вещества, которое можно купить на любом базаре, и два малообразованных фанатика, готовых не только убить, но и умереть самим. Результат – 17 убитых и 46 раненных военнослужащих, материальный ущерб в сотни миллионов долларов, не поддающийся оценкам морально-психологический шок среди личного состава и командования, оперативное напряжение по всему периметру американских

зарубежных военных баз, политический удар по дипломатическим усилиям США, и т.д.

Эпизод в Аденской бухте однозначно раскрывает суть асимметричной войны – практическую реализацию сторонами диаметрально противоположной философии ее ведения, экспрессивных действий против инструментальных действий. Асимметричная война – это, в первую очередь, отсутствие боевых действий в их привычном понимании, отсутствие четко выраженной линии фронта и тыла, отсутствие визуализированного противника, растворенного в обстановке, это – «бой с тенью». Асимметрия, техническая и психологическая, ориентированная в уязвимое солнечное сплетение противника, является абсолютным оружием международного терроризма новой волны, терроризма наступившего XXI века, на всех - стратегическом, оперативном и тактическом, - уровнях.

Арсенал современного международного терроризма характеризуется существенным наращиванием возможностей. Дешевизна и доступность средств ведения вооруженной борьбы при увеличении их эффективности делают незаменимыми компонентами этого арсенала легкое стрелковое оружие, противопехотные мины, взрывчатые вещества, а также многие другие конвенциональные средства. Распространение современных технологий пополняют этот арсенал самыми эффективными средствами обеспечения, какие только возможно купить за деньги, например - средствами космической связи. Наконец, внедрение фундаментальных научных знаний в сочетании с диффузией сырьевых компонентов и критических технологий, все более придают международному терроризму зловещее «измерение Апокалипсиса» в виде оружия массового поражения.

С учетом вышесказанного, было бы целесообразно в деталях рассмотреть некоторые, лишь основные, узлы в контексте оперативного и технического компонентов активности международного терроризма.

Захват

Захват заложников и создание демонстративной угрозы их жизни, как абсолютное средство давления на государственные структуры и общественное мнение, в целях выполнения выдвинутых требований и привлечения максимального внимания, отнюдь не является неким новым оперативным параметром, и фиксировался в террористической практике еще со времен «холодной войны».

Единственным отличием современного периода, быть может, является масштабы такого рода терактов, и растущее пренебрежение к жизни заложников. Примером тому – более 5.000 человек, взятых в заложники чеченскими формированиями Басаева, Радужева, Бараева всего лишь в трех эпизодах войны на российском Северном Кавказе (Будденовск, Кизляр, Москва); при этом, уровень погибших составил, по различным оценкам, от 10 до 15% от общего числа захваченных заложников. Такого рода массовые захваты создают практически неразрешимую дилемму перед государственной властью, одновременно столкнувшейся с необходимостью жесткого подавления терроризма и диаметрально противоположной задачей спасения жизни людей. Именно такая политическая и морально-психологическая вилка, ситуация цугцванга, когда каждое дальнейшее действие лишь ухудшает ситуацию, вынуждая рубить гордиев узел, и является конечной целью спонсоров и заказчиков подобного рода терактов, не обязательно при информировании об этом рядовых исполнителей.

Одним из драматических эпизодов последнего времени, связанных с захватом заложников, но разрешившихся вполне благополучно, можно считать эпопею с японским посольством в столице Перу Лиме. Вечером 17 декабря 1996 г. 23 террориста, в том числе 3 женщины, переодетые официантками, вооруженные автоматическим оружием и ручными гранатометами, захватили здание в тот момент, когда там проводился дипломатический прием. Количество взятых заложников превысило 700 человек, среди них было 9 иностранных послов, 2 перуанских министра и 6 сенаторов. К утру выяснилось, что боевики принадлежат к лево-марксистской группировке «Революционное движение Тупак-Амару» (MRTA) их требование заключается в немедленном и безусловном освобождении более чем 400 боевых товарищей, находящихся в перуанских тюрьмах; единственным лицом, с кем будут вестись переговоры, должен стать сам президент Альберто Фухимори.

Последующие 140 суток характеризовались блокадой захваченного здания, затяжными переговорами с правительством, порционным отпуском заложников, взаимным психологическим давлением, многочисленными угрозами и интервью террористов в СМИ, челночными миссиями посредников из Красного Креста. Уже к Рождеству большинство местных и иностранных наблюдателей, анализируя развитие событий, считали, что правительство проигрывает противостояние, и в конечном счете, будет вынуждено капитулировать, выполнив требования боевиков. Но это был неправильный вывод.

Жесткий политик, президент Фухимори, и шеф перуанских спецслужб Владимир Монтесинос, с самого начала не собирались идти на удовлетворение требований террористов, выпустив их поделщиков на свободу и создав им имидж победителей, что однозначно бы вызвало к жизни новый восходящий виток уже

почти подавленной геррильи. Затяжные переговоры, сформировавшие иллюзии растерянности и готовящихся уступок, были, на самом деле, обусловлены соображениями тщательной подготовки силовой операции, в центре которой было спасение жизни заложников. Десятки отобранных военнослужащих сил специальных операций, морской пехоты и полиции Перу под руководством инструкторов американских подразделений антитеррора Delta и SEAL-6, интенсивно отработывали варианты скрытного проникновения в здание посольства на его макете в натуральную величину, который был спешно возведен на территории воинской части. Другая группа военнослужащих методично, в условиях строжайшей секретности, сооружала подземный тоннель, ведущий к захваченному объекту. Сотрудники спецслужб, на основании самых различных источников, собирали и анализировали всю информацию внутри здания: численность, уровень боевой подготовки и морально-психологического состояния террористов, система охранения, состояние заложников, их распределение по помещениям, инженерные характеристики строения, и многое другое.

24 апреля 1997 г., после тщательного анализа ситуации и гарантий успеха со стороны руководства силовых ведомств, президент отдал приказ на штурм. Через 6 минут покрытие двора посольства, на котором террористы, порядком утратившие бдительность за последние недели вялотекущего переговорного процесса, играли в футбол, взлетело на воздух; одновременно заряд направленного действия вышиб ворота, в которые бросились коммандос. В считанные минуты все 14 террористов, на тот момент остававшихся в здании были убиты; погибли 2 бойца штурмового подразделения; из 72 остававшихся на территории посольства заложников, погиб только один (от сердечного приступа); сама же операция вошла в историю антитеррора как одна из самых эффективных и удачных.

Угон

Угон транспортных средств – авиационных, морских, наземных, также не есть нечто новое в террористической практике, и по сути своей не является самоцелью, а лишь предпосылкой к захвату тех же самых заложников, в тех самых целях, о которых уже упоминалось выше.

Эпидемия угонов пассажирских самолетов, охватившая мир в конце 60-х – начале 70-х г.г., изначально инициированная палестинскими радикалами в Ближневосточном регионе, и затем распространившаяся практически на весь мир, весьма скоро была эффективно блокирована международным сообществом. Этому способствовало внедрение мер безопасности в аэропортах и

непосредственно в воздухе, развитие тактических методов и специальных средств освобождения заложников, подписание и практическая реализация Монреальской международной конвенции о запрещении незаконных актов против гражданской авиации, и многие другие мероприятия. Успешные действия израильских и западногерманских спецслужб и сил специальных операций, освободивших заложников и уничтоживших террористов в ходе знаменитых операций в Энтеббе (1976 г.) и Могадишо (1977 г.) являются ярким тому подтверждением.

24 декабря 1994 г. 4 боевика из состава «Вооруженной исламской группы» (GIA), вот уже три года ведущей террористическую войну против правительства Алжира, захватили в алжирском столичном аэропорту аэробус A-300 компании Air France с 240 пассажирами и членами экипажа на борту. Обстоятельства захвата, в частности, путь, каким угонщики пронесли на борт автоматы и ручные гранаты, а также их реальные цели, до сих пор остаются неясными. После того, как алжирские власти блокировали вылет борта, террористы убили и выбросили на взлетную полосу трех человек – граждан Франции, Вьетнама и Алжира. Пришлось выпускать. Пунктом назначения захваченного самолета стал французский Марсель. После приземления террористы освободили 63 пассажиров (женщин и детей) и вступили в переговоры с официальными представителями. Их единственными требованиями были полная дозаправка самолета и последующий вылет в Париж для проведения пресс-конференции. Последнее требование выглядело необычным, и после тщательного анализа было признано уловкой, а реальным планом террористов – взрыв аэробуса над Парижем. Этого, вкуче с отказом угонщиков сдаться, оказалось достаточным, чтобы принять решение на штурм самолета в максимально сжатые сроки. 27 декабря, на четвертые сутки угона, сотрудники специального антитеррористического «эскадрона» GIGN французской жандармерии начали штурм борта. За 18 минут огневого боя все четверо террористов были убиты, из сотрудников спецподразделения, обеспеченных полным комплектом защиты, было ранено 9, что свидетельствует о подготовке боевиков и их решимости сопротивляться до конца. Пострадали также 13 пассажиров и 3 члена экипажа, но никто не погиб, что в такой драматической ситуации вполне выглядит как история со счастливым концом.

Следует признать, что сдерживание терроризма на воздушном фронте, продемонстрировало необычайную приспособляемость (адаптируемость) этого феномена к видоизменившимся оперативным условиям. Ответом на значительно сузившиеся возможности в воздухе стал рост террористической активности на море. Ведь морское судно, в отличие от воздушного, при известном проявлении мастерства и дерзости, может быть взято на абордаж. Экзотика эпохи «Веселого Роджера», казалось бы, навсегда сгинувшая в историю, вновь напомнила о себе, когда палестинские боевики захватили в 1985 г. итальянский круизный лайнер Achille Lauro, а в 1988 г. – греческое пассажирское судно City of Pogos. Оба эпизода, сопровождавшиеся жертвами среди заложников, стали одними из

первых, но далеко не последними терактами на море. Это направление, развивающееся параллельно с родственным феноменом современного морского пиратства (о котором расскажем позднее), рассматривается экспертами как одна из наиболее существенных угроз в системном контексте терроризма как такового.

Захват заложников в автомобилях, особенно многоместных пассажирских автобусах, и иных общественных транспортных средствах, становится настолько распространенной и обыденной практикой как в урбанизированных, так и в слаборазвитых периферийных обществах, что уже практически потерял себя как предмет профессионального интереса со стороны сценаристов Голливуда, падких только до оригинальных и острых сюжетов. Замкнутое пространство пассажирского салона дает максимальное психологическое преимущество вооруженному террористу, уголовному преступнику, или лицу с психическими отклонениями, в виде власти над незащитными людьми. Особая ситуация остается с поездами. Технические особенности железнодорожного транспорта однозначно не позволяют угнать состав туда, где отсутствуют рельсы. Быть может, именно поэтому индонезийская группа «Фронт освобождения Южно-Моллукских островов», боевики которой захватили в мае 1977 г. поезд Гронинген – Амстердам и взяли в заложники 105 школьников, только для того, чтобы быть уничтоженными голландскими спецками из группы антитеррора ВАТ, все-таки вошла в историю терроризма как единственная организация, осуществившая подобную операцию. Обычно же, железнодорожные составы, в первую очередь пассажирские, становятся жертвами банальных терактов с применением взрывных устройств. В частности, «рельсовая война», ориентированная на максимальное количество жертв, является апробированным и предпочтительным оперативным параметром, своего рода «фирменным знаком», многочисленных религиозно-экстремистских и сепаратистских группировок, действующих в Индии; при этом их пакистанские «коллеги» почему-то предпочитают взрывать в основном пассажирские автобусы.

Следует признать, что сегодня, на начальном периоде Четвертой мировой войны, терроризм на транспорте имеет все предпосылочные тенденции к интенсификации, не в последнюю очередь потому, что именно бурно развивающаяся транспортная составляющая, обеспечивающая устойчивое сообщение между различными регионами планеты, является одним из важных компонентов процесса глобализации. Нельзя также забывать, что именно таранным ударом угнанных пассажирских самолетов, собственно, и началась сама эта война. И поэтому, ежедневно миллионы людей, застегивающих перед вылетом ремни безопасности в креслах, находятся под психологическим прессом страха – не перед стихией или техникой, но перед безграничной разрушительной силой человеческой ненависти.

Киднеппинг

Захват заложников, как средство выдвижения требований и инструмент их реализации, может носить не только массовый, как в двух предыдущих рассмотренных категориях, но точечный характер. Захват в заложники высокопоставленного, известного, популярного государственного, политического, или общественного деятеля, представителя мира искусства, и сформировавшаяся угроза их жизни или здоровью, непременно освещаемая всеми средствами массовой информации в самом интенсивном режиме, изначально являлся одним из предпочтительных средств выбора для террористических организаций периода «холодной войны». События, связанные с похищениями в 70-х годах прошлого века бывшего итальянского премьер-министра Альдо Моро «Красными Бригадами», или председателя Союза промышленников ФРГ Ганса-Мартина Шлейера боевиками «Фракции Красной Армии», подтверждают сказанное. Однако, развитие мер противодействия, не уступающее по темпам эволюции терроризма, сегодня существенно снизила угрозу киднеппинга, по крайней мере в отношении целей приоритетной категории, обеспечиваемых плотной физической охраной и техническими средствами безопасности.

Но терроризм не был бы феноменом, если бы он не обладал способностью к адаптации к видоизменяющемуся контексту, о которой уже говорилось выше. Применительно к киднеппингу, он стал фактически одной из точек сращения терроризма с другим феноменом - организованной преступности, о котором еще будет сказано. Захват людей в заложники на рубеже двух веков был фактически конвертирован из политического преступления в банальный криминальный бизнес. Топ-лидеров в качестве объектов захвата сменили цели второй и третьей категорий, в большинстве своем – простые, пусть и обеспеченные люди, причиной для захвата которых стали их национальная принадлежность или материальное благосостояние, а гарантией свободы и жизни - назначенная сумма выкупа. Киднеппинг в обмен на выкуп (kidnapping-for-ransom - KFR) стал одной из значительных статей пополнения бюджета филиппинской террористической группировки «Абу Сайаф», ливанской «Хезболлах», «Революционных вооруженных сил Колумбии», многих повстанческих организаций на Африканском континенте. Особо зловещую известность в этой сфере приобрели чеченские вооруженные формирования, для которых торговля заложниками, наряду с финансовыми махинациями, контрабандой оружия и боеприпасов, незаконным оборотом наркотиков и поддельной валюты, стала источником денежных поступлений, обеспечивавших их существенные военные возможности. Только в период между первой и второй чеченскими войнами на территории сепаратистского анклава действовало до 60 группировок, сделавших киднеппинг своей профильной специализацией. В период с января 1997 г. по ноябрь 1999 г., по неполным данным, ими были захвачены 1.289 человек, в том числе 63 иностранных граждан, многие из которых были затем выкуплены, а некоторые -

убиты. В частности, только группировки Арби Бараева и Руслана Хайхорова всего за два года выручили за заложников соответственно 20 и 17 миллионов долларов. А общая выручка всех чеченских бандгрупп за период с 1994 г. по этой статье дохода составила не менее 200 млн. все в той же валюте.

Что же касается целей категории особой важности, похищение которых стало столь затруднительным, на их долю, тем не менее, остался другой эксклюзивный инструмент терроризма – убийство.

Убийство

Убийство как таковое, целенаправленное, или «побочное», составляет саму суть терроризма. Политическая разновидность убийства в контексте «оперативной необходимости» террористической теории и практики, известна с глубокой древности, и претерпела изменение лишь по формам исполнения. Яд и кинжал сменили пистолет, а затем автомат, винтовка с оптическим прицелом, а в особо сложных случаях – гранатомет, ПТУРС, или хороший эквивалент взрывчатого вещества. Абстрагируясь от общего контекста терроризма, и сосредоточившись непосредственно на практике целевых, «классических» политических убийств, следует констатировать, что она не утратила своей остроты ни после завершения «холодной войны», ни в наступившем тысячелетии. Эта угроза распространяется на всех – руководителей государств и духовных лидеров, политиков и общественных деятелей, вне зависимости от того, где они находятся – в крупных западных государствах, или аутсайдерских странах третьего мира.

Вечером 4 ноября 1995 г. на площади Царей Израиля в Тель-Авиве шел сотысячный митинг в поддержку подписанного всего 40 дней назад израильско-палестинского договора. Последним из ораторов выступал премьер-министр Ицхак Рабин, один из архитекторов этого договора, завершивший свою речь словами: «Я 27 лет служил в армии и воевал, но тогда не было никакой надежды на мир. Сейчас такая надежда появилась. Народ хочет мира и протестует против насилия. Его не должно быть в государстве Израиль». Через несколько минут после этих слов раздадутся выстрелы; хваленая служба безопасности не сработает, и еще через два часа Рабин скончается в госпитале. Арестованный на месте преступления убийца, 25-летний Игал Амир, не станет отпираться и скрывать мотивы преступления. Выходец из семьи ортодоксальных йеменских евреев, выпускник религиозной школы, военнослужащий элитной воинской части, наконец, член экстремистской молодежной группы Eyal (Возмездие) – таковы формальные этапы биографии убийцы. Однако, последовавшие параллельные юридическое и журналистское расследование вскрыли глубинный политический

подтекст – наличие влиятельных центров в государственных структурах и религиозных кругах, для которых мир с палестинцами был хуже войны, а следовательно, «голубь» Рабин, готовивший этот мир, был, по образному выражению известного израильского писателя-публициста Фридриха Горенштейна, «хуже Ирана, хуже Ирака, хуже Ливии, хуже Сирии, хуже ХАМАСА». И в этой ситуации слепым инструментом исполнения, как до сих пор полагают многие израильтяне, и стал молодой фанатик, которого классически «разыграли втемную» невидимые кукловоды.

А тем временем, длинный перечень жертв политических убийств – Джон и Боб Кеннеди, Мартин Лютер Кинг, Анвар Садат, Индира и Раджив Ганди, Ицхак Рабин, и многие другие, - остается открытым и в XXI веке.

Взрыв

Природа взрыва, помимо поражающих факторов физического свойства, содержит в себе мощнейший психологический эффект, заключающийся в мгновенной проекции войны на абсолютно мирную территорию – городскую улицу, кафе, дискотеку, кинотеатр, спортивный зал, или рейсовый автобус. Следует признать, что современные наследники бомбометателей XIX века имеют в своем распоряжении куда более универсальный арсенал, который превращает убийство из процесса индивидуального в массовый. Гексоген, пластид, RDX, и старые добрые динамит с тринитротолуолом, различные системы управления взрывом – механические, проводные, радиокомандные, другие производные технического прогресса человечества, поставленные на службу его же уничтожения. И они уничтожают. Только за неполных 11 месяцев 2002 г. в результате 210 терактов палестинских боевиков на территории собственно Израиля и Палестинской автономии погибло 273 человека, из которых подавляющее большинство было убито взрывами, осуществленными в общественных местах и на транспорте, как посредством смертников, так и заминированных автомашин. Классической эфирной картинкой в выпусках теленовостей из зоны израильско-палестинского конфликта стали городские рейсовые автобусы, развороченные страшными взрывами. Только в 2001 – 02 г.г. таких автобусов было 50.

Одним из наиболее трагических прецедентов массового убийства посредством взрыва, стали масштабные теракты, проведенные в сентябре 1999 г. оперативно-боевыми резидентурами вахабитских группировок в Москве, Вогодонске и Буйнакске, в результате которых погибли свыше 300 человек. Сопоставимыми с ними по масштабам могут считаться только взрывы в увеселительных заведениях на индонезийском острове Бали в ночь 12/13 октября 2002 г., которые унесли

жизни 187 человек, и ранили свыше 300; еще около 30 человек, от которых не осталось ничего, официально числятся «пропавшими без вести». В обоих случаях, коварный удар по абсолютно мирной территории, и вызвал столь желаемый эффект, квинтэссенцию террора, заключающуюся в самом его названии – ужас.

Парализующий эффект любого теракта такого рода многократно умножается в случае, если сила взрывного заряда в тротиловом эквиваленте дополнена силой ненависти и мистического фанатизма того или тех, кто готов отдать свою жизнь, чтобы убить других.

Суицидальный терроризм

Суицидальный терроризм представляет собой кульминационный, абсолютный инструмент асимметричной войны. Хотя это явление нельзя назвать новым, его стремительное распространение и растущие параметры, фиксируемые с середины 90-х годов, свидетельствует о выявлении серьезнейшей угрозы, противопоставить которой на сегодняшний день пока практически нечего; события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне тому пример. По состоянию на 2002 г. в мире насчитывалось не менее 12 террористических группировок, располагавших заранее подготовленным, идейно мотивированным и материально стимулированным контингентом смертников, а также соответствующим техническим арсеналом – носимыми взрывными комплектами, заминированными автомобилями, мотоциклами, катерами, самолетами. Самыми «практикующими» группами в контексте суицидального терроризма, как на поле боя, так и вне его, являются группировки: Аль-Каида, Тигры освобождения Тамил-Илама, Хезболла, ХАМАС, Исламский Джихад.

Это не обычные террористы-боевики, которые готовы рисковать в определяемых ими самими разумных пределах, и которые хотят выжить, хотя бы для того, чтобы увидеть результата (или иллюзию результата) того, за что они борются. У смертников же нет пути назад, нет «стратегии выхода». Смертники приходят не для того, чтобы вести переговоры, а чтобы умереть; поэтому любой оперативный эпизод с их участием – это не просто террористический акт, но акт войны, тотальной войны. Смертники приходят оттуда, где жизнь – война и нищета, где жизнь хуже смерти. И еще, оттуда, где, религиозные или национальные лидеры простыми, примитивными словами объясняют, через что лежит дорога в вечный рай.

Конвенциональное оружие

После окончания «холодной войны» феномен международного терроризма приобретает все более заметную военную составляющую. Фактически, происходит конвергенция понятий «национально-освободительное движение» и «международный терроризм». По своим численным, организационным, тактическим и техническим параметрам многие повстанческие (террористические) группировки уже превзошли регулярные вооруженные силы целого ряда государств. Рассмотрим в этой связи лишь некоторые из очень многих позиций.

Основу арсенала партизанской войны и террористической деятельности составляет легкое стрелковое оружие – пистолеты, револьверы, пистолеты-пулеметы, автоматы, автоматические и снайперские винтовки, нарезные и гладкоствольные, курковые и помповые ружья, обрезы, ручные пулеметы, и так далее. Лишь незначительная их часть имеет кустарное происхождение; остальные являются промышленного производства. Миллионы стволов, неконтролируемая диффузия и циркуляция которых началась еще в период «холодной войны», с тех пор ежегодно приносят на алтарь гражданских и других войн сотни тысяч жизней, а боевик с «калашом» в руках стал классической картинкой теле-репортажей из зон вооруженных конфликтов. Советские АК, АКМы, АКСу, их китайские и румынские клоны, американские M16, бельгийские FN, германские G3, сингапурские Ultimax и десятки других образцов, поступающие в распоряжение военизированных формирований через контрабандную схему черного рынка, за счет прямых поставок, или трофеев, стреляют сегодня на всех континентах. Попытки международного сообщества ограничить приток легкого стрелкового вооружения в «серые зоны» за счет инициирования работы конференции ООН и создания соответствующей организации, пока видимых результатов не дают.

Минное оружие является излюбленным средством партизанской войны. По образному выражению, приписываемому Пол Поту, «мина – самый лучший боец: никогда не спит, ничего не боится, и никогда не промахнется». При этом наиболее опасной подкатегорией этого оружия являются противопехотные мины, только за последнее десятилетие убившие и покалечившие сотни тысяч людей в зонах вооруженных конфликтов. Из 230 млн. противопехотных мин, согласно официальной (весьма неполной) статистике состоящих на вооружении во всех странах мира, миллионы единиц боеприпасов, со складов, из наличия, ушли в горячие точки. Только в каждой из таких активных в прошлом и настоящем зон повстанческой / террористической войны, как Афганистан, Ангола, Камбоджа, Босния и Герцеговина, Мозамбик, Судан, Сомали, в земле остается свыше 1 миллиона мин, ждущих своего часа и свою жертву.

Немаловажную часть военного арсенала современного международного терроризма составляют средства огневой поддержки и тяжелое вооружение и техника. Тяжелые пулеметы, гранатометы ручные и станковые, минометы калибра от 51 до 160 мм включительно, артиллерия ствольная и реактивная, танки, бронетранспортеры, боевые машины пехоты, бронированные разведывательные машины, противотанковые ракетные комплексы, различные средства ПВО – вот не самый полный перечень. В войнах партизанского типа, характеризующихся непредсказуемыми контактными боями, происходит повышение «порога значения» вооружения, и обычное пехотное оружие, например ручной гранатомет, применяемый вопреки всякой логике, уставам и техническим наставлениям, становится эффективным средством. Американские военнослужащие, столкнувшиеся в 1992 – 93 г.г. на улочках Могадишо с сомалийскими «боевыми колесницами» (battlewagons), представлявшими собой обычные полу-легковые грузовички Mazda и Toyota с установленными на кузове пулеметами ДШК, гранатометами и пусковыми направляющими для неуправляемых реактивных снарядов, могут это засвидетельствовать лично.

Танк, испытанное боевое средство на полях Второй мировой и «холодной» войн, согласно мнению многих военных экспертов, уже все-таки уступает в гонке со своим смертельным врагом – противотанковыми средствами. За последнее десятилетие с небольшим, количество танков в мире снизилось вдвое: со 100.000 боевых машин до примерно 50.000 единиц. Однако, многие повстанческие / террористические группировки не отказались от сохранения бронированного кулака, и даже наращивают его. Пример – армянская «Армия обороны Карабаха» на оккупированной сепаратистским анклавом территории Нагорного-Карабахского региона Азербайджана, скромно именующая себя «силами самообороны». В 2002 г. это вооруженное формирование имело на вооружении 316 танков – то есть, больше, чем вооруженные силы любого из таких государств-членов НАТО, как Бельгия (132), Канада (114), Дания (238), Норвегия (170), Португалия (187), не говоря уже об Исландии с Люксембургом. Вообще же, танки в армиях партизанского типа воочью демонстрируют парадоксальный «закон обратного значения», столь характерный для асимметричной войны: чем более устаревшим, и, следовательно, более простым в применении и обслуживании является вооружение, тем лучше. Применительно к танкам это означает, что современный Т-72 гораздо менее предпочтителен для боевиков военизированных формирований, чем старый добрый Т-55, на котором можно будет воевать где-нибудь в джунглях Гвинеи-Бисау еще 55 лет.

Переносные зенитно-ракетные комплексы имеют все шансы стать смертельным средством поражения в арсенале террористов. Мобильные, малоразмерные, совмещающие в себе функции пусковой установки и радара наведения, не

требующие продолжительной подготовки расчетов, они гораздо более, чем на поле боя, где противник применяет маневр и средства пассивной защиты, эффективны против незащищенных пассажирских авиалайнеров, чрезвычайно уязвимых при взлете и посадке, и способных в результате удачного пуска стать братской могилой. За последние пятнадцать лет страны-экспортеры продали в 56 государств «третьего мира» свыше 50.000 ПЗРК, откуда тысячи из них пошли, в виде трофеев, или прямых поставок, в арсенал различных повстанческих / террористических движений. Согласно некоторым подсчетам, сегодня американские «Стингеры», советские «Иглы» и «Стрелы», французские «Мистрали» имеются в распоряжении 17 таких группировок. Израильский лайнер, вылетавший утром 28 ноября 2002 г. из кенийского аэропорта Момбасы, и обстрелянный боевиками «Аль-Каиды», лишь чудом уцелел; но он был, скорее всего, лишь первой ласточкой...

Особо следует сказать об оперативно-тактических ракетных комплексах, к счастью, состоящих на вооружении пока еще немногих военизированных формирований. Советские комплексы Р-17 и «Луна-М» изначально разрабатывались в качестве средств доставки оружия массового поражения, их применение в качестве носителей конвенциональных боевых частей не имеет чисто военной (оперативной) целесообразности, в первую очередь ввиду высокой степени кругового вероятного отклонения от цели. В равной степени это касается и созданных на их основе комплексов, например иранского Zelzal-2 (Землетрясение), по неподтвержденным данным, поступившим на вооружение ливанской группировки «Хезболлах». Однако, опыт гражданских войн в Йемене и Афганистане подтверждает, что стороны конфликта, располагавшие такого рода средством, ни упустили ни единого шанса для его применения, сделав при этом, ввиду высокой неизбирательности ракетного оружия, основной мишенью гражданское население, после первых же жертв в коллективном порядке покидавшее зону его применения. Исходя из этого, оперативно-тактические комплексы, по своей сути, могут рассматриваться как оружие массового психологического террора. Кроме того, они сохраняют свою изначальную функцию носителей оружия массового поражения.

Неконвенциональное оружие

Да, терроризм приобретает уже и «измерение Апокалипсиса». Триада периода «холодной войны» - ядерное, химическое, биологическое оружие, теперь не является эксклюзивным инструментом устрашения со стороны государств, которые им обладают. По некоторым подсчетам, не менее 20 различных негосударственных субъектов (повстанческих движений и террористических групп) предпринимали, или предпринимают, усилия по приобретению, или разработке и производству, а затем, соответственно, и применению ОМП. Конечно, речь идет

лишь о самых примитивных, маргинальных подвидах такого оружия, например распыляемых радиоактивных материалах («атомная бомба бедняка»), или химических субстанциях промышленного назначения. В частности, досье собранное на группировку «Аль-Каида» до, и особенно, после терактов 11 сентября, однозначно подтверждает факт приложения активных усилий по приобретению критических технологий и компонентов, а также самостоятельное экспериментирование по разработке ОМП по трем основным направлениям: биологическое оружие, радиологическое оружие, боевые отравляющие вещества.

Самый масштабный до сих пор теракт с применением ОМП произошел в 1995 г. в Японии, по несчастливому стечению обстоятельств за 50 лет до этого уже ставшей жертвой ядерного оружия. Тоталитарная религиозная секта синтоистско-мистического толка Aum Shinrikyo, возглавляемая духовным лидером Чизуо Мацумото, более известного под именем Шиоко Асахара, с начала 90-х г.г. находилась под наблюдением полиции. Однако, способы привлечения новых адептов в секту, число которых по всему миру, включая Россию, достигло 40.000 человек, формально не выходили за рамки действующего законодательства; к тому же, сектанты исправно платили налоги с прибыли, извлекаемой от деятельности контролируемых ими компьютерных фирм. Никто из тех, кому было положено, не поинтересовался, куда идет сама прибыль. А шла она, помимо приобретения стрелкового вооружения и боеприпасов к нему, на эксперименты с боевыми отравляющими веществами нервно-паралитического действия типов Sarin и VX, и наработку предварительной теоретической базы по сейсмическому оружию (!). Эксперименты, производство и хранение производились на принадлежащем секте объекте SATAM-7, расположенного на склонах горы Фудзи. К середине 90-х накопленный объем «зарина» достиг 30 кг, и его решено было пустить в ход. В день «X» (23 марта), выбранный в качестве даты «конца света» в отдельно взятом месте, смертельный газ был распылен при помощи специально сконструированных приспособлений на шести линиях метрополитена. В «газовой камере» токийского и йокогамского метро погибли 12 и получили отравления (в основном в тяжелой форме) свыше 5.000 человек. Практически сразу секта была накрыта и разгромлена, что в лишний раз свидетельствует о том, что власти имели практически всю информацию о ней, но умудрились упустить из виду главное. Верхушка группировки села на пожизненные сроки; однако, основной состав, не признанный непричастным к преступлению, остался на свободе, и снова продолжает деятельность в формально законопослушных рамках, сменив, правда, название секты на новое и загадочное имя – Aeph. Говорят, они опять занимаются компьютерами...

Знаменитая «почтовая атака» спорами сибирской язвы, произведенная безымянным американским ученым – биотеррористом, последовавшая практически сразу за терактами «Аль-Каиды» 11 сентября, еще раз подтвердила, что биологическое оружие на сегодняшний день остается самым опасным видом

ОМП, о котором только может мечтать любая террористическая организация. Если усилия по производству химического, и особенно, ядерного оружия, и затратны и заметны, то био-оружие может быть создано и произведено в лабораторных условиях, а затем применено даже одиночками, имеющими для этого достаточное образование, научный талант и нарушенную психику. Невидимый и смертельно опасный враг – штаммы и вирусы ботулизма, сибирской язвы, лихорадки эбола, сальмонеллы, черной оспы, могут быть без особых усилий разосланы в почтовых конвертах, распылены с частного самолета, или спущены в систему водоснабжения многомиллионного города. Далее – тысячи смертей, паника и хаос, по сравнению с которыми состоявшиеся в сентябре – октябре 2001 г. события в США будут выглядеть самым легким сценарием. Кстати, проведенные в тот период опросы и замеры общественного мнения показали – многие американцы верят, что худшее в этом плане еще впереди.

Итак, мы рассмотрели, насколько это было возможно в нашем регламентном формате, методы и средства их реализации, присущие современному международному терроризму, точнее, его первому эшелону. На очереди – второй и третий (периферийный) эшелоны.

Блок 6. Второй эшелон и периферия современного терроризма

А теперь продолжим разговор о международном терроризме через призму его политического, информационного и финансового компонентов, а также остановимся, насколько это будет возможно, на разнообразных периферийных формах проявления самого феномена, как такового.

Политический, информационный, финансовый компоненты

Невиданное доселе явление – мимикрия под легальный контекст в виде многочисленных представительских организаций прикрытия, косвенно контролируемых парламентских фракций, различных структур гуманитарного, культурно-просветительского, религиозного, информационного профиля, являются своеобразной «торговой маркой» сегодняшнего терроризма. Интенсивная аппликация политических технологий происходит параллельно с освоением родственных медийных технологий, реализацией интенсивного информационно-пропагандистского обеспечения с полноценным использованием

потенциала электронных и печатных средств массовой информации, а также Всемирной сети. Все эти формы активности обеспечиваются доходами как от законной коммерческо-предпринимательской деятельности, так и нелегальных поступлений, обеспечиваемых фактическим сращиванием двух феноменов современности: международного терроризма и транснациональной организованной преступности. Отследить параметры такой адаптации и конвергенции можно было бы на уже становящемся классическим примере империи «Аль-Каиды».

Косвенные и отрывочные сведения о ней, тонким ручейком просачивавшиеся в средства массовой информации со второй половины 90-х годов, валом хлынули после теракта 11 сентября, когда спецслужбы вынуждены были приоткрыть свои файлы, чтобы хоть как-то оправдаться перед парламентами и налогоплательщиками за затрачиваемые на них средства. Выявившиеся отдельные фрагменты очень быстро сложились в захватывающую воображение общую картину, на которую средства массовой информации отозвались экзальтированными заголовками: «всемирная паутина», «разветвленная грибница», «верхушка айсберга». Полноценно использовав многочисленные ниши западных демократий и капиталистической экономики, люди бен Ладена сформировали обширную инфраструктуру поддержки террористической активности не только где-нибудь в Афганистане, Сомали, или Йемене, а непосредственно на территории противника – в странах Европы и Северной Америки.

Фундаментом, основой для этой инфраструктуры стали многочисленные и быстро растущие диаспоры выходцев из арабо-исламского мира. Следует признать, что даже те ее представители, которые добились значительных успехов в интеграции в экономическую и политическую систему стран пребывания, не только сохранили свою иную культурно-религиозную идентичность, но использовали накопленный потенциал для дальнейшей общинной консолидации и обособления. Этот цивилизационный феномен, наглядным проявлением являются турецкие кварталы Гамбурга и арабские районы Марселя, заслуживает отдельного изучения, и находится за пределами формата нашей темы. Случай с Зейнетдином Зиданом, ставшим лицом Франции, не должен никого обмануть, это скорее исключение, чем правило. Именно диаспора и ее финансовые и морально-психологические возможности, стали практически неисчерпаемым ресурсом «Аль-Каиды».

Так называемые «фронтальные организации» (на самом деле - структуры прикрытия), как «Аль-Мухаджирун» (Переселенцы), Всемирный фонд Джихада, и «Ансар аш-Шариа» (Сторонники Шариата), обосновавшиеся в Лондоне, но контролирующие при этом всю Европу, стали координирующими центрами «Аль-

Каиды» на континенте, решая задачи сбора пожертвований и набора добровольцев для джихада. При этом, в качестве мобилизационных пунктов, использовались мечети, в больших количествах имеющиеся в любом мало-мальски крупном европейском городе. Именно через общины, сложившиеся при мечетях, только в период с 1995 по 2000 годы организация «Аль-Мухаджирун» завербовала, обучила и отправила в различные зоны вооруженных конфликтов – от Кашмира до Боснии, свыше 700 молодых людей, британцев по гражданству и мусульман по вероисповеданию. Из них 38 человек осенью 1999 г. направились в Чечню. Даже после терактов 11 сентября и постепенно набирающей обороты кампании по подавлению легальной инфраструктуры Аль-Каиды», которая тормозится многочисленными демократическими издержками, ее остаточные звенья, олицетворяемые лондонским шейхом Омаром Мухаммедом аль-Бакри и другими воинствующими клерикалами, продолжают благополучно существовать, стремительно перестраиваясь и адаптируясь под новый, усложненный политический и оперативный контекст деятельности. Впрочем, в таком положении дел, быть может, есть свой резон; ведь если срубить верхушку айсберга, его подводная часть станет еще более опасной и менее предсказуемой...

Вторая составляющая гибридной транснациональной структуры неотделима от первой – информационно-пропагандистский компонент. Он включает комплект самых различных средств, контролируемых в основном не напрямую, а через отлаженную сеть формально и реально независимых звеньев, тем не менее, работающих на общее дело: электронные и печатные средства массовой информации, зарегистрированные на подставные лица, вроде пресловутого «блуждающего» веб-сайта Nida al-Islam (Исламский призыв), периодически всплывающего на разных серверах то в Малайзии, то Венесуэле, или американском Мичигане. В условиях мер подавления, предпринимаемых противником, лидеры «Аль-Каиды», будь то сам Усама, или его официальный представитель Сулейман Абу Гейт, полноценно и грамотно задействуют в своих интересах приемы и технологию информационной войны. После каждого информационного «выстрела», произведенного видеокассетой с записью обращения бен Ладена, прокрученной по катарскому телеканалу «Аль-Джазира», в мире повышаются цены на нефть и падают биржевые индексы. Это тот самый случай, про который обозреватель американского журнала Wall Street Journal Мортон Кондрак еще в 1982 г. сказал: «видео пленка – пострашнее пушки».

Финансовая империя «Аль-Каиды», уже ставшая притчей, раскинулась далеко за рамки личного состояния семейства бен Ладенов, как это считалось ранее. Ее происхождение, корни и крона покрыты мраком, однако тянутся высоко, быть может, и к отдельно взятым королевским дворцам. Десятки легальных и подставных торгово-предпринимательских компаний и холдингов, коммерческих и транспортных фирм, производственных предприятий, расположенных на пяти континентах, дополняются внешними источниками – спонсорской помощью и

пожертвованиями многочисленных неправительственных религиозно-политических организаций и состоятельных частных лиц. Официальные документы американской администрации содержат перечень из не менее чем 20 благотворительных фондов, действовавших в странах Запада. Часть из аккумулированных ими средств действительно шла на помощь беженцам, малообеспеченным, или, например, детям-сиротам; но оставшаяся часть шла на оперативные нужды «Аль-Каиды», которая делала сиротами других детей. К примеру, раскрытая в апреле 2002 г. гуманитарная организация Benevolence International Fund, обосновавшаяся не где-нибудь, а в Чикаго, и руководимая неким сирийцем Инамом Арнаутом, доказанно имела прямые контакты с Усамой, стабильно перечисляя часть своих средств в бюджет организации, в том числе, на неудачную попытку потопить американские и британские корабли на военно-морской базе в Гибралтаре, которая сорвалась лишь из-за неудачного стечения обстоятельств. Поступления такого рода дополнялись выручкой от мероприятий чисто криминального характера, например, комиссионного сбора за производимые на территории Афганистана наркотические вещества, контрабанды бриллиантов из Конго и Сьерра-Леоне, незаконного оборота золота через операционные узлы в Дубае и Карачи.

Вырученные средства проводились (и, скорее всего, до сих пор проводятся) через многочисленные подставные счета в банках Швейцарии, Кипра, Лихтенштейна, и десятков других стран. После развертывания кампании по подавлению ее финансового потенциала, «Аль-Каида» очень быстро перешла на реализацию нетрадиционной схемы безналичного денежного трансферта Hawala, противопоставить которой из мер воспрещения на сегодняшний день практически нечего. К тому же, «священная корова» капиталистической экономики в виде частной собственности и тайны вкладов, живет всех живых. Не удивительно поэтому, что, согласно признанию официальных лиц министерства финансов США, полноценно пресечь нелегальный денежный трафик пока не удастся, и общий объем замороженных на счетах за более чем год «глобальной войны против террора» средств, принадлежащих всем выявленным и потенциальным террористическим организациям, составляет 113 млн. долларов. Капля в море...

Завершая сказанное выше, добавим лишь, что «Аль-Каида» - всего лишь яркий, но далеко не единственный пример того, как международный терроризм задействует в своих inferнальных интересах базовые ценности демократии – права человека, права меньшинств, свободу вероисповедания, свободу выражения мнения, частную собственность, фактически превратив их в «ахиллесову пяту» этой самой демократии.

Периферийные формы терроризма

Наш анализ феномена современного международного терроризма и перспектив его развития, будет, несомненно, неполным, если мы не остановимся на качественно новых, смежных, или мутагенных его формах и категориях. Вот они: политический и религиозный экстремизм; индивидуальный терроризм; транснациональная организованная преступность; кибертерроризм / киберпреступность; тоталитарные религиозные секты; объединения по интересам; частные военные организации. Рассмотрим же их чуть подробнее.

Экстремизм

Политический и религиозный экстремизм уже сам по себе является первичным источником, сырьем (прекурсором) терроризма. Представленные организационными структурами, действующими в формальных рамках закона, или на его грани, и лишь периодически реализующими насилие ограниченного порога, они, тем не менее, с полным правом могут рассматриваться в качестве важного компонента второго эшелона международного терроризма, обеспечивая его идейно-пропагандистское и финансовое стимулирование. Классическим образцом таких структур является, например, конгломерат ультраправых организаций, существующих на территории США. Выступая по самым различным позициям – от борьбы с «сионистским оккупационным правительством» (имеется ввиду американская администрация) и до отстаивания права граждан на свободное владение оружием, и, оставаясь при этом в легальном правовом поле, эти организации и группы, тем не менее, становятся идейным инкубатором для тех, кто берет однажды в руки автоматическую винтовку, или пульт управления взрывным устройством. Самый разрушительный в истории США до событий 11 сентября теракт совершил не фанатик-исламист, или левый экстремист, а на первый взгляд законопослушный белый американец Тимоти Макквей, имевший послушной список патриота и ветерана войны в Заливе. Однако, по своему понимаемый внутренний голос патриотизма, внушенный во многом благодаря членству в одной из многочисленных «американских милиций», привел к тому, что Макквей взорвал 19 апреля 1995 г. заминированный автомобиль у федерального здания в городе Оклахома-Сити. Результат – 168 убитых, свыше 500 раненных.

Трансформация глобальной ситуации отражается и на динамике развития политического экстремизма, вызвав к жизни такие новые понятия, как антиглобалистское движение, или, например, движение скинхедов. Антиглобализм, ассоциируемый сегодня с «новыми левыми», является еще до конца не изученным, непростым явлением, которое было вызвано к жизни набирающим силу процессом глобализации. Представляя по форме транснациональное общественно-политическое движение, со своими

формальными идеологами, такими как Жозе Бовэ, Наум Чомски и «Субкоманданте Маркос», оно выступает по широкому протестному спектру: против деятельности международных финансовых (ВТО, МВФ, ВБ) и политических (ООН) организаций, политики ведущих государств (Группа-7/8), за прекращение деградации окружающей среды, списание задолженности стран третьего мира, свертывание американской программы ПРО, и многим другим направлениям. Организационный формат движения включает профсоюзные и студенческие организации, структуры правозащитного, анархистского, сектантско-религиозного, экологического профиля, а также консолидированные этнические общины выходцев из стран третьего мира, и характеризуется существенной децентрализацией, отсутствием единого руководящего центра, внедрением горизонтальной схемы управления, наличием четкой системы планирования, координации и обмена информацией на трансконтинентальном уровне (через сеть Internet). Ведущей формой активности АГД остается организация мероприятий протеста, приуроченных к местам и срокам проведения форумов международных политических и финансовых институтов, которые, как правило, сопровождаются массовыми беспорядками, столкновениями с полицией, и погромами на объектах частной собственности, в первой жертвой которого практически всегда становится ненавистный символ американизма – ресторан системы быстрого питания McDonalds. При подготовке и проведении акций фиксируются организованные перемещения их участников на дальние (в том числе, трансконтинентальные) расстояния, их заблаговременная концентрация (с размещением и обеспечением за счет родственных местных структур), предварительная разведка территории, распределение средств защиты и нападения (каска, щиты, бронежилеты, противогазы, респираторы, палки, дубинки), агрессивное поведение в местах массового скопления, интенсивное информационно-пропагандистское обеспечение в СМИ. Побоища с участием десятков тысяч человек в Сиэттле (1999 г.), Давосе, Вашингтоне, Праге, Ницце (2000 г.), Квебеке, Гетеборге, и особенно Генуе (2001 г.) – таковы этапы пути этого весьма неоднозначного движения всего за два года. И хотя, с 2002 г. особо значительных проявлений насилия со стороны структур АГД не зафиксировано, говорить о его трансформации в сугубо политическое русло пока представляется преждевременным; не исключено, что это является заслугой правоохранительных структур, отныне выставляющих в моменты проведения таких мероприятий по одному полицейскому на каждого демонстранта.

Скинхеды, международное молодежное движение на основе особой субкультуры и самостоятельной формы самоорганизации, являет собой иной пример политического экстремизма. Первоначально зародившись в Великобритании в 1969 г., оно сегодня распространено более чем в 50 странах мира, в том числе в России, где число его сторонников увеличивается угрожающими темпами. Другими категориями современного экстремистского политического континуума могут считаться неонацистские, анархистские, или неомарксистские (типа

Национал-большевистской партии России) организационные структуры, периодически реализующие насилие низкой интенсивности.

Индивидуальный терроризм

Данная самостоятельная категория терроризма, включающая отдельных граждан, чья террористическая деятельность осуществляется самостоятельно, вне формата организационных структур, во многом является продуктом специфического феномена западного общественного сознания. Глубокий индивидуализм в сочетании с различными побудительными стимулами (асоциальное поведение, утрата жизненной перспективы, неудачная личная жизнь, психические отклонения, мессианство), налагаемых на различные программы и требования политического, религиозного, экономического и иного характера, формальные контакты с экстремистскими организациями, и другие акселераторы, такие, как девальвация ценности человеческой жизни, в итоге своем ведут к реализации негативной энергии и протестного потенциала против неудовлетворительного образа жизни и ассоциируемых с ним объектов ненависти через террор. Теракты с тяжелыми последствиями, такие как взрывы и ведение огня из автоматического оружия в местах скопления людей, захват заложников в школах и детских садах, угон транспортных средств уже давно приняли в США, а сейчас уже и в Европе, характер эпидемии. Классический пример – Теодор Качински, проходивший в документах ФБР под оперативным псевдонимом Unibomber. Неприметный странный человек, ушедший в добровольную самоизоляцию в горах Колорадо, в течение двадцати (!) лет, с 1976 по 1995 г.г., неторопливо рассылал заминированную почтовую корреспонденцию ученым и предпринимателем, занятым в сфере компьютерных технологий и авиации. 16 терактов, произведенных Качински в рамках реализации его протеста против тенденций развития индустриального общества и разрушения экологии, унесли жизни 3 человек и покалечили еще 23. В апреле 1999 г. отличился англичанин Дэвид Коуплэнд, в знак своей неприязни к национальным и сексуальным меньшинствам взорвавший 3 собственноручно изготовленных устройства в пабах Лондона (3 человека убито, 129 ранены). Ну, а своеобразный рекорд на ниве индивидуального терроризма, по обстоятельствам, принадлежит американцу Джону Аллену Мухаммеду и его пасынку Ли Мальво, знаменитым «вашингтонским снайперам», которые убив и ранив 13 человек, буквально парализовали американскую столицу осенью 2002 г. Этот эпизод, помимо прочего, свидетельствует об устойчивости социального психоза в американском обществе, и появлении особой модели поведения, которая, как представляется, будет развиваться.

Организованная преступность

Транснациональная организованная преступность, как финансовый спонсор, по сути, является интегрированным компонентом современного терроризма. О формах и масштабах механизма сращивания свидетельствуют беспристрастные данные, которые подтверждают: подавляющее большинство из действующих террористических структур, в том числе тех, о которых мы говорили в предыдущих сериях, являются фигурантами оргпреступности. Последняя, будучи, по сути, оборотной, теневой стороной процесса глобализации, включает в себя множество профильных сфер, по которым идет кооперация с международным терроризмом: незаконный оборот наркотических веществ, контрабанда оружия и боеприпасов, нелегальная миграция, легализация незаконных финансовых средств (отмывание денег), морское пиратство, производство контрафактной продукции, и многие другие функциональные направления. Остановимся лишь на двух наиболее интересных позициях – наркотиках и пиратах.

Сегодня вряд ли кто-нибудь будет возражать против утверждения, что наркофактор трансформировался в одну из наиболее опасных и неотложных угроз глобального значения. Миллионы наркоманов, резкий взлет кривой уличной преступности и количества жертв ВИЧ - СПИДа, социальная нестабильность, миллиардные экономические потери, отвлечение приоритетных усилий, - таковы параметры опасности для сегодняшних и будущих обществ. Анализ ситуации во всех трех основных сложившихся очагах производства наркотических веществ – «Золотом полумесяце» (Южная Азия), «Золотом треугольнике» (Юго-Восточная Азия), и «Серебряном треугольнике» (Латинская Америка), воочию демонстрирует непреложный факт: организационные структуры террористического профиля контролируют все три сегмента нарко-цикла – производство, транзит и реализацию. Присутствие боевиков «Революционных вооруженных сил Колумбии», или бирманской «Армии объединенного государства Ва» на производственных площадках и транзитно-распределительных узлах не может считаться чем-то необычным, если исходить из того, что основная часть их финансирования основана именно на реализации наркотиков. Игла и таблетка стали таким же смертельным оружием, как автомат и взрывчатка...

Морское пиратство, еще чуть более десяти лет назад считавшееся канувшим в пучину истории, или плодом режиссерской фантазии авторов советского кино-бестселлера «Пираты XX века», сегодня набирает стремительные темпы. Действия организованной преступности на морских коммуникациях, по которым продолжает осуществляться основной грузопоток, также являются еще одним реверсивным последствием глобализации. Скоростные маломерные плавсредства с бортовым вооружением (автоматические пушки, крупнокалиберные пулеметы, гранатометы) и современными средствами связи, наблюдения и навигации, стали грозой капитанов дальнего плавания в акваториях

Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, Маллакского пролива, Мексиканского залива, водах Северо-восточной и Западной Африки. В 2001 г. было зафиксировано 335 пиратских нападений на море, угнано 16 судов, свыше 100 ограблено с изъятием перевозимого груза и материальных ценностей, убит 21 член экипажа.

Кибертерроризм

Если количество радиослушателей во всем мире достигло 50 млн. человек только через 38 лет после изобретения радио, а для телевидения этот срок составил 13 лет, то количество же пользователей всемирной сети Internet перевалило за полсотни миллионов всего через 4 года после ее появления. Эффект формирования глобального информационного пространства, придавший мощнейший импульс человеческому прогрессу, одновременно (как, впрочем, и всегда) имел и негативную сторону. Кибертерроризм, и его подвидовая производная – киберпреступность, развившиеся на основе политической, криминальной мотиваций, группового или индивидуального асоциального поведения, являются одним из серьезнейших современных вызовов высокоразвитым «постиндустриальным обществам». Содержание кибертерроризма / киберпреступности сегодняшнего дня – несанкционированный доступ в компьютерные сети за счет взлома кодов безопасности, перепрограммирование, нарушение работы серверов, обезличивание порталов, выставление на них собственных лозунгов или требований, негласный перехват и снятие информации с жестких дисков компьютеров, мошенничество с целью хищения финансовых средств, и вытекающее из всех этих действий формирование угроз информационной, физической, финансовой безопасности. Применяемые субъектами кибертерроризма – хакерами – средства сетевого вторжения весьма разнообразны: компьютерные вирусы и черви, логические бомбы, троянские кони, поисковые программы. Формы активности фигурантов кибертерроризма включают импульсные децентрализованные действия, или же целевые (как краткосрочные, так и продолжительные) кампании. Группы целей – международные организации (являются целями субъектов антиглобалистского, антивоенного движений, и участников различных вооруженных конфликтов), высшие органы исполнительной и законодательной властей, учреждения экономического блока и университеты отдельных государств (цели субъектов политического, социального, и иных форм протеста), общественные организации (цели носителей религиозной, национальной, и иных форм неприязни), банковские структуры (цели субъектов криминальной деятельности).

Однако, наибольшую опасность в контексте кибертерроризма представляют действия, направленные против объектов критической инфраструктуры – командных пунктов ядерных сил, систем управления АЭС, плотин, промышленных

предприятий. Блокирование системы управления воздушным движением крупного международного аэропорта способно создать мгновенную угрозу жизням сотен людей.

Информационные ресурсы ВС США, насчитывающие до 2.000.000 компьютеров, 100.000 локальных сетей и примерно 10.000 информационных систем, ежемесячно становятся объектом до 750 хакерских атак, часть из которых достигает своей цели, нарушая связь, навигацию, системы космической разведки, наведения оружия, тылового обеспечения. Вот как выглядит их динамика по годам: в 1994 г. – всего 225 несанкционированных, 1998 г. – уже 5.844, а в 1999 г. – целых 22.144. Конечно, часть этих атак была выполнена заинтересованными структурами различных государств. Однако, не следует забывать, что за кризисом 1998 г., получившим название Solar Sunset, буквально вызвавшим панику в Пентагоне, впервые столкнувшись с массивной компьютерной DOS-атакой, вина за которую долго возлагалась на Ирак, на самом деле была делом рук (и ума) всего лишь одного израильского хакера. Два эпизода более позднего времени, когда в мае и июне 2002 г. действовавшие индивидуально британский и австрийский умельцы взломали коды системы управления стратегическими ядерными силами и центра космической разведки ВС США – все из того же многочисленного, и, наверное, нескончаемого ряда.

Ведущиеся в мире войны теперь не обходят стороной киберпространство. Массивные взаимные атаки фиксировались ранее, и продолжают иметь место сейчас, в контексте таких конфликтов и кризисов, как арабо-израильский, индо-пакистанский, афганский, балканский, китайско-американский, китайско-тайваньский, а названия многих хакерских групп, таких, как югославская «Черная рука», пакистанская G-Force, или палестинская Unix Security Guard, не сделавших ни единого выстрела, заняли достойное место в каталогах террористических организаций.

Весной 2000 г. гражданин Витек Боден, обиженный решением водоочистой кампании не восстанавливать его на работе после увольнения, 46 раз (!) проникал в компьютерную сеть управления стоками, затапливая окрестности австралийского района Пасифик Парадайз. В тот раз все закончилось загрязнением больших площадей «тихоокеанского рая» зловонными отходами и гибелью нескольких тысяч водоплавающих. В другой раз и в другом месте все может быть гораздо хуже...

Тоталитарные секты

Небывалое почкование и размножение постмодернистских тоталитарных сект, наблюдаемое последнее десятилетие, особенно в преддверие Миллениума, на который многие пророчили конец света, по сути, являет собой отражение современного кризиса основных мировых религий. Жесткая внутренняя вертикаль управления, создание изолированных сообществ (коммун) с военизированными элементами организационной структуры, монополия на истину, способность к массовой манипуляции, дестабилизации и изменения сознания, повышенная склонность к внутреннему насилию, внешней агрессии, человеческим жертвоприношениям и коллективным суицидам – таковы основные параметры тоталитарных сект, начиная от небезызвестной «Аум Шинрике», о которой мы уже говорили, и, заканчивая многочисленными культами апокалиптического и сатанистского толка. О разрушительном потенциале таких структур свидетельствует эпизод апреля 1993 г. на ферме Вако в американском Техасе, когда адепты секты «Ветвь Давидова» оказали ожесточенное вооруженное сопротивление полиции, а затем коллективно (81 человек) покончили жизнь самоубийством, включая женщин и детей.

Объединения по интересам

Объединения по интересам самого различного профиля, являясь еще одним феноменом западной общественной психологии, частично спроецированной в иные цивилизационные пространства, включают: экологические группы насильственного профиля, байкерские клубы, группировки футбольных болельщиков, хакерские группы, уже упоминавшиеся выше в контексте кибертерроризма. Все эти разнородные группы экологов, байкеров, хакеров, кракеров и ультрас объединяет идефикс, социальная психопатия, и силовой контекст деятельности. К примеру, Фронт освобождения животных, виолентная экологическая группа в США, в борьбе за свободу пушных зверей уже покарала не одного человека, не говоря о причиненном многомиллионном (в долларовом эквиваленте) материальном ущербе. Или же, группы поддержки футбольных клубов, действующие в самых различных странах мира. Футбольный матч – плавильный котел эмоций, аккумулятор мощной энергии, не столь редко находящий выход в насилии. А от околоспортивного экстрима до политического – всего лишь шаг. Недаром, группы поддержки, например, итальянского клуба Roma находятся под влиянием левацких группировок, а Lazio – неонацистских организаций и скинхедов.

Частные военные организации

Уникальная система частных военных организаций, оказывающих поддержку силового, экспертного, охранного, обеспечивающего профилей на коммерческой основе, сложилась в целом еще на завершающем этапе «холодной войны», когда тысячи профессионалов оказались не у дел. И, хотя применение частной военной силы по найму противоречит не только резолюциям ООН о борьбе с наемничеством, но и общественной морали, осудившей его как несомненное зло еще в эпоху Реформации, продажа военной экспертизы за деньги, тем не менее, вполне вписывается как в систему капиталистических отношений в целом, так и в конкретные военно-политические интересы различных государств, в частности. Наемничество, этот непростой фактор затяжных региональных конфликтов, однозначно совместимых с проблемой терроризма, отслеживается в деятельности таких организаций, как знаменитая Executive Outcome (ныне Strategic Resources Corporation), укомплектованная бывшими противниками – белыми военными служащими армии ЮАР и боевиками Африканского национального конгресса, и ставшая фактически самостоятельным субъектом гражданских войн в Сьерра-Леоне, Анголе и ряде других стран. Или, White Legion (Белый Легион), в котором вместе на территории Конго воевали тоже бывшие враги – хорваты и сербы. Или, организация Sandline International, замешанная в попытке государственного переворота в Папуа – Новой Гвинее. Или же, в деятельности таких личностей, как бывший легионер, ныне пенсионер Боб Денар

Впрочем, пора все-таки остановиться. Сказано было уже достаточно. Подведем итоги и выводы всему, о чем мы говорили выше

Блок 7. Футурология

В предыдущих сериях мы неоднократно приводили аргументы, по нашему мнению, убедительно подтверждающие: Четвертая мировая война уже идет, и набирает обороты. Формальной датой ее начала следует считать 11 сентября 2001 г.

Четвертая мировая война

Даже поверхностный анализ хронологии первого года и нескольких последующих месяцев этой войны, простое перечисление событий, географических направлений и фронтов, позволяют оценить пространственный размах и масштабы подчиняющегося единой логике процесса:

- стартовые мега-терракты в Нью-Йорке и Вашингтоне.
- последующая атака с применением биологического оружия на территории США.
- боевые действия на территории Афганистана, до сих пор далекие от завершения.
- параллельный конфликт между Индией и Пакистаном (с перспективой взаимного обмена ядерными ударами).
- локальные военные операции в Йемене, Сомали, Колумбии, Грузии, на Филиппинах.
- кампания встречных терактов на обширном географическом пространстве: Тунис, Карачи, Кувейт, прибрежная акватория Йемена, остров Бали, Москва, Момбаса...
- обострившийся арабо-израильский конфликт.
- ожидаемая и практически неизбежная военная кампания против Ирака.

- усиление военно-политического давления на Иран и Северную Корею с вытекающей высокой вероятностью реализации самых жестких сценариев.
- глобальные тайные операции спецслужб, другие действия, истинный смысл которых станет ясным гораздо позже.

Промежуточные результаты, воздействие которых очевидно уже сегодня: массовая паника и психологическая депрессия населения целых государств; ограничение гражданских прав и свобод; экономические потрясения; рост военных расходов; изменение формата международных отношений, вытекающие из этого перегруппировки на глобальном и региональном уровнях и реконфигурация взаимоотношений между центрами силы (США – Европа – РФ – КНР); поступательное расширение блока НАТО на Восток, и многое другое.

Следовательно, начавшаяся Четвертая мировая война представляется обширным и многовекторным процессом, в котором реализуются формулы будущих конфликтов, предсказанных в свое время профессором Сэмюэлем Хантингтоном («глобальное столкновение цивилизаций»), идеологом антиглобализма субкоманданте Маркосом («война между неолиберализмом и человечеством»), бывшим начальником французской разведки графом Александром де Маранш («противостояние между западной цивилизацией и арабо-исламским миром»), Элвином Тоффлером, полковником Джоном Бойдом, многими другими футурологами. В этой связи, само название войны, уже не суть важно по сравнению с ее содержанием; США, например, предпочитают официально именовать ее «Глобальной войной против терроризма» (Global War on Terrorism / GWOT), привнеся тем самым искомый подтекст борьбы «добра со злом».

Четвертая мировая война – доминирующая военно-политическая компонента современного «однополюсно-многополюсного» мира. Это – война нового типа; такой еще не было в истории человечества. Одной из ее характерных особенностей является, в частности, существенное снижение фактора межгосударственных вооруженных конфликтов и боевых действий в их классическом понимании. Наличие теперь уже общего противника для большинства стран, фиксированный международно-правовой контекст, ограничивающий применение силы государствами, транснациональные сдерживающие системы и механизмы (международные организации и договоры),

растущий приоритет контроля ресурсов над значением контроля географических территорий, развертывание информационной составляющей, и многие другие факторы, существенно девальвировали, хотя и не ликвидировали навсегда, формулу Карла фон Клаузевица о войне, как государственном инструменте продолжения политики другими средствами. В свете этого иракский, югославский, индо-пакистанский, эфиопско-эритрейский эпизоды, и другие подобные напряжения, являются скорее логичными исключениями, чем доминирующей тенденцией. На первый план выдвигаются иные приоритеты, вытекающие из выявившейся системы глобальных нетрадиционных угроз, повсеместно обостряющихся этнических, конфессиональных, социально-экономических противоречий различного уровня, фрагментации мирового военно-политического контекста, фактора многочисленных малых войн (повстанческих войн, «мятежевойн», конфликтов низкой интенсивности). Основными субъектами этих процессов, разворачивающихся на обширных геополитических пространствах от Западной Сахары и Восточного Тимора до Северного Кипра и Южного Судана, являются негосударственные военизированные структуры и системы – фигуранты международного терроризма, о котором мы и говорили все предыдущие шесть серий (блоков). Перефразируя известное выражение того же фон Клаузевица, «туман войны» (fog of war) сменил «смог терроризма» (smog of terrorism). Ожидаемая горизонтальная и вертикальная эскалация терроризма к середине наступившего века, к сожалению, делает весьма реальным неоднократное повторение и 11 сентября и 23 октября и других черных дат, ассоциируемых с ним.

Встречные обостряющие факторы

Смысловое содержание термина «терроризм» стремительно искажается, и, следовательно, нивелируется и девальвируется. Слишком велик стимул со стороны отдельных государств, политических и идеологических центров подвести под данный процесс такое понимание, которое отвечает их практическим интересам. В результате политизации явления происходит смысловое смещение и наложение понятий, не способствующее пониманию реального положения. Несмотря на наличие проблемы столь глобального масштаба, до сих пор отсутствует не только универсальное определение предмета терроризма (о принципиальной невозможности выработки которого мы уже говорили), но и его единая правовая и моральная оценка. Как представляется, это является отражением устойчивой тенденции, которую до сих пор не может переломить никакое развитие событий, в т.ч. новый этап развития человеческой цивилизации после 11 сентября. Эта тенденция, вопреки всем действующим и будущим международно-правовым договоренностям и решениям, сохранится до тех пор, пока терроризм и его смежные проявления скрытно эксплуатируются государствами в качестве инструмента «негативной дипломатии». Пока амбиции мировых центров силы, оправдываемые или прикрываемые «борьбой с

терроризмом», реально угрожают разрушением системы международного права, поступательно формировавшейся с XVII века по мере развития человеческой цивилизации, тотальной ревизией Ялты и Потсдама, и нейтрализацией формата ООН. Пока реализуются двойные, тройные и многократные стандарты «реальной политики». Пока в зависимости от конъюнктуры задействуется двусмысленная интерпретация «права народов на самоопределение» и «права народов на восстание». Пока не отменено юридическое действие ряда базовых документов ООН эпохи деколонизации, оправдывающих партизанскую войну (следовательно, и терроризм как ее неизбежную производную). Пока размытость понятия терроризма, объективно ведущая к снижению порога его реального восприятия, будет внедряться в бытовое сознание средствами массовой информации. Пока...

Несомненно, одно, - понятие терроризма в современных условиях нуждается в качественном пересмотре и расширении. Причем, постоянном. Даже если не будет принято единого определения (а его, скорее всего, и не будет). Поэтому, дополним уже имеющиеся элементы головоломки, о которых говорилось в первой серии, другими, которые, быть может, помогут нам хотя бы в общих штрихах завершить портрет феномена.

Что это такое ?

Терроризм «новой волны», или терроризм «четвертого поколения», трансформировавшийся до мега-уровня, является неотъемлемой частью современной истории человечества. Движимый самыми различными приводными стимулами и мотивациями, от религиозных и мистических до материальных, он ориентирован на использование всех доступных видов силового воздействия с целью причинения максимального ущерба противнику, его техноструктуре, политической, общественной и военной системам, системе безопасности, но в первую очередь - общественному сознанию. Терроризм представляет собой континуум политической активности, и легко конвертируется из любых других видов насилия, в том числе криминального.

Негативная функциональная роль терроризма накладывается на коэффициент масс-медиа – качественно нового самостоятельного акселератора современной информационной эпохи. Репортажи в реальном масштабе времени многократно усиливают поражающий эффект взрывной волны от любого теракта, привнося его буквально в каждый дом. Фактор CNN, или «Аль-Джазиры», объективно, формируют не только «синдром сопричастности», но и психологическую устойчивость к картинам смерти и разрушения («смерть как обыденность жизни»). Электронные СМИ, как средство максимально оперативного доведения до

индивидуума негативной (устрашающей) информации в гипертрофированной концентрации, имеют практически неисчерпаемый ресурс по внедрению стереотипов, формированию субъективной картины объективных процессов, конструированию «виртуальной реальности», и следовательно, манипуляции массовым сознанием и политическими тенденциями. Неоднозначные, перпендикулярные внутренние процессы информационной среды, породили, например, знаменитый «эффект 11.09», способствовавший глобальному моральному шоку, и восприятию в США известных событий не иначе, как в качестве национальной катастрофы.

Терроризм является объективным блокиратором на пути решения самых серьезных глобальных, «алармистских» вызовов, с которыми только сталкивается человечество - грядущие энергетический и сырьевой кризис, деградация среды обитания, неконтролируемый демографический взрыв, дальнейший разрыв между богатыми и бедными странами. Фактор терроризма препятствует мобилизации экономических и финансовых ресурсов, обращению результатов информационной и научно-технической революции, на полноценное противодействие этим вызовам, отвлекая на военные цели неисчислимы ресурсы. Так, только на 2002 / 03 финансовый год США выделяют «на борьбу с терроризмом» 393 млрд. долларов. При этом, обеспечение питьевой водой каждого жителя Земли обойдется в 6 млрд. долларов, что немногим меньше совокупных военных расходов всех стран мира в течение всего нескольких недель. Не менее 40% ученых мира (до 400.000 чел.) напрямую или косвенно участвуют в исследованиях и разработках, ведущихся в военных целях. Ситуация с фактором отвлечения порождает формулу замкнутого круга, поскольку, как мы видели в предыдущих сериях, именно бедность, перенаселение, скудость ресурсов и отсутствие образования являются самой благоприятной питательной средой для терроризма.

Фактор терроризма является как причиной, так и поводом для ужесточения общественных отношений, в том числе ограничения прав и свобод личности. Внедряемый тотальный контроль, обусловленный, в общем-то всем понятной оперативной необходимостью и соображениями борьбы с терроризмом, тем не менее, объективно тормозит, и возможно, уже обращает вспять тот несомненный прогресс, которого добилось человечество на этом поприще за последние 200 с лишним лет. «Большой Брат» из оруэлловского «1984 года» может перестать быть всего лишь плодом авторского воображения.

Каждый день терроризм стреляет в будущее. Силовой нигилизм, основанный на «культуре Калашникова», и стимулируемый «голливудской культурой», даст свои смертельные всходы в новых, еще не родившихся поколениях. Залогом тому – «дети-солдаты» (child soldiers) сегодняшних террористических войн, такие, как 14-летние братья Джонни и Лютер Хто, лидеры бирманской «Армии Бога», или

малолетние бандиты из формирования West Side Boys в Сьерра-Леоне – поклонники покойного рэпера Тупак Шакура.

Итак, терроризм – это и самостоятельная военно-политическая категория, и особый вид войны, и компонент политической культуры, и направление идейного мировоззрения. Он распространяется на любые силовые и иные представляющие угрозу мотивированные действия, проявления и тенденции со стороны любых организованных структур, действующих вне формата государства. Законная война, война между государствами, признана человеческой моралью и международным правом, как неизбежное зло. Любое насилие, проявляемое вне государственного формата и контекста закона, по определению, является заведомым преступлением. И сегодня, в первую очередь, это относится к терроризму.

Как с этим бороться?

Каковы же возможные пути, средства и формат противодействия этой глобальной угрозе? Ответ (и только теоретический, умозрительный), лежит, как представляется, сразу в нескольких плоскостях.

В первую очередь, необходим закрепленный в договорном порядке на международном уровне отказ от двойных стандартов применительно к терроризму, его использования в качестве элемента «негативной дипломатии», инструмента реализации геополитических и локальных задач. Пример зимы 2001 – 02 г.г., когда США боролись в Афганистане с террористическими организациями «Аль-Каида» и «Талибан», прибегнув при этом к помощи других негосударственных военизированных формирований, по своим формальным параметрам попадающих под определение террористических, лишней раз подтверждает сохранение этой актуальной дилеммы.

Параметрами успеха в контексте решения проблемы терроризма на национальном уровне (отдельно взятых стран) могли бы стать - консолидированное общество, сильная государственная власть, меры по информации и упреждению со стороны специализированных ведомств, разумное сочетание силового компонента с позитивными мероприятиями (политический диалог, расширение образования, ликвидация социально-экономического неравенства, и других питательных факторов терроризма), развитие международного взаимодействия на глобальном, региональном; локальном уровнях.

В современных условиях возрастает значение силового компонента, ориентированного на борьбу с терроризмом. Необходим ускоренный и масштабный концептуальный пересмотр степени и параметров угрозы, и выработка практических мер противодействия, - своего рода очередной этап «революции в военном деле». Боевые действия XXI века применительно к противоборству с негосударственными военизированными системами, структурами и формированиями будут вестись на основе иного алгоритма, - алгоритма асимметричной войны, обновленного баланса оперативной необходимости и политической целесообразности, с сочетанием традиционных (конвенциональных) военных средств, мощного информационного компонента, экономической, финансовой и ряда других составляющих. Такое видение уже находит отражение, например, в перспективной концепции строительства ВС США Joint Vision 2010, или проекте новой военной доктрины Российской Федерации. Необходимы также скоординированные, эффективные действия специальных служб и правоохранительных структур, ведущих свои «теневые» и «нишевые» войны.

Однако, война против терроризма – это не только, и быть может даже, не столько реализация силы. Применением высокоточного оружия и спецназа можно (хотя и непросто) блокировать последствия терроризма, но не устранить саму причину. На самом деле, война против терроризма – это война с бедностью, болезнями, безграмотностью. Это - обновленный в складывающихся условиях потенциал прав и свобод личности, плюрализма, политической толерантности, религиозной веротерпимости.

Необходимо, несмотря ни на что, изыскивать и находить формы диалога и взаимодействия цивилизаций. Поняв при этом, что религия становится источником духовного измерения жизни, или же источником репрессивного мракобесия, основанного на упрощенных формулах и выводах (кто не с нами, тот против нас), или же источником обоснования законности любых форм насилия, не сама по себе, а в зависимости от внешних обстоятельств, о которых говорилось выше. Поняв, что мусульмане, живущие по состоянию на 2002 г. в 1423 году хиджры, и представляющие 18% населения Земли не только в ареале основного расселения, но и в многомиллионных сплоченных диаспорах от Копенгагена до Ванкувера, к 2025 г. будут составлять полноценных 30%. Каким должен быть такой «диалог цивилизаций», не знает, наверное, никто. Однако то, что единственной альтернативой ему будет столетняя изнурительная мировая война, понимают уже многие. И что тогда для живущих сейчас, из того, что все войны когда-нибудь кончаются...

Насколько реально воплощение всего сказанного выше? Опять же, никто не знает...

Вместо заключения

Терроризм стал неотъемлемой составной частью критического рубежа развития человечества, формирующегося в условиях многократного наложения самых разнородных рисков и угроз. Конечно, его можно, и нужно, поставить под контроль в максимальной степени; однако, сама по себе проблема терроризма неразрешима, по крайней мере, на всю обозримую перспективу существования человека как биологического вида. Беспрецедентный доселе, и не знающий границ терроризм Двадцать первого века, является одним из основных субъектов приобретающей пространственный размах Четвертой мировой войны, единого глобального процесса, развитие которого определит будущее нашей цивилизации. Его суть, наверное, можно выразить словами профессора Маккензи Ора: «Это война, которую нельзя выиграть, но нельзя и проиграть». Ее масштабы, формы, приемы, географические зоны будут постоянно меняться. Неизменным останется только сам факт войны.

Джангир Арас

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru:
<http://royallib.ru>

Оставить ОТЗЫВ О КНИГЕ:
http://royallib.ru/comment/aras_dg/terrorism_vchera_segodnya_i_naveki.html

Все книги автора: http://royallib.ru/author/aras_dg.html